

У Р А Л Ь С К И Й ISSN 0134 - 241X
снегоньим
1•97

К очерку «За веру, царя и закон».
ЗВЕЗДА И КРЕСТ ОРДЕНА БЕЛОГО ОРЛА.

ЛАНСКОЙ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ
(1754-1784), ГЕНЕРАЛ-АДЬЮТАНТ,
ФАВОРИТ ЕКАТЕРИНЫ.

Ланской в красном мундире, с синей лентой
Белого орла, крестом св. Анны I ст. на шее.

П. Д. Левицкий. 1782. ГРМ. Петербург.

А. А. БРУСИЛОВ

Редакция:
Герман ИВАНОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор),
Юрий ШИНКАРЕНКО
(зам. главного редактора),
Леонид ШУНЯЕВ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

1 '97

УЧРЕДИТЕЛИ:
СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ,
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБИШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:
Ольга ВАСЮХИНА

Адрес редакции:
620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ул.Декабристов, 67

Телефон редакции: 224-501

Рукописи принимаются
перепечатанными
на машинке
через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.
Тексты, предоставленные
на дискетах, рассматриваются
в первую очередь.

По вопросам подписки
и доставки
обращаться в районные
отделения
«Росвязьинформа».

Бракованные экземпляры
отправлять
в ИПП «Уральский рабочий»

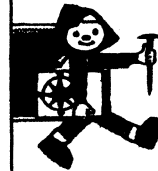
Рег. № 441 от 13.12.90
Подписано в печать 13.05.97.
Формат бумаги 84x108/16
Бумага кн.-журнальная
Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 12,0.
Усл.-печ. л. 8,4.
Тираж 5 000
Заказ № 98.

Все претензии по ошибкам
в тексте предъявлять
редакции журнала
«Уральский следопыт»
Отпечатано с готовых оригинал-
макетов на ИПП «Уральский
рабочий»-620219, Екатеринбург,
ул.Тургенева, 13

Слайды на 1 стр. обложки
Николая Перевышина

В номере:

«За веру, царя и закон» Игорь НЕПЕИН	2
Поэзия Василий БУРНИН	4
Урал атомный Борис ЕВСЕЕВ	5
Краеведческая копилка	12
Заяц Митька Владислав КРАПИВИН	14
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
Два спутника для Марии Н. ИПАТОВА	29
Заочный КЛФ	49
Пояс Евдокии Юний ГОРБУНОВ	65
Не повторяется такое никогда Юрий УРАЛЬСКИЙ	73
Откуда взялись лешие? Михаил ДОМОВ	77
«Так образы изменчивых фантазий...» Татьяна БУРУКОВСКАЯ	78

Игорь НЕПЕУН

«ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ЗАКОН»**(Орден БЕЛОГО ОРЛА)**

царствование императора Николая I, в 1831 году в систему наград Российской империи были включены два ордена польского происхождения: Белого Орла и «Станислава».

Орден Белого Орла имел одну степень и был достаточно высок. По старшинству за ним следовал «Александр Невский».

Как и все ордена, он имел три знака: звезду, крест и ленту. Звезда золотая, восьмиугольная. В середине ее крест, вокруг которого на синем поле латинскими буквами написан девиз ордена: «ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ И ЗАКОН». Звезду носили на левой стороне груди.

Крест был несколько необычен для российских орденов. В основе — двухглавый орел, над золотыми головами — корона Российской империи красного цвета. На орла наложен красный крест с раздвоенными концами, покрытыми белой эмалью. На крест, в свою очередь, наложен белый одноглавый орел. Крест могли носить и на шее, как и крест «Александра Невского».

Темно-синяя лента ордена носилась на левом плече.

По императорскому указу 1855 года к орденам, которые жаловались за военные заслуги, исключая «Св. Георгия» всех степеней, полагались два

скрещенных меча. На ордене Белого Орла они располагались следующим образом: на кресте — под короной, на звезде — через середину.

Орден Белого Орла учредил в 1705 году польский король Август II, союзник Петра Великого в войне против Швеции. (Существует предание об учреждении ордена аж в 1325 году, но оно документами не подтверждается).

Русскую знать награждали Белым Орлом задолго до его официального включения в орденскую систему империи. На протяжении всего XVIII века мы видим на портретах русских вельмож, украшенных звездой и лентой Белого Орла. В ноябре 1712 года польский король Август II возложил знаки Белого Орла на своего союзника в борьбе со шведами русского царя Петра Великого.

Русские художники XVIII века создали целую галерею образов своих современников, но среди них не затерялся портрет фаворита Екатерины II Александра Матвеевича Дмитриева-Мамонова. Граф и генерал-адъютант написан крепостным художником Михаилом Шибановым.

Исследователи почему-то отмечают на портрете только один орден — св. Анны I степени на шее. И никто почему-то не об-

ратил внимания на синюю ленту, которая видна из-под меха, и шитую звезду ордена Белого Орла на груди.

Живописный образ Дмитриева-Мамонова, созданный М.Шибановым, подкупает своей простотой, естественностью, чего не скажешь о портрете другого фаворита Екатерины II Александра Дмитриевича Ланского, работы Д.Левицкого. Выполненный по личной просьбе императрицы, он производит впечатление величественности и импозантности, которые так не идут молодому человеку в 24 года. Красный кафтан его мундира оторочен серебряным шитьем по бортам, как и черный ворот. На груди — орден св. Анны I-й степени. По мундиру вьется темно-синяя муаровая лента ордена Белого Орла, ее замыкает крест ордена, который эффектно красуется на бедре фаворита.

А.Д.Ланской попал в «случай» в 1780 году. Современники писали о нем: «Г.Ланской самый невежественный из придворных, и сама императрица краснеет, когда он заговорит с нею». И в то же время ни одного из своих фаворитов Екатерина не любила так страстно, как «Сашу». Однако он скончался на 27 году жизни от усиленного употребления «шпанских мушек», которыми восстанавли-

вал силы. Горе царственной возлюбленной не поддавалось описанию.

Интересна дальнейшая судьба портрета А.Д.Ланского. О нем писал журнал «Старые годы». Императрица так ценила портрет Ланского, что не расставалась с ним до самой смерти. В числе особенно дорогих ей вещей он впоследствии был передан в Эрмитаж. Далее следуют такие занимательные подробности. Царственные потомки Екатерины, считавшие отношение императрицы к Ланскому позорным эпизодом в ее биографии, соответственно относились и к портрету последнего. Николай I при посещении Эрмитажа недовольно повел бровями и вымолвил: «Здесь ему не место». Было приказано передать портрет в семью Ланских. Однако потомки Ланского «сослали» его на необитаемую дачу. Князь А.Б.Лобанов-Ростовский, страстный любитель древностей, выследил там портрет и купил за 500 р. Затем по странной игре случая он попал в коллекцию исторических портретов, купленную государем императором у наследников кн. Лобанова. Так портрет снова стал царской собственностью. (См. Н.Врангель. Искусство и государь Николай

Павлович. «Старые годы». СПб., 1913, июль-сентябрь. С. 53-64).

Имя Н.Врангеля, к слову сказать, мало что говорит читающей публике, а между тем оно в свое время пользовалось широкой известностью. Рано погибший, но необыкновенно талантливый искусствовед барон Николай Николаевич Врангель участвовал в 1901 году в устройстве выставки русских портретов XVIII-XIX вв., издал иллюстрированный каталог выставки, затем выходило его двухтомное описание «Музей Александра III», а также обширное исследование «Очерки по истории миниатюры в России». Не лишним будет вспомнить, что Николай Николаевич был родным братом главнокомандующего русской армией в Крыму Петра Николаевича Врангеля...

Итак, в 1831 году орден Белого Орла был включен в русскую наградную систему. Назовем имена нескольких его кавалеров XIX—нач. XX века.

Выдающийся флотоводец России, адмирал П.С.Нахимов отмечен орденами св. Владимира и св. Георгия (двух степеней). Последней его наградой стал орден Белого Орла, полученный 13 января 1855

года за оборону Севастополя. «Мы гордимся Вами и Вашей славой как украшением нашего флота», — сказано в одном из документов.

3 марта 1944 года в СССР учрежден орден Нахимова (две степени) и медаль Нахимова.

Генерал от кавалерии А.А.Брусилов был осыпан наградами куда щедрее: «Станислав», «Анна», «Владимир», «Георгий»... Замыкает его награды также орден Белого Орла с мечами.

Алексей Петрович Игнатьев, граф, генерал-лейтенант, член Государственного совета. Полковник в 27 лет. Командовал Кавалергардским полком, одним из самых привилегированных в русской гвардии. Потом — генерал-губернатор Восточной Сибири, затем Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор. Отец автора воспоминаний «50 лет в строю» А.А.Игнатьева.

Среди деятелей русской науки, культуры, искусства кавалерами ордена Белого Орла были знаменитый историк С.М.Соловьев, художник И.К.Айвазовский. Кстати, знак этого ордена, принадлежавший художнику, ныне хранится в Государственном историческом музее в Москве.

АНОНС!

В начале 1997 года группа творческих работников Свердловской области была удостоена премии губернатора Э.Э.Россея. Среди них — наш постоянный автор — писатель Сергей Георгиев. Губернаторская премия вручена ему за цикл сказок «Запахи миндаля».

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

В следующем номере «Уральский следопыт» познакомит вас с новой работой С.Георгиева — «ВЕТКА ВЕРЕСКА».

«МЫ РАСХОДУЕМ ЖИЗНИ КОНСПЕКТЫ НА ПОЛЕТЫ СОМНИТЕЛЬНЫХ ПТИЦ...»

Василий БУРНИН

РОЖДЕСТВО

Вдали мерцали где-то города.
Была жара, а может быть, прохлада.
Но Вифлиема яркая звезда
Вела волхвов туда, куда и надо.

И люди настороженной толпой
Смотрели, как открылись неба двери.
И ангелов веселый, шумный рой
Вещал о том, что снова можно верить.

А в яслях в это время спал творец,
Не зная о своем предназначении.
Баранов шум да блеянье овец —
Вот все, что было слышно в час вечерний.

А предо мной опять волхвы идут
К тому, кто все грехи собрать был призван,
И тихо гимны господу поют,
Ища дорогу к руслу новой жизни.

Открытые окна, за окнами полночь,
Исчезла вся злоба, исчезла вся горечь,
И тихо сижу я в ночной глубине,
И радостно мне.

Еловые лапы, горящие свечи,
А в окна врываюся ветер и вечер,
И, облокотившись на подоконник,
Ты слушаешь "Белый шиповник".

А музыка льется, а музыка дышит,
А ночь поднимается выше и выше,
Со скукою, с болью душа расстается.
А музыка дышит, а музыка льется.

Над городом тучи,
и воздух вокруг молний накручен,
А капли дождя
об асфальт разбиваются лбом.
Один, без зонта,
вспоминая Великий Могучий,
Идет человек,
и торопится в теплый свой дом.

И день неприветливый
вроде бы полностью прожит —
Остались лишь кофе,
газета и ночь напролет.

Идет никому не известный
случайный прохожий,
А дождь не идет,
но уже нескончаемо льет.

А может, семья его
ждет у электрокамина.
Глядит сквозь окно
на дождями измученный край —
Ты просто прохожий,
тебе обливает машина,
И ты не успеешь
на тупо звенящий трамвай.

ПРОСТО ЖИЗНЬ

Просто город. Просто небо.
У тебя над головою
Провода, а под ногами
просто стоптанный асфальт.
Просто старые деревья
вновь окутались листвою,
Из окошка раздается
чей-то просто чудный альт.

Если вывернуть кварталы,
как карманы, наизнанку,
То посыпятся песочницы,
машины, турники,
И останутся деревья да дома.
А спозаранку
Потекут из всех подъездов
на свободу ручейки.

Просто жизнь, где просто — птицы
на карнизы смело гадят,
Вдоль киосков ходят люди —
просто хочется им пить,
А их жены в огороде
что-то сеют, что-то садят,
И о счастье — о несчастьи
неуместно говорить.

Дождь, холодно, тебя к тому же нет,
И даже за версту не пахнет маем.
Но май прошел, и ты прошла, играя
Весной на перекрестьи наших лет.
В мерцании бесчисленных планет
Я не томлюсь, сижу спокойно дома,

Ведь, кстати, против лома нет приема,
Когда и лома нет, и дома нет.

И зеленеет каждый сельсовет,
И лампочка горит, вольфрамом плача,
И не страшна своих позиций сдача,
Особенно, когда позиций нет.

И снова дождь, и снова осень плачет,
А ночью мелко сыплет людям сдачу.
Они скорей бегут в свои квартиры:
Философы, трудяги и задиры.

Кому-то врут, кому-то изменяют,
И лампочку сгоревшую меняют.
А все, о чем весною так мечталось,
Опять на мелкий дождик разменялось.

Пространство снова мстит Евклиду
И скрещивает за углом
Прямые. Не подав и виду,
Они расходятся потом.

А в небе, вопреки Ньютону,
Высоко яблоко парит,
Не подчиняется закону,
Но в лоб летит метеорит.

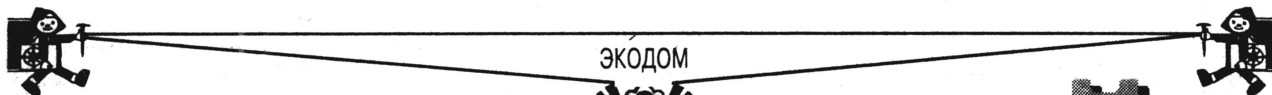
И с марсианских колоколен
Мы слышим тихий перезвон.
Один Альберт Эйнштейн спокоен
За свой незыблемый закон.

Разрывая сухие конспекты
На квадратики пестрых страниц,
Превращаем науки аспекты
В эскадрилью летающих птиц.

Окна настезь открыв у общаги
И смахнув с подоконника сор,
Выпускаем мы тонны бумаги
На веселый весенний простор.

В полный рост на окошке красуюсь
И двory озираю, смеясь.
Далеко полетишь, моя юность?
Или носом спикуруешь в грязь?

Все, что годы талдычил нам лектор,
Плавню под ноги падает ниц.
Мы расходует жизни конспекты
На полеты сомнительных птиц.

ЭКОДОМ

Борис ЕВСЕЕВ

УРАЛ АТОМНЫЙ

Историческое колесо

«...несмотря на сложность и нерешенность многих рассмотренных вопросов, у региона и страны в обозримом будущем нет разумной альтернативы сотрудничеству и содружеству с атомно-промышленным комплексом, потенциал которого уже сегодня позволяет создать экологически безопасные и экономически выгодные производства. Только общими усилиями мы способны решить жизненно важные социально-экономические, производственные, научные и другие проблемы, для чего прежде всего необходимо объединение всех заинтересованных сторон».

Из решений 3-го международного симпозиума
«Урал атомный: наука, промышленность, жизнь». 1995 год, июнь.

Х ОЛОДНАЯ ВОЙНА между США и СССР принадлежит уже безвозвратному прошлому, однако ее наследие может доставить человечеству немало бед.

Так, сегодня общепризнанно: по совокупности техногенной и радиационной нагрузок у нашего Урала нет аналогов в мире.

Атомно-промышленный и горно-металлургический комплексы... Едва ли не запредельная концентрация энергетических, химических, металлообрабатывающих и других производств... Все это уже десятки лет оказывает беспрецедентное воздействие на окружающего человека природную среду, а значит — и на самого человека.

Нигде в мире нет и столь плотной и опасной концентрации радиоактивного материала.

Историческое колесо оставило на этой густонаселенной земле незарастающую гигантскую атомную колею.

Мы расскажем о проблемах науки и о проблемах жизни.

Ежегодно в гостеприимном городке Заречном, расположенном неподалеку от Екатеринбурга и рядом с Белоярской атомной электростанцией, проводится международный симпозиум «Урал атомный».

Его постоянный организатор — Институт промышленной экологии Уральского отделения Российской Академии наук.

Под этой «крышей» насыщенно и дискуссионно работают авторитетные ученые из разных стран (атомщики, экологи, медики, экономисты), ответственные работники Российской атомной отрасли, представители районных и областных администраций Уральского региона, общественные деятели.

Первый такой симпозиум состоялся в ноябре 1993-го, и сегодня видно, что это было вызвано поистине государственной и жи-

зненной необходимостью. Тогда участники почти единогласно решили:

— признать реальной угрозой деградации Уральского атомно-промышленного комплекса с возможными непредсказуемыми последствиями;

— признать неблагополучной и тревожной сложившуюся в районах Уральского региона общеэкологическую и радиоэкологическую обстановку.

Такое осознание опасности, нависшей над Уралом, пробивалось долго и трудно. Чему были причины. Это и сорокалетняя непроницаемая завеса сверхсекретности вокруг атомных предприятий, и умышленное сокрытие информации о масштабах происходившего загрязнения и его последствиях для человека, и воспитанное «ударными» десятилетиями наплевательское отношение к природе (от которой «нельзя ждать милостей»).

Лишь во второй половине 80-х, после Чернобыльской трагедии и прихода гласности, на бесчисленных громких митингах и в тихих кабинетах практически одновременно стало зреть убеждение: без решения проблем экологии будущее Урала катастрофично.

Именно тогда по инициативе председателя Уральского отделения РАН академика Геннадия Андреевича Мясца в Екатеринбурге-Свердловске был создан региональный научно-инженерный Центр экологической безопасности.

А спустя всего три года — в 1992-ом — на базе этого центра был организован академический институт промышленной экологии...

Рассказывает директор института, доктор физико-математических наук, профессор Виктор Николаевич Чуканов:

— ...Когда от председателя поступило предложение создать

Центр экологической безопасности, времени для раздумий было немного. Вместе со мной группу основателей-энтузиастов составили мои коллеги и добрые товарищи — преподаватели и выпускники физико-технического факультета Уральского политехнического института.

Часто при знакомстве с нашим коллективом удивляются: надо же, выпускники физтеха и — пошли в экологию?! А дело в том, что экология, как говорится, мультидисциплинарна. Физике, химии, математике, биологии, медицине, экономике, — всему здесь найдется свое место. И вообще трудно назвать область знаний, которая не имела бы прямого отношения к проблемам экологии или не соприкасалась бы с ними.

На физтехе мы — я имею в виду пришедших затем в наш институт — занимались, например, изучением метастабильных (то есть относительно устойчивых) состояний жидкости и пара, динамики разреженного газа, механики сплошной среды. Это позволяет нам, практически не меняя направленности своих исследований, заниматься, скажем, решением сложнейшей проблемы переноса загрязнений в атмосфере и их осаждения. Вот вам, пожалуйста, экологическая «ниша», связанная с экологией атмосферы, ландшафта, поверхностных вод.

Мы также изучали структуру жидкостей, и в первую очередь — воды, биосубстратов в воде, их переохлаждение и кристаллизацию. Известно, что сборка элементов биологических структур — от ДНК до клетки — происходит в водной среде. Если структура воды в результате попадания примесей окажется с отклонениями от нормы, то и сборка получится некачественной. Вот, пожалуйста, и другая экологическая «ниша» для нашего института — очень интересное научное направление, напрямую связанное с экологией.

И наконец — наше базовое образование (ядерно-энергетические установки, физика изотопов и так далее), которое дает прямой выход на экологические проблемы атомной промышленности, радиоактивных отходов.

Можно назвать еще целый ряд экологических «ниш». Их может занять или уже занимает наш институт среди экологических институтов Академии. Таких, как Институт эволюционной морфологии и экологии животных имени А.Н.Северцова в Москве, Институт экологии растений и животных в Екатеринбурге, Институт биологии и физиологии в Сыктывкаре, которые уже наработали немалый научный потенциал, традиции, опыт. Мы же только начинаем.

С самого начала, еще с момента возникновения Центра экологической безопасности, для нас было ясно, что чисто экологических проблем не существует (и уж тем более — на Урале), а есть сложнейшее переплетение технологических, экономических, медицинских, социальных, физических и многих других проблем. Мы поняли: чтобы разобраться во всем этом, необходим системный подход. Лишь с его помощью можно установить обязательную последовательность приоритетов и найти оптимальный путь к достижению цели.

Следует заметить, что экология как фундаментальная наука полностью еще не сформировалась. В пространстве знаний, которое она должна занимать, пока заняты отдельные области. Наглядным отражением этой ситуации является хотя бы рубрикация научных направлений в деятельности Российской Академии наук, где есть «демогра-

фическая экология» и «экология и экономика», «экология и психология» и «экология биосистем», а также «фундаментальные аспекты экологии человека». Все эти части единой науки «экология» выросли спонтанно и независимо, каждая — со своим понятийным аппаратом, и сегодня они слабо соотносятся между собой.

Убежден, что основой любой мультидисциплинарной науки должен быть системный подход, системный анализ. Экология рано или поздно придет к этому.

Мы стараемся развивать такой подход. Что и как у нас получится, покажет время. Но, думается, наиболее подготовлены к решению мультидисциплинарных проблем специалисты, прошедшие именно физтеховскую подготовку.

Суть уникальной системы подготовки кадров, внедренной в конце сороковых годов самим Игорем Васильевичем Курчатовым, можно, пожалуй, образно выразить словами русской народной сказки: «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что».

И как много надо знать и — главное — уметь, чтобы успешно решать подобные задачи в жизни! Тем более, что это приходится делать почти всегда в нестандартных ситуациях.

Председатель Программного комитета международного симпозиума «Урал атомный» В.Н.Чуканов.

Нашим первым серьезным практическим испытанием было экологическое обоснование дальнейшего развития Белоярской атомной — строительства нового блока на быстрых нейтронах. Это усложнялось тем, что работа совпала по времени с пиком ожесточенной критики всей атомной отрасли со стороны различных общественных движений. Оставаться в ту пору объективным было не так-то просто.

Сначала наш голос в пользу расширения станции был, наверное, единственным, однако в итоге наши взвешенные выводы были признаны правильными.

А первым опытом системного подхода к решению задач экологической безопасности всего региона стала для нас разработка Государственной программы реабилитации радиоактивно загрязненных территорий в результате деятельности производственного объединения «Маяк».

Здесь начало всему положила небывало открытая и бурная дискуссия о необходимости строительства в Челябинской области Южно-Уральской АЭС. И почти одновременно в широкой печати появились публикации о тяжелой радиационной аварии на «Маяке», происшедшей еще в 1957 году и всячески замалчивавшейся властями. Судя по официальным источникам, тогда в результате теплового взрыва одной из емкостей высокоактивных отходов было выброшено в окружающую среду 20 миллионов кюри радиоактивности, из которых два миллиона — тоже весьма немало — ветер тут же развеял по Челябинской, Свердловской и Тюменской областям на 23-х тысячах квадратных километров, образовав так называемый Восточно-Уральский радиоактивный след (ВУРС).

И вот по проекту атомная станция должна возводиться прямо на территории этого самого «Маяка» — крупнейшего у нас в стране радиохимического комбината, где 40 лет целеустремленно креп наш Ядерный щит. Нетрудно себе представить накал страстей!

Сегодня эти недавние страсти поостыли, и, значит, чуть ближе подступило к нам время слышать друг друга. За прошедшие годы мы еще больше утвердились в том, что Южно-Уральскую АЭС нужно строить и придется строить уже очень скоро: по-настоящему серьезных аргументов в пользу этого сейчас более чем достаточно. Однако на рубеже 90-х сама мысль об этом для многих звучала крамольно.

Летом 1990-го для оценки экологической ситуации в районе деятельности «Маяка» была создана научная комиссия под председательством директора Института экологии растений и животных Уральского отделения РАН академика Владимира Николаевича Большакова, в которой рабочие, исследовательское ядро почти целиком составили сотрудники нашего центра.

На «Маяке» нас встретили приветливо. Поселили в скромном и уютном гостиничном коттедже на берегу озера Иртяш, где, как нам сказали, уже в пятидесятые годы всегда останавливался и Курчатов. Я читал во многих источниках и слышал непосредственно от ветеранов, что этот комбинат с первых дней был для него — выдающегося ученого и государственного деятеля — самым любимым и непредсказуемым детищем, принесшим ему через край забот, радости, горя...

...Прервем этот рассказ, чтоб хотя бы контурно познакомить читателя с «Маяком», олицетворившем высокую драму всей российской атомной отрасли.

Итак, расположен «Маяк» на севере Челябинской области, в 70-ти километрах от миллионного Челябинска, близ староуральских городов Кыштыма и Касли.

Строгий контроль при въезде. Ничего не скажешь. «Маяк» — это все-таки и сегодня государство в государстве. Огороженная и охраняемая территория занимает примерно 200 квадратных километров (что, правда, в десятки раз меньше, чем территория «родственного» Хэнфордского атомного комплекса в США).

Все главные производства располагались и располагаются по южному берегу «технического» озера Кызыл-Тяш, а в 10-ти километрах от промышленной зоны, между озерами Кызыл-Тяш и Иртяш, находится жизненный и жилой центр «Маяка» — город Озерск, легендарно известный миру сначала как Челябинск-40, затем как

Челябинск-65. Многие годы это был не обозначившийся на картах потаенный, закрытый, «номерной» город, и лишь пару лет назад он буднично, служебно сменил свой «номер» на вполне гражданское, дивильное имя. Естественно, жители — их здесь под 100 тысяч — своими жизнями как-либо связаны с комбинатом.

Подлинным прорывом в гласность можно считать созданную и выпущенную по инициативе городской администрации документальную книгу челябинских историков и литераторов В.Новоселова и В.Толстикова «Тайна «Сороковки», или Сохранившие мир».

Целых 40 лет (по существу, все эти 40 лет жила именно «Сороковка») определяющей продукцией огромного предприятия являлся оружейный плутоний — ядерная взрывчатка для бомб и боеголовки.

Само создание такого оружия («оружия сдерживания» или «оружия устрашения») было для истощенного четырехлетней войной Советского Союза тоже государственной и жизненной необходимостью.

Бесспорно, мощнейший толчок этому дали атомные бомбардировки авиацией США японских городов Хиросимы и Нагасаки: 6-го и 9-го августа 1945 года человечество вдруг увидело дно бездны, — после чего в СССР были спешно приняты многие организационные меры.

Так, уже 20-го августа постановлением Государственного комитета Обороны был создан для решения всех проблем Уранового проекта наделенный всеми полномочиями Специальный комитет во главе с членом ГКО и Политбюро ЦК ВКП(б), Первым заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, Маршалом Советского Союза Лаврентием Павловичем Берией.

30-го августа при Совнарком для повседневного руководства атомной промышленностью и координацией научно-технических и инженерных разработок было организовано Первое главное управление (ПГУ) под началом генерал-полковника Бориса Львовича Ванникова, бывшего до этого Наркомом боеприпасов (а перед самой войной спасенного лично Берией от неминуемого расстрела).

Наконец, 1-го декабря было принято постановление правительства СССР N 3007-697 о строительстве Плутониевого комбината — первого в стране промышленного комплекса «по наработке плутония и переработке делящихся материалов», на базе которого и вырос «Маяк».

В состав комплекса должны были войти: 1) реакторы для наработки плутония, 2) радиохимический завод для выделения плутония из облученных урановых блоков и 3) химико-металлургический завод для получения спектрально очищенного плутония и изготовления из него смертоносной «начинки».

Разумеется, здесь работы начались без каких-либо промедлений: в конце декабря был утвержден выбор строительной площадки на Южном Урале и туда была отправлена первая партия строителей, а в конце лета 1946-го тысячи и тысячи заключенных уже вовсю рыли котлован под первый реактор. Впрочем, все три производства строились практически одновременно. За ходом этого строительства пристально следил сам И.В.Сталин.

Надо признать, у него тогда были весомые основания для постоянной тревоги. Еще весной 46-го Уинстон Черчилль, недавний военный союзник и давний заклятый «друг», в американском городке Фултоне провозгласил Крестовый поход против коммунизма. В планах штабов США вслед за Хиросимой и Нагасаки стояли атом-

ные бомбардировки уже советских городов. Третья мировая война в те годы могла стать реальностью.

Противники по всем статьям были достойны друг друга.

«...То, что мы делали, было на самом деле большой трагедией, отражавшей трагичность всей ситуации в мире, где для того, чтобы сохранить мир, необходимо делать такие страшные, ужасные вещи», — скажет уже в 1988-ом, на исходе жизни, академик Андрей Дмитриевич Сахаров, который был не только стойким диссидентом-правозащитником, но и творцом советской водородной бомбы.

Послевоенная страна лежала в руинах, и празднично отмечался каждый новый дом и заработавший цех, однако радио и газеты не молчали о наиважнейшей стройке на Урале. Зато с 1947-го не раз и не два приезжал сюда Берия. Ветераны Плутониевого комбината вспоминают, что обязательными результатами этих хозяйских посещений были замены руководителей, небывалое даже по тем временам ужесточение секретности (по сути, почти все жители стремительно растущей «Сороковки» — инженеры, техники, рабочие, охранники — превратились в привилегированных заключенных с жестко ограниченными правами) и, конечно же, лихорадочное возрастание темпов работ. Цель как будто оправдывала здесь любые средства.

Поздним вечером 7-го июня 1948 года научный руководитель Уранового проекта академик Курчатов, не особо скрывая волнение, занял место главного оператора пульта управления и в присутствии Ванникова, его заместителей, всего руководства комбината, ученых и дежурных инженеров впервые произвел запуск реактора, а 19-го июня, в полдень, завершилась вся подготовка к выходу этого реактора на проектную мощность, и многим посвященным лицам, наверное, показалось тогда, что уже ничто и никто теперь не остановит цепную реакцию деления ядер урана и выделения из них плутония для первой советской атомной бомбы.

Однако на комбинате не успели отпраздновать победу: неприятности обрушились уже в первые сутки, и они имели отвратительное «металлургическое» определение — «козел», смысл которого для атомщиков состоял в том, что разрушенные по каким-то причинам урановые блоки намертво спекались с графитом. Реактор был тут же остановлен. На ликвидацию аварии потребовалось более двух недель.

А вскоре «объявился» второй «козел». Но теперь руководители комбината и ИГУ решили ни в коем разе не прекращать наработку бесценного продукта, и, следовательно, реактор уже не был остановлен ни на день, ни на час. Это впервые привело здесь к радиоактивному загрязнению помещений и переоблучению работавших людей.

Дальше непредвиденные сложности и проблемы хлынули нарастающим сплошным потоком, и в январе 49-го реактор был остановлен уже на капитальный ремонт.

Но сначала нужно было непременно, во что бы то ни стало вытащить из него урановые блоки, частично облученные и сильно радиоактивные, — в то время страна очень остро ощущала дефицит урана, и потеря, утрата их, как свидетельствует академик Юлий Борисович Харитон — бессменный научный руководитель непосредственно «делавшего» бомбу КБ-11, отодвигала получение оружия как минимум на год, чего, разумеется, никак не могли допустить ни Курчатов, ни Ванников, ни Берия.

Из совершенно безвыходной вроде бы ситуации на комбинате быстро отыскали по-советски простой и верный выход: эту «грязную» операцию «доверили» всем или почти всем работавшим на реакторе мужчинам, которым — без всякой защиты — удалось таки спасти аж 39 тысяч блоков.

Каждый из этих блоков тщательно, придирчиво осматривался в центре зала Курчатовым, и очевидцы говорят, что если б тогда его обманом не увели оттуда, то он бы наверняка погиб. Спасители урана получили свои дозы радиации. Зато через три месяца реактор уже мог снова зарабатывать плутоний.

Первая загрузка облученных блоков в аппарат-растворитель радиохимического завода была произведена в декабре 1948-го, а в феврале 1949-го на конечном переделе была получена первая продукция. В автобиографической книге «Плутоний для атомной бомбы», изданной несколько лет назад в Озерске, один из участников этого события Михаил Васильевич Гладышев пишет, что плутоний «мы высклабливали ложкой — (это плутоний-то — самое токсичное вещество — ложкой!) — с нутч-филтра в отдельном «каньоне», где присутствовали представители науки и администрации. Затем заложили «пасту» в эбонитовую коробку и передали потребителю».

Потребителем был химико-металлургический завод, первая продукция которого — плутониевый заряд — в июле 49-го была отправлена с комбината в будущий Арзамас-16 (ныне снова исторический Саров), где «прописалось» КБ-11 и где шла уже доводка многожданного «изделия».

29-го августа первая советская атомная бомба успешно сдала экзамен на Семипалатинском полигоне, и это был триумф — триумф в очередной раз выстоявшего государства, после чего между великими державами могла разворачиваться уже только Холодная война.

Так первый полновесный трудовой праздник пришел на заключенные улицы «Сороковки», главная из которых уже заслуженно и гордо носила имя Берия — строгого и заботливого «отца» всей советской атомной программы.

Лишь неполных четыре года оставалось властвовать, работать, жить как будто всеильному председателю Специального комитета. Затем четыре с лишним десятилетия приказно будет исключаться, замалчиваться, искажаться его вклад в становление атомной промышленности, но, пожалуй, именно атомным предприятиям выпала доля стать единственным памятником этому неоднозначному человеку. Наверное, стоит напомнить слова Курчатова, наотрез отказавшегося в июле 53-го на скороспешном пленуме ЦК КПСС глумиться над поверженным великаном: «Если б не Берия, то не было бы никакой бомбы». То есть возможно, что в таком случае не было бы у нас и небывало долгого мира, без которого не было бы и многих из нас. Вот где тоже нужна правда — правда во всем. Никакое замалчивание не может продолжаться бесконечно.

В пуске Плутониевого комбината и получения плутония принимали непосредственное участие выдающиеся советские ученые Андрей Анатольевич Бочвар, Илья Ильич Черняев, Антон Николаевич Вольский, Анна Дмитриевна Гельман, Александр Семенович Займовский, Анатолий Петрович Александров, Владимир Иосифович Меркин, Борис Александрович Никитин, Александр Петрович Ратнер, Яков Ильич Зильберман и другие. Мы хотим верить, что они были честны равно пред государством и своей совестью.

Кстати, ни один из них, как утверждает Серго Берия в своей книге «Мой отец — Лаврентий Берия», не бросил обличительного, худого слова о бывшем председателе бывшего Специального комитета.

Они были представителями российской интеллигенции.

Сам Игорь Васильевич Курчатov ушел из жизни («точно заснул») пятидесяти семи лет от роду в 1960-ом, и это как бы завершило, ограничило жертвенную, героическую и беспощадную эпоху советской атомной отрасли.

И на Плутониевый комбинат приходили новые поколения атомщиков, среди которых было и немало выпускников физтеха Уральского политехнического.

До конца 80-х шла ядерная гонка.

А из радиоактивных глубин сороковых-пятидесятых годов неостановимо поднимались почти все основные нынешние проблемы.

Да, плучение ядерного оружия обходилось недешево. Однако платой за плутоний сразу стали здоровье и жизнь. И не только на реакторе.

В своей книге тот же Гладышев, от начала работавший на радиохимическом заводе и до недавних пор бывший его директором, сообщает:

«...Все делалось впервые. Казалось бы, ученые-радиохимики должны были догадаться, сообразить, понять, как будет все на заводе, но и они познали беду лишь потом, когда начали работать. Ведущие специалисты, доктора наук, академики постоянно были на объекте, но и они недооценивали все коварство радиохимической технологии.

Борис Александрович Никитин — руководитель всей пусковой бригады, член-корреспондент Академии наук, автор технологии с применением экстракционных процессов — сам оказался жертвой незнания всех подробностей радиохимии и умер вскоре после пуска объекта.

Александр Петрович Ратнер — доктор химических наук, тоже любимый ученик основоположника отечественной радиохимии академика В.Г.Хлопина, первый научный руководитель завода — во время пуска и в начальный период эксплуатации объекта наблюдал, следил за технологией не только со щита, не только по анализам, а сам лез в «каньон», в аппарат. Смотрел, щупал, нюхал. И всегда — без средств защиты, в одном халате, в личной одежде. Вряд ли я преувеличу, если назову его Героем труда и науки. Его самоотдача, которая сопровождалась, к несчастью, пренебрежением к санитарной обработке после посещения опасных мест, к чистоте и аккуратности, привела его к гибели. Он умер через три года.

Яков Ильич Зильберман — главный технолог проекта, доктор технических наук, лауреат Ленинской и Государственной премий — был более аккуратным, но обстановка заставляла и его видеть все и бывать везде. Он умер не сразу, а через десять лет.

Что ж, пусть это жертвы науки. А как много было пострадавших из тех, кто вел технологию своими руками, кто ремонтировал и переставлял аппараты, вентили и приборы, кто заваривал свищи и убирал пролитый активный раствор, кто просто беззаветно трудился, полностью доверяя работавшим рядом руководителям, специалистам, ученым свою безопасность. Разве думал о последствиях своего беззаветного труда техник-механик Алеша Кузьмин или инженер-механик Александр Ведюшкин, которые сделали свое дело и молча умерли. Можно привести еще много фамилий настоящих героев...»

Как рассказывают сегодня другие ветераны «Маяка», столь же драматичной была ситуация и на химико-металлургическом заводе.

Цена оказалась небывало высокой.

Только осенью 91-го, после распада тоталитарного государства, московский журналист А.Пральников в статье «Смерть в рассрочку», напечатанной в газете «Мегаполис-экспресс», подвел некоторые итоги:

«...В Челябинске-65 нашлось не более 150 человек, имеющих право на ветеранскую прибавку к пенсии. А за первые пять лет деятельности комбината из-за переоблучения здесь сменилось около 20-ти тысяч человек персонала.

Не очень-то заботясь о себе и о своих детях, наши атомщики еще меньше думали о нас...»

Да, «тут не убавить, ни прибавить». Что было, то было. И сегодня, вот уже скоро полвека, «Маяк» является источником повышенной радиационной опасности.

По сути запрограммированным следствием тотальной государственной политики («Даешь плутоний!») следует считать случившиеся на комбинате аварии и инциденты, о которых нам, гражданам этой страны и жителям этого региона, разрешили узнать позже всех в мире.

Понятно, что причиной была доведенная до абсурда секретность, сыгравшая в конце концов с «Маяком» чрезвычайно злую шутку.

Разберемся теперь во всем спокойно.

Так, уже во второй половине 49-го на комбинате почему-то оказались заполнены все проектные хранилища для радиоактивных отходов. Это принуждало или к долговременной остановке радиохимического завода и, следовательно, прекращению производства плутония, или к сбросу всех последующих отходов, например, в соседнюю речку Течу, входящую в Обскую речную систему. Решение принималось как будто на самом «верху» — Курчатovым, Ванниковым, Берией.

Конечно же, ни о какой остановке завода не могло быть речи. Однако, наверное, перед глазами уже лежали донесения бериевских разведчиков (знаменитая «команда советских атомных шпионов» ныне широко известного генерала Павла Судоплатова) об успешном опыте Хэнфордского комплекса, где именно для такой цели использовали реку Колумбью. И все та же необходимость заставляла не медлить.

Итак, решено — принято к исполнению. Правда, совсем не обращалось внимание на то, что в Колумбии воды больше, чем даже в нашей Волге. Поэтому изначально была заложена принципиальная ошибка, и она затем заявила о себе трагедией.

Сегодня официально подсчитано: за два года от радиохимического завода поступило в Течу около 3-х миллионов кюри активности. И нередко — аварийно, залпово, «диком». Небольшой реке было не по силам разбавлять такие концентрации. Радионуклиды стали стремительно скапливаться в донных отложениях.

А люди на берегах, не подозревая ни о чем, по-прежнему, как их деды и прадеды, использовали речную воду.

Им даже не сообщили о возникновении в реке постоянной грозной опасности, не имеющей, увы, ни вкуса, ни запаха, ни цвета.

Это было преступление — преступление власти. От него в Челябинской и Курганской областях пострадали 120 с лишним тысяч человек, и почти 30 тысяч из них получили большие,

тяжелые дозы. Похоже, особенно досталось подросткам, так как у злого радиоактивного стронция выявлена повышенная тяга к их кренущим костям.

Всем пострадавшим, ни в коем случае не оглашая диагноза (это было тоже государственной тайной), предложили ничтожную компенсацию за «причиненный ущерб» — по 600 рублей «сталинками» на переоблученную душу, потом все-таки навсегда заколотили два десятка деревень по реке и переселили примерно восемь тысяч человек, на чем облегченно поставили точку, посчитав свой государственный и гражданский долг всецело исполненным.

Оказалось — до сентября 1957-го, до взрыва огромной емкости высокоактивных отходов (кстати, его мощь была такова, что 170-тонная стальная плита-крышка отлетела на 20 метров), до возникновения гигантского ВУРСа, до многих тысяч гектаров надолго выведенных из хозяйственного оборота земель и до многих тысяч переоблучившихся людей, когда все опять пришлось зашпаклевать и замалчивать.

Что и говорить, на таком фоне третья напасть или третий инцидент поначалу смотрится почти безобидно. Весной 1967-го сильная засуха обсушила мелководья небольшого (45 гектаров) бессточного озера Карачай, и мгновенный смерч сгреб оттуда с пылью всего лишь около 600 кюри активности. Вроде бы эка невидаль для «Маяка», для Урала! — однако знание особенностей этого водоема тут же заставило специалистов тревожно задуматься: следующий «звонок» мог оповестить о катастрофе, способной потрясти всю планету.

С октября 51-го (после аварийного безостановочного сброса 27-29 сентября в Течу более 200 тысяч кюри) именно сюда, в Карачай, был направлен главный поток жидких отходов плутониевого производства, и постепенно уже здесь, в самом озере, накопилось, опять же по официальным данным, 120 с лишним миллионов кюри активности, что, например, в два с половиной раза превышает Чернобыльский выброс.

В таком растворе не смогли ужиться даже сине-зеленые водоросли, живущие как будто везде на божьем свете.

Сейчас Карачай окончательно «убирается с лица Земли» — обвешанные свинцовой защитой тяжелые самосвалы засыпают его грунтом (Боже, неужто когда-нибудь здесь будет действительно зеленая лужайка с безмятежно пасущимися коровами?!), но под озером, в глубине, уже созрела новая опасность — увесистый слой зараженной, «грязной» воды общей площадью более 10-ти квадратных километров, и он неостановимо расширяется по направлению все к той же Тече, откуда ему откроется магистральный путь в Исеть, Тобол, Иртыш, Обь.

А на самой Тече, в ее верховьях, опасность накапливается в сети огромных искусственных водоемов, созданных комбинатом для отстоя низкоактивных отходов: весенний паводок однажды может выплеснуть отсюда десятки и сотни тысяч кубических метров радиоактивной отравы. Еще в середине 80-х уверенно, оптимистично предполагалось, что понижение и стабилизация этого уровня станет обязательной задачей Южно-Уральской АЭС, но...

Рассказывает Виктор Николаевич Чуканов:

— ...После изучения экологической ситуации на «Маяке» и вок-

руг него наша комиссия (комиссия под председательством академика Владимира Николаевича Большакова) осенью 1990 года предложила разработать Государственную программу по реабилитации всех загрязненных радионуклидами территорий Урала (районы Челябинской, Свердловской и Курганской областей) и комплексным мерам социальной защиты пострадавшего от радиации населения. Сюда же мы включили и проблему накопления на промышленной площадке комбината — в открытых водоемах, подземных водах, верхнем почвенном слое — просто небывалого количества потенциально опасных радиоактивных отходов (более 1-го миллиарда кюри).

Безусловно, работа над Госпрограммой потребовала от нас полной выкладки сил. На мой взгляд, даже сам процесс ее создания можно считать беспрецедентным: впервые по инициативе, как говорится, «снизу», от региона, группой ученых и представителей администраций трех областей менее чем за год был разработан комплекс мер, ставший программой действий правительства страны. Причем, подчеркну, вся эта работа проводилась нами сугубо на общественных началах.

К реализации программы, сравнимой по масштабам с Чернобыльской, приступили уже в декабре 1991-го.

В работе над концепцией вместе с нами участвовали ответственный работник тогдашнего союзного Министерства атомной промышленности Станислав Васильевич Малышев, заместитель генерального директора «Маяка» по экологии Евгений Гордеевич Дрожко, директор Опытной научно-исследовательской станции при «Маяке» Геннадий Николаевич Романов.

Какие цели мы пытались и пытаемся достичь?

Начну с того, что радиационная ситуация у нас в регионе существенно отличается от Чернобыльской.

Во-первых, на Урале тесно переплетены проблема ликвидации последствий радиационных инцидентов и проблема их исключения в будущем (важность снижения риска потенциальных катастроф будет возрастать по мере накопления отходов).

Во-вторых, общее состояние нашей радиационной ситуации характерно для поздней стадии аварии: ослаблена интенсивность непосредственного действия радиации на человека, у людей притупилось чувство опасности, исчезла вероятность острого проявления случившегося, а комплекс мер по защите населения, по экологической реабилитации территории, по восстановлению экономики в лучшем случае все еще является продолжением ранее принятого.

В-третьих, радиоактивно загрязненные районы — это (конечно, за исключением верховий Течи и начального отрезка, «головы» ВУРСа) часть Уральского экономического района с интенсивно работающими промышленностью и сельским хозяйством, техногенная нагрузка от деятельности которых — особенно вблизи крупных городов и в самих городах — непомерно велика по своему влиянию на окружающую среду, на здоровье любого из нас и вполне соизмерима с радиационной (а часто и превосходит ее).

Вот почему мы сочли насущно необходимым включить в Госпрограмму и вопросы общеэкологического оздоровления. Подтверждением правильности этого служат результаты комплексных системных исследований экологического, медико-социального, экономического и технологического состояния и динамики двухсоттысячного города Каменска-Уральского, выполненных нашим институтом в 1992-94 годах. Они позволили обосновать статус города как зоны чрезвычайной экологической ситуации.

Таковы были наши исходные рубежи, наши исходные позиции, и они были нами, поверьте, тщательно продуманы и выверены.

В Госпрограмме были сформулированы четыре главные цели:

— максимальное снижение риска возникновения радиационных аварий, связанных с накоплением отходов на промплощадке и в санитарно-защитной зоне ПО «Маяк»;

— медико-психологическая реабилитация населения;

— социально-экономическая реабилитация территорий Урала, подвергшихся радиоактивному загрязнению;

— эколого-радиационное оздоровление этих территорий.

Ясно, что достичь любую из поставленных целей можно лишь при осуществлении целого комплекса мероприятий. Возьмем, к примеру, снижение риска повторения крупномасштабных аварий. Оно будет обеспечено прежде всего полной засыпкой озера Карачай — этого бездонного резервуара радионуклидов, локализацией и дезактивацией подземных вод, переводом высокоактивных жидких отходов в твердые (так называемое остекловывание дает возможность длительного безопасного хранения), реконструкцией каскада промышленных водоемов-хранилищ. Здесь мы надеемся и на возобновление строительства Южно-Уральской АЭС.

Предметно разрабатывались программы и по всем остальным направлениям.

В 1993 году Институт промышленной экологии стал научным координатором относящейся к проблемам загрязненных территорий части Госпрограммы, координирующим и направляющим действия более двадцати институтов и других научных учреждений и предприятий страны.

Объединению усилий и потенциала ученых и специалистов различной ведомственной принадлежности способствовали и проведенные нами под эгидой Уральского отделения РАН четыре международных симпозиума «Урал атомный», и мы, несмотря на все трудности и сложности, не собираемся отказываться от этой формы работы, ибо нас удовлетворяют полученные результаты.

А теперь — о наиболее значимом.

Комплексные и скоординированные исследования позволили получить такие принципиально важные результаты:

— уровни первоначального радиоактивного загрязнения региона были значительно выше, чем представленные Минатомом Российской Федерации при разработке Государственной программы, — этот факт заставил пересмотреть масштабы социальной защиты граждан, проживающих на загрязненных территориях, что и было сделано в дополнениях к Закону о социальной защите пострадавшего из-за деятельности ПО «Маяк» населения и при уточнении концепции программы на 1995-2005 годы;

— радиационный фактор (хотя он, как мы выяснили, не является основным) оказал и оказывает самое серьезное влияние на здоровье тех жителей Каменска-Уральского и соседних сельских населенных пунктов, кто в 1957-62 годах жил на территории с высоким потолком радиации (наблюдается ухудшенный иммуно-гематологический статус, повышенная онкозаболеваемость и так далее).

Более того, заметные отрицательные сдвиги в здоровье обнаружены и у наследников (во втором и третьем поколениях) тех людей, кто был здесь в пик аварии.

И это не все результаты.

Теперь повторюсь: в условиях, связанных с многоплановым и многофакторным характером решаемых задач, только системный подход позволяет реально оценить ситуацию, определить приоритетные задачи и эффективные способы их решения.

Для реализации такой методологии необходимо методическое согласование всего спектра научных исследований с привязкой к месту и времени, что возможно лишь при высокой централизации исследований, когда организатор и координатор — именно научная организация (отделение Академии наук, научный центр, институт), а не министерство, не ведомство.

Я убежден, что есть самая реальная возможность решить во имя здоровья людей весь комплекс радиоэкологических проблем Урала. Однако при этом научная часть программы должна оставаться всегда целостной, единой. Отсюда и наше постоянное предложение: работать сообща, искать и находить действительно оптимальные решения, совершенствовать систему управления научными и практическими работами. На том и стоим, веря прежде всего в общие цели и здравый смысл, которые могут стать для уральцев надежным лоцманом в будущее...

...Институт промышленной экологии находится еще только в начале пути.

Сейчас комплексным решением экологических проблем территорий с повышенными техногенной и радиационной нагрузками заняты десять лабораторий, оснащенных самым современным оборудованием.

В ближайших планах — создание прогностической экологической модели промышленной зоны, типичной для Урала.

Подготовленные и выпущенные сборники научных трудов «Радиация, экология, здоровье» и «Восточно-Уральский радиоактивный след» (естественно, многие авторы — сотрудники института) — обнадеживающее начало издательской деятельности.

Обещает стать плодотворным сотрудничество со знаменитой американской Ливерморской национальной лабораторией имени Э.Лоуренса.

Начинает действовать разработанная Институтом промышленной экологии Федеральная целевая программа неотложных мер по улучшению состояния окружающей среды, социальных условий проживания и здоровья жителей Каменска-Уральского, где, в частности, предусматривается модернизация и техническое перевооружение экологически вредных производств, что позволит, например, только на крупнейшем Уральском алюминиевом заводе уменьшить на 80 процентов выбросы в атмосферу и на 50 процентов сбросы в воду.

И наконец — традиционный, постоянно действующий симпозиум «Урал атомный», который необходим для концептуальной разработки проблем совместного выживания и гармоничного развития атомно-промышленного комплекса и региона. В подготовке и проведении этого чрезвычайно нужного и перспективного мероприятия Институт промышленной экологии вправе рассчитывать на поддержку и помощь.

И катится, катится историческое колесо по Уралу.

И самый главный вывод: будущее нашей земли и наших детей определяется нами сегодня.

Автор выражает благодарность А.Грамолину за посильное участие в подготовке этого материала.

Юрий
КЛЮШНИКОВ

РУССКИЙ ДРУГ БУССЕНАРА

Произведения Луи Анри Буссенара — мир удивительных, необыкновенных приключений. И жителям города Туринска Свердловской области особенно повезло: в свое время они могли познакомиться в местной библиотеке с первым французским изданием одного из его романов да еще и с дарственной надписью сочинителя. Книгу приласал сам автор.

Дару предшествовало личное знакомство французского романиста с русским дворянином-революционером Н.Шевелевым на баррикадах Парижской коммуны весной 1871 года. 24-летний французский полковой врач, переживший ужасы франко-прусской войны 1870 года, и россиянин — тоже ненавистник грабительских войн... Оба видели в Парижской коммуне надежду на светлое будущее человечества и готовы были защищать ее с оружием в руках.

В форте Ванв Шевелев командовал гарнизоном, а Буссенар лечил коммунаров, раненных в боях с версальцами. После падения Парижской коммуны комендант форта Ванв вывел остатки своего гарнизона, где находился и Буссенар, из пылающего Парижа. Будущий писатель обосновался в Орлеане. «Шевелев спас меня от ужасной смерти, которая была бы мне уготована палачами Тьера, попадись я в их руки, — писал он в ту пору

в своем дневнике. — Я обязан ему жизнью».

Воспоминания Шевелева — участника Севастопольской обороны в период Крымской войны 1853-1856 годов — услышанные писателем от него самого, легли в основу многих эпизодов романа Буссенара «Герои Малахова кургана». В одном из главных персонажей — мужественном и великодушном русском офицере, широко образованном, объездившем всю Европу и владеющем чуть ли не всеми европейскими языками, — нетрудно узнать Николая Александровича Шевелева.

Забросив медицину и целиком отдавшись литературе, Буссенар тем не менее не упускал возможности узнать что-либо о своем спасителе. Из парижских эмигрантских кругов до него, конечно, доходили слухи об аресте Шевелева в России, ссылке в Туринск в 1881 году, его бедности и немощи. Не имея возможности послать ему деньги (денежные переводы из-за границы государственным преступникам были запрещены), Луи Анри переслал-таки в городок на Туре экземпляр «Героев Малахова кургана» с автографом «русскому другу». Но увы! Адресата уже не было в живых. В 1885 году он скончался в местной больнице и покоем на туринском городском кладбище.

Книгу передали в уездную публичную библиотеку. К сожалению, она не уцелела до наших дней.

На всю жизнь сохранил Буссенар уважение к туринскому политссылному и оставил о нем такую запись: «Люди этого склада не мо-

гут прозябать среди нашей будничной европейской жизни. Им нужно пространство, не знающее границ, по которому носится великое дыхание свободы».

г. Туринск Свердловской обл.

Виталий
ПАВЛОВ

ПУШКИН НА БЕРЕГУ УРАЛА

Возвратясь из поездки по Оренбуржью в родное Болдино, А.С.Пушкин в письме к жене вспоминал, как радушно его принимали в Уральске, где он провел два с лишним дня: «... тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, на перерыв давали мне все известия, в которых имел нужду, — накормили меня свежей икрой, при мне приготовленной. При выезде моем (23 сентября) вечером пошел дождь...»

«Тамошним атаманом» был тогда Василий Осипович Покатилов. Он имел чин полковника, в сентябре 1833 года он служил войсковым атаманом Уральского казачьего войска, а в декабре того же года по рекомендации В.А.Перовского стал наказным атаманом. В доме Покатилова, выстроенном в стиле русского провинциального классицизма (ныне в нем Дом пионеров), Александр Сергеевич и останавливался.

Пушкин не забыл гостеприимства хозяина. Когда в феврале

1835 года он послал четыре экземпляра «Истории Пугачева» В.А.Перовскому (самому Василию Алексеевичу, В.И.Далю, директору Неплюевского военного училища К.Д.Артюхову), то один из них просил передать Покатилову.

В Уральске Александру Сергеевичу показали город, сохранивший многие реалии Крестьянской войны 1773-1775 годов, например, каменный дом пугачевского атамана М.Толкачева, где Емельян Иванович праздновал свою свадьбу с Устиньей Кузнецовой; Петропавловскую церковь, где священник венчал «императора Петра III» с новой «царицей»; уже тогда заброшенное и ветхое здание бывшей войсковой канцелярии, в которой пойманный Пугачев сидел в заключении и в котором крестьянского вождя допрашивал следователь Яицкой секретной комиссии. Пушкин жадно слушал воспоминания живых очевидцев и даже участников восстания о людях и событиях той давней поры.

Казачи-уральцы угощали поэта так, как их старинный обычай требовал потчевать особо почетных гостей. Коронным блюдом была икра свежей рыбы. Угощали на водной глади реки Урала, на плоту, крепко пришвартованному к берегу у «Куренного конца» города. Под плот загодя ставили ивовую корзину — садок с живыми осетрами и севрюгой. В торжественный момент рыбу баграми доставали из садка, свеживали и чуть подсоленную икру подавали гостю. Закуска к крепкому питью, налитому в уемистый бокал, была отмен-

ной. Это экзотическое блюдо и запомнилось Пушкину.

На обеде, конечно, присутствовала казачья верхушка, офицеры. Среди них и полковник Федот Григорьевич Бизянов, чью фамилию там, в Уральске, Пушкин занес в дорожную записную книжку. Старый воин, сын простого казака, тоже начавший свой путь казаком, Федот Григорьевич дослужился позднее до чина генерал-майора. Очень многое мог рассказать этот превосходный офицер о грандиозном народном выступлении, которое особенно интересовало тогда Александра Сергеевича. Отец Бизянова был участником восстания казаков в 1772 году и свидетелем событий Крестьянской войны; один из родственников был дружкой на свадьбе Емельяна Ивановича. В рядах «бунтовщиков» находился и родной дядя Федота Григорьевича. Когда же началась расправа над пугачевцами в Яицком городке (Уральске), дядя очутился в застенках Оренбургского острога... Бизянов мог бы рассказать и о сравнительно недавних событиях, в которых сам участвовал. До встречи с Пушкиным и позднее жизнь его была сплошной цепью войн, лихих набегов, жарких схваток, приключений, полных горечи и комизма, испытаний и героики.

Мы не знаем, о чем говорили Пушкин и Бизянов. Но несомненно то, что беседа с поэтом произвела на Федота Григорьевича большое впечатление: среди всего офицерства Оренбургского и Уральского казачьих войск он оказался единственным подписчиком на первое посмертное собрание

сочинений Пушкина, выходящее в 1838-1841 годах.

Кроме Пушкина, Бизянов был знаком с замечательным русским поэтом В.А.Жуковским. Он хорошо знал В.И.Даля, а также бытописателя уральского казачества И.И.Железнова.

Знакомство с Жуковским произошло летом 1837 года, когда тот в составе свиты великого князя Александра Николаевича — будущего царя Александра II — приехал в Уральск.

Встречали наследника помпезно. Но не обошлось без конфуза. Когда великий князь уезжал из города, казаки остановили его карету. Это произошло столь внезапно, что его высочеству сделалось дурно, носом хлынула кровь. А всего и дела-то было — вручили казаки наследнику прошение о своих нуждах и пожаловались на самоуправство и своекорыстие казачьего атамана.

Перовский, сопровождавший свиту, расвирипел и поручил... наказному же атаману расследовать дело. И Покатилов, тогда уже генерал-майор, показал себя в подлинном свете. Он представил начальству выступление казачьей оппозиции как бунт, добился следствия и даже суда над бунтовщиками. Спины нескольких десятков человек исполосовали шпицрутенами, 29 — сослали в Сибирь, лидеров, оставших офицеров братьев Мизиновых — в Прибалтику. Наказали и остальную часть Уральского войска: три полка отправили для внеочередной пограничной службы в Финляндию, Молдавию и на Кавказ, где в ту пору шли военные действия.

г. Екатеринбург.

Владислав

КРАПЛИВУН

Заяц Митька

*Сентиментальная повесть обо всем понемногу**

1

Митька на меня обиделся. И вполне справедливо. Потому что я поступил по-свински, забыл про него, когда пришли гости.

Гостями были двое ребят из парусной флотилии «Каравелла», командором которой судьба сподобила меня быть уже тридцать лет и три года. Впрочем, ребята пришли отметить не эту дату, а другую, отмеченную тоже двумя одинаковыми цифрами: в ту пору годы мои неутомимо катились к отметке 55. Возраст, прямо скажем, не юношеский, радоваться нечему, но все же я бодро выставил на середину своей «каюты» журнальный столик с нехитрым угощением.

А ребята выставили квадратную бутылочку с романтическим парусником на этикетке. Я для порядка покачал головой и поцокал языком: мол, э т о м у я учил вас в нашем славном морском отряде? Гости сдержанно погоготали. Потому что ребятами они оставались теперь лишь в моей памяти,

Главный герой повести в возрасте семнадцати лет. Для зайца, даже для тряпичного, годы немалые, но Митька по-прежнему юн душой.

а на самом деле были таковыми в конце шестидесятых. А сейчас — люди вполне солидные, обремененные собственными детьми, женами и семейными заботами...

До поздней поры сидели мы тут, среди стеллажей со старинными лощинами, среди штурманских карт, морских пейзажей и парусных моделей. Тикал корабельный хронометр, позванивали вилки и шла неторопливая беседа. Мы вспоминали...

Вспомнить было про что. И про первый наш парусник, сделанный из корпуса старой моторной лодки, и про наши фанерные яхты с гордыми именами: «Атос», «Портос», «Арамис» и «Д'Артаньян», и про шквалы на нашем беспокойном Верх-Исетском озере. И про всякие дальние путешествия. Например, про плавание на пароходе «Адмирал Нахимов» из Севастополя в Сухуми.

Пароход попал тогда в крепкий шторм. Ключья пены летели на палубу. От качки и ветра сам собой звонил на баке судовой колокол. Пасса-

* *Предупреждение.* Автор считает необходимым сообщить уважаемым г.г. читателям, что данная повесть, несмотря на достоверность ряда излагаемых в ней эпизодов и реальность многих, (но не всех) действующих там персонажей, является не документальным произведением, а всего лишь художественной (насколько это доступно автору) прозой с присущими этому жанру элементами фантазии.

Единственные стопроцентно реальные прототипы — сам заяц Митька и коты Макс и Тяпа, которые, впрочем, заранее обещали к неточностям не придирааться и жалоб на автора не писать.

жиры полегли по каютам. А мальчишки и я торчали на верхней палубе, вдыхая и впитывая в себя этот разгул морской стихии. Было ничуть не страшно. Пароход был стар, но крепок. Он уверенно разрезал старомодным вертикальным форштевнем зеленые валы. Дым его двух громадных труб смешивался с низкими клочкастыми облаками. «Адмирал» верил в себя. Он, конечно, не ведал о своем будущем, о страшном конце на дне Новороссийской бухты. Впереди у него было еще ровно двадцать лет...

Около полуночи я проводил своих капитанов до лифта и вернулся в каюту... И горестно охнул. Митька сиротливо сидел в уголке у электрического камина и с немим упреком, с тоскою даже смотрел на меня бело-черными пластмассовыми глазами.

— Ох я дубина! Прости меня, малыш...

Митька не должен был сидеть здесь, в одиночестве. По традиции полагалось ему, когда приходили гости, устраиваться рядом со мной на диване и слушать разговоры. А гостям следовало время от времени обращать на Митьку внимание и вспоминать интересные случаи, которые с ним, с Митькой, в разные годы имели, как говорится, место. Кроме того, этикет требовал, чтобы Митьке время от времени давали пригубить кофе, а иногда и кое-что другое. А сегодня... Ой-ей-й! Как же это я? Видимо, в самом деле стар стал!

— Иди ко мне, мой хороший. Не сердись...

Я плюхнулся на диван, усадил Митьку верхом себе на колено. Подхалимски потрепал его по длинным, штопаным-перештопаным ушам.

Когда-то под матерью были вставлены узкие петли из стальной проволоки, и Митькины уши торчали бодро и упрямо. Но теперь они превратились в два истрепанных лоскутка из серой диагоналевой ткани (такая лет тридцать назад шла на «стильные» пиджаки). Кстати, и весь Митька шит из этого же материала. Ткань порядком замызганная, от упругости в ушах не осталось и следа. Как ее, упругость-то сохранить, если за уши беднягу таскают по улицам и лесам-полям, вздергивают на мачту для просушки, привязывают ими к яхтенному штагу и к поручням... Что поделаешь, раз ты не простой заяц, а корабельный...

Спереди, под правым ухом, у Митьки легкомысленная (как у Шуры Балаганова) лоскутная оранжевая кепочка с зеленым козырьком, тоже порядком измочаленная. Близко посаженные глаза — с молочными белками и угольными выпуклы-

ми зрачками. Не косые, как у обычных зайцев, а, скорее, щенячьи. Очень осмысленные. Нос — черная пластмассовая кнопка. По бокам от носа — два суконных кружочка. Этакая симпатичная мордашка. Между суконных щек торчит красный язычок, тоже суконный. Все сукно, конечно, давно потемнело и задубело от многочисленных угощений... А, вот еще что! Над левым глазом — матерчатая бровь. Неподвижная, но очень выразительная.

Сейчас бровь выражает горькое недоумение: как же ты мог про меня забыть?

— Ну, не сердись на старого растяпу, Мить. Не обижайся...

Митька не умеет сердиться и обижаться долго. Стоит его вспомнить, пожалеть, слегка подлизаться к нему, и вот пластмассовые глаза блещут совсем по-хорошему, ласково и слегка озорно. И в то же время на морде появляется вопрос: «А что интересного ты мне скажешь?»

Я ничего не успеваю сказать. Умело открыв растопыренной лапой дверь, появляется рыжий кот Макс. Издав ревнивое урчанье, прыгает на диван. «Почему это ты с ним занят, а не со мной?» Ладно, я пригреваю под боком и Макса. Но, машинально почесывая брюхо млеющего кота, я все внимание отдаю Митьке. Мысленно говорю ему:

— Давай, старик, повспоминаем, что было...

Митька излучает радостную готовность:

— Давай!

Видимо, для него вспоминать — это заново переживать прошлые события.

Впрочем, и для меня тоже.

— А помнишь, Мить, как ты у меня появился?

— Нет, это ты у меня появился!

— Ну ладно. Как мы появились друг у друга...

2

Был июль семьдесят восьмого года. В ту пору я оказался я в Подмоскowie, недалеко от города Солнечногорска, на берегу озера Сенеж. В пансионе Союза художников. Обитал я там в общении с операторами, режиссером и художником-постановщиком с Центрального телевидения. Вся эта многочисленная творческая группа была занята съемкой многосерийного спектакля по моей повести «Та сторона, где ветер».

Это было похоже на работу киношников, только снимали не на киноленту, а на магнитную пленку. Это очень удобно, кстати. Отснятый киноматериал, прежде чем посмотреть, надо еще

проявить, а тут после каждого эпизода — смотри сразу, пожалуйста. Крути туда-обратно в одном из автофургонов, где полным-полно всяких видеомониторов.

Кстати, фургонов этих — длинных, серебристых, с большими буквами TV на бортах — нагнали целый автопарк. В одном — энергоустановка, в другом — видеокамеры, в третьем — звукозапись, в четвертом — аппаратура для освещения, в пятом еще какая-то техника. А кроме того, фургон для костюмов, для реквизита и еще для всякого имущества. Однажды на съемочной площадке я насчитал аж восемь этих громадных машин с разными кабелями, прожекторами, динамиками и антеннами.

Порой даже страшновато делалось: какую массу техники запустили в дело, сколько народу включили в работу ради того, чтобы показать на экране историю из моей скромной книжицы в синей обложке. А иногда и гордость появлялась: значит, и впрямь неплохая книжка, если столько вокруг нее хлопот и шума. Может, и спектакль получится удачный. Не даром же опять гудят фургон за фургоном, отправляясь на съемки.

Увы, не всегда количество дает качество...

Впрочем, сперва все шло хорошо. Мальчишки — исполнители главных ролей — подобрались замечательные. Ну, прямо живые герои повести. Сразу «врубались» в действие спектакля, словно не играли других ребят, а жили сами по себе. Особенно хорош был восьмилетний Дениска, игравший второклассника Ильку...

И места для съемок выбрали прекрасные. Одно слово — Подмосковье. Озеро Сенеж по берегам заросло высокими травами, ивняком и старыми ветлами. За деревьями пестрели крыши дач и домов отдыха. Среди болотистого луга бежала к озеру речка, через которую перекинут был шаткий живописный мостик — ну, словно специально для нашей съемки построенный. Недалеко от речки тянулась по краю озера зеленая дамба, за которой начинались пруды рыбного хозяйства. По дамбе туда-сюда сновали желтые автобусы и разноцветные бликующие легковушки — они возили дачников из Солнечногорска и Москвы в ближние деревни и обратно.

Самой близкой от нас была деревня Загорье.

Чудо, что за деревня. На посторонний взгляд — просто былинный заповедник. Над огородами и единственной большой улицей раскидывали тень столетние дубы и липы. Лужайки у домов пестрели ромашками и клевером. Вдоль за-

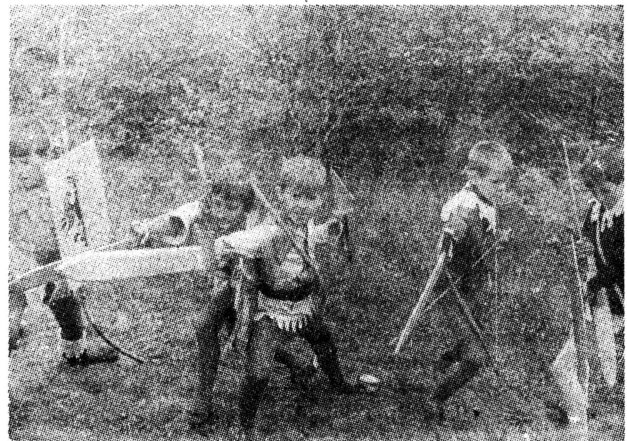
боров стоял высоченный иван-чай. Сами заборы, казалось, еще помнили времена Ильи Муромца. И многие дома были им под стать. Почерневшие бревна и деревянное кружево наличников — словно прямо из сказок про Василису и Царевичей.

Жили в деревне почти что одни старики. Их взрослые столичные дети приезжали сюда на своих блестящих «москвичах» и «волгах» только отдохнуть на природе. И привозили на лето старикам их внуков. Почему-то это были главным образом мальчишки лет семи-девяти. В большом количестве.

Удивительно яркие были пацанята.

Подмосковный июль в том году был с неровной погодой. Жаркие дни чередовались с весьма прохладными — без дождя, но с зябким ветром, дующим с широкого Сенежа. Московские мамы, боясь детских простуд, заставляли своих чад надевать поверх маек цветные свитера, пестрые курточки или синие шерстяные матроски, а под летние штанишки натягивать плотные колготки — тоже всяких цветов: красные, лимонные, зеленые, лиловые. В таких нарядах загорьевские внучата были похожи на маленьких персонажей из сказок братьев Grimm. Или — на юнги обитателей Шервудского леса, мальчишек-стрелков Робин Гуда, о котором два года назад мы с ребятами из «Каравеллы» снимали кинофильм.

Фильм был, хотя и любительский, но цветной и полнометражный. И в нем резвилась целая толпа таких вот красочных сорванцов с поцарапанными щеками и сухими сосновыми иглами в волосах. Как лихо эти разбойники махали деревянными мечами и прыгали с деревьев на неуклюжих стражников шерифа!..

На съемках фильма «Приключения Робин Гуда». 1976 год.

Жаль только, что тем у нас не было громадного колодезного колеса — как здесь, в Загорье. Уж мы бы это колесо обыграли в фильме и так и сяк, отсняли бы его во всевозможных ракурсах.

Колесо это считалось главной загорьевской примечательностью. К нему ходили туристы, его рисовали заезжие художники. Старинное, темное, метра три в поперечнике, оно было сколочено из тонких бревен, брусьев и досок. Ржавыми гвоздями-костылями.

Вертикально возвышаясь над колодезным срубом, это сооружение наводило на мысли о древних мельницах, русалках и домовых.

Непонятно было, зачем к обычному колодцу понадобилось пристраивать такой исполинский ворот. Может быть, когда-то им поднимали из глубины какие-нибудь громадные бадьи с особой, чудодейственной водой? Не знаю. Теперь к цепи на бревенчатом валу было привязано обычное оцинкованное ведро. Чтобы вытянуть его из глубины, деды и бабки брались за деревянные ручки на громадной ободе, раскачивали древнеинженерную махину, а она нехотя, со скрипом, приходила в движение, словно ленивое колесо обозрения в городском парке...

Несмотря на все неудобства, старые жители Загорья колесом своим гордились. Любили его. А еще больше любили это устройство их внучата.

Когда бы я ни шел мимо, обязательно видел, как на колесе копошатся пестрые, похожие на цирковых акробатов фигурки. Одни раскачивали колесо, танцуя внутри обода, другие висели на спицах, болтая тонкими разноцветными ногами. А порой находилась удалец, который, прыгая по рукоятям, как по ступенькам, заставлял делать колесо полный оборот.

Это похоже было на ярмарочный аттракцион прошлых веков. А издали — на остроумную заводную игрушку, сделанную для витрины «Детского мира»...

Конечно, глядя на такую карусель, я жалел об оставленной дома любительской кинокамере. И уговаривал оператора снять колесо с мальчишками для спектакля — хотя бы просто как маленькую вставную сцену или деталь пейзажа. Операторы сперва проявляли энтузиазм. Но только на словах. Подвигнуть этих специалистов на лишнюю съемку было гораздо труднее, чем раскачать великанское колодезное колесо.

Взрослые не ругали мальчишек-акробатов, только иногда ворчливо напоминали:

— В колодец не угодите, бесенята...

Впрочем, колодец был с крышкой, а колесо к тому же отстояло довольно далеко от края сруба.

Старые жители были добродушны, приветливы, к работе «киношников» относились с пониманием. Охотно продавали нам парное молоко и пучки свежей моркови. Эту морковку любили грызть наши юные артисты. А потом швыряли в высоту хвостатые, с ботвой, огрызки — это называлось «салют».

Кстати, не всегда морковка добывалась праведным путем.

Со мной из Свердловска приехали на съемки двое ребят — мой сын Павлик и его сотоварищ по «Каравелле» Олег. Павлика режиссер уговорил сниматься в роли шестиклассника-вундеркинда Шурика. А Олега я прихватил с собой под тем предлогом, что нужны специалисты по оснастке и вождению парусной шлюпки. Четырнадцатилетний каравелловский капитан был большой дока в области курсов-галсов, рангоута и такелажа.

Кстати, это был тот самый «талант», который два года назад лихо исполнил роль Робин Гуда в нашем фильме. Сейчас он в съемках не участвовал, а должность «парусного консультанта» отнюдь не требовала большой отдачи сил. Видимо, от избытка энергии, неутомимый наш Олежек и вспомнил робингудовские замашки. Подбил малолетних актеров провести в сумерках рейд по морковным грядкам загорьевских жителей.

Рейд прошел успешно и тихо, поэтому я узнал о нем не сразу. А узнавши, выругал, конечно, юных телезвезд и прежде всего — своего ненаглядного наследника. Пашка, однако, заявил, что на рискованное предприятие он ходил не корысти ради, а исключительно, чтобы испытать острые ощущения. Ему, видите ли, перед ответственной съемкой необходима была нервная встряска.

Я пообещал Пашке встряску со своей стороны и показал увесистый отцовский кулак. Но втайне порадовался, что мое дитя наконец-то расстаётся с излишней стеснительностью и чрезмерной интеллигентностью. Вот недавно и купаться бегал без спросу. Взрослеет мальчик... А я старею, ровно четыре десятка стукнет осенью...

А что касается съемок, то они и впрямь часто были «ответственными». То есть сложными и утомительными. Порой мальчишки так выматывались, что вечером уже не хватало сил гонять мячик и дурачиться.

Тогда ребята затевали тихую, не требующую больших сил игру. На плоском озерном берегу, у самой воды, строили песочные города и крепости. Все этим увлекались — и маленький Дениска, и самый взрослый — Олег...

Солнце пряталось за деревней, опускался прохладный полумрак, а вода отливала тусклым алюминием. В небо выкатывалась раздутая желтая луна. Она светила сквозь черные старые ветлы, которые обступали берег. Пахло влажным песком, листьями и остывающей луговой травой. Мальчишки не шумели, переговаривались вполголоса. Каждый строил свой причудливый дом или замок. Дениска — в стороне от всех. Он бдительно и капризно следил, чтобы кто-нибудь случайно не задел его сооружение.

Олег возводил полукруглый форт, похожий на Константиновский рavelин в Севастополе.

Павлик приносил в прагоршнях воду и лил на верхушки острых башен. Они становились похожими на торчащие каменные сосульки — сталактиты. Или на тонкие колокольни готического собора, который построил в Барселоне знаменитый архитектор Гауди.

Иногда выходил из кустов и молча наблюдал за «песочной» игрой худенький десятилетний пастушок Митя. Наблюдал без робости, но молчаливо и со стороны.

Митя был единственный мальчик среди постоянных жителей Загорья. От маленьких дачников он отличался и характером, и внешним видом. Всегда тихий, чуть улыбочивый, в побелевших от солнца и стирок спортивных штанах и такой же футболке, в стоптанных сандалиях на босу ногу.

В съемочной группе — и у взрослых, и у ребят — Митя пользовался симпатией за кротость нрава и за то, что он — трудящийся человек. По очереди с одним стариком он пас в окрестных лугах маленькое деревенское стадо. В стаде — четыре взрослых коровы, шесть коровьих подростков — бычков и телок — и «семь животных овечьей породы» (по выражению нашего Дениски).

Мне Митя казался похожим на Ваню Малявина и на других ребят из рассказов Константина Паустовского — белоголовых деревенских мальчиков, в чьих душах живет любопытство к разнообразному миру и данное природой понимание земной красоты.

Однажды проходя по Загорью, я увидел Митю с книжкой. Он читал, сидя на вросшей в землю дубовой колоде рядом с воротами у покосившейся избы.

— Здравствуй, Митя.

— Здравствуйте... — Он вскинул белые ресницы. И на потрескавшихся губах — вопросительная полуулыбка.

— Что читаешь?

Он протянул растрепанную книжку. Это было старое, довоенное еще издание «Острова сокровищ», в серии «Библиотека приключений». С давним детиздатовским значком — мальчиком, который сидит, подтянув коленки, и держит перед собой открытый томик.

В точности такой же «Остров» читал когда-то и я. В первом классе еще...

Я полистал и вернул книжку Мите.

— Интересная?

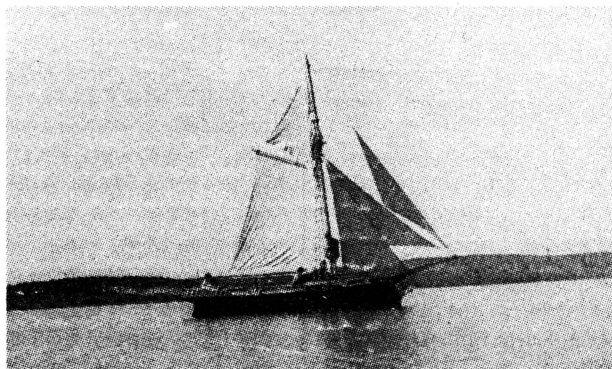
— Ага... Я уже который раз читаю... — И опять взмах ресниц. — А как по-вашему, это все придуманное? Или по правде было?

Я сказал, что многое из написанного здесь было по правде. По крайней мере, остров такой есть на самом деле, недалеко от Кубы. На нем и правда водились когда-то пираты: пели у костров хриплые флибустьерские песни, стреляли из мушкетов и зарывали в пещерах клады. И я на этом острове недавно был и своими глазами видел остатки пиратских укреплений.

Это я наврал. Будучи на Кубе, на остров Пинос (ныне остров Молодежи) я так и не выбрался. Но о флибустьерах Карибского моря и в самом деле слышал кое-какие легенды и видел в музеях их оружие. И старинных бастионов пиратской эпохи было в Гаване достаточно...

— А кино про Остров вы видели? Было недавно по телевизору...

Я сказал, что, конечно, видел. И по телевизору, и на большом экране. Мало того, несколько лет назад я с ребятами приезжал в Севастополь, и мы подружились с экипажем шхуны «Испаньола», что стояла в конце Северной бух-

Парусный тендер «Дик Сенд» во время съемок пиратского фильма «На адбор-радж!». 1976 г.

ты, у Инкермана. Той самой шхуны, что снималась в фильме. Это было настоящее парусное судно — с капитаном и матросами, с судовым журналом и специальным документом, именуемым «судовая роль». Ее, эту шхуну, соорудили для съемок из старого черноморского дубка, который раньше назывался, кажется, «Клим Ворошилов».

— Очень красивый кораблик. Маленький, но вполне мореходный...

Я не стал рассказывать Мите про дальнейшую судьбу «Испаньолы». Про то, как потом ее отвели в Ялту, выволокли на берег и превратили в бар для туристов. Такое славное морское суденышко — в сухопутную забегаловку! Тьфу... Нет, не буду я расстраивать ни Митю, ни себя...

Я решил рассказать Мите о другом. Как мы в «Каравелле» снимали свои пиратские фильмы. Сперва тот же «Остров сокровищ», а потом лихую комедию «На абор-рдаж!» В этой комедии участвовал парусник старинного образца, похожий на «Испаньолу», только поменьше. Мы его построили из морской шлюпки и назвали «Дик Сэнд» — в честь жюльверновского пятнадцатилетнего капитана. А капитан этого «Дика» в фильме был десятилетним. Кстати, звали его Митька. И в кино, и в жизни. Митя Кононов. Этаким юный морской волк в ботфортах, треуголке и с кремневым пистолетом за кушаком. В нашей комедии флибустьер-третьеклассник бесстрашно расправляется с хулиганами, которые посмели обидеть его друзей и его самого.

Правда, решился на смелые поступки наш Митька не сразу. Потому что по натуре он был совсем не драчливый, смирный — вроде здешнего Мити. Но однажды в фильме зазвучала дерзкая песня:

Когда тебя замучил враг
И с треском лопнуло терпенье,
Ты сделай самый первый шаг,
Те сделай очень важный шаг —
Ты вспомни раковины пенье!

И Митька берет со стола морскую раковину, прикладывает к уху и слышит зовущий голос океана...

Раковину эту я привез с Кубы. Я ее там выменял у сморщенной коричневой старухи с сигарой в зубах на кусок туалетного мыла. Снаружи раковина была серо-полосатая, с шипами, а внутри — нежно-розовая, с перламутровым отливом. Она до сих пор лежит на моем письмен-

*В леденящем душу фильме про пиратов
были и такие лирические кадры.*

ном столе. И в ней по-прежнему не стихает прибой Мексиканского залива...

Я не успел рассказать Мите про кубинскую раковину и наше кино.

— Митенька! — ласково окликнули его со двора. Мама или бабушка. Он улыбнулся чуть виновато, заложил страницу стеблем подорожника и оставил книжку на колоде: смотрите, мол, еще, если хотите. И пошел к калитке.

А я погладил книгу и тоже пошел. По своим съемочным делам. Пожалуй, это и хорошо, что не стал ничего рассказывать. Зачем душу бередить? Все равно «Каравеллы» уже нет, одряхлевший «Дик Сэнд» отдан во взрослый яхт-клуб на чужом озере, яхты-мушкетеры переданы во флотилию «Алый парус», в недалекий от Свердловска город Первоуральск. И впервые за много лет нет на нашем Верх-Исетском озере парусов отряда «Каравелла». Так уж получилось...

Да, но причем здесь заяц Митька? Получается, что рассказ вовсе не о нем.

Пока да. Митьки там со мной еще не было. До той поры, пока наши съемочные дела на Се-неже шли нормально и душа моя пыталась отдохнуть на подмосковной природе. Но спокойная жизнь длилась не долго.

3

Яшка Воробьев — герой книжки и телеспектакля — удирал от мамы, которая взгрела его венником. Он миновал огородные гряды и сиганул через забор.

— Замечательно сиганул! — радовался режиссер. — Ну, прямо каскадер!

— Да, — согласился я, — лихо... А с забора на улицу он прыгнул еще лучше. Ты эти кадры видел?

— Нет... А что? — В ласковых восточных глазах режиссера появилась озабоченность. Поскольку в голосе моем он чутко уловил нехорошее. Последнего эпизода он и правда не видел, потому что доверил его съемку помощникам.

— Да так... — вздохнул я. — Конечно, ты можешь сказать, что я опять придираюсь к мелочам. Но боюсь, что зрители не поймут, почему мальчик прыгает на забор в оранжевых шортах и клетчатой рубашке, а соскакивает с него в синем тренировочном костюме...

— О-о-о... — Режиссер взялся за щеку, словно при воспалении зубного корня.

— Только не устраивай разборку с мальчишкой. Было холодно, вот он и оделся поплотнее. Он вовсе не думал, что вчерашняя съемка — продолжение сцены на огороде. Через заборы-то они прыгают то и дело... Громогласная Валентина и твои помощницы совсем заморочили ребят.

— А ты не мог проследить, да!

— Чтобы мне опять сказали, будто лезу не в свое дело!

— Злорадствуешь, — скорбно сказал режиссер.

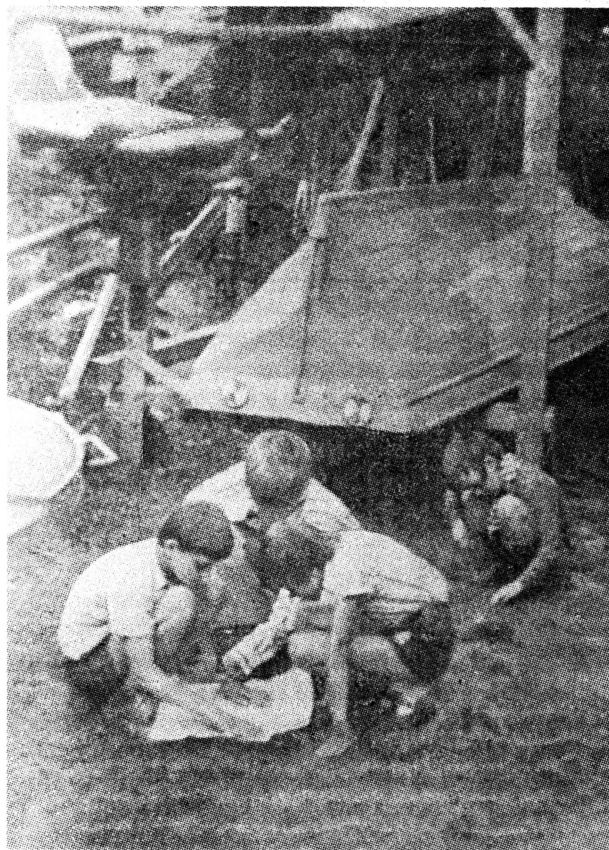
— Ничуть... Я бы проследил, но, к твоему сведению, ездил в Москву за белилами. Тоже не мое дело, конечно, однако лодку-то красить надо...

К съемкам эпизода, где ребята ремонтируют лодку, нельзя было приступить, потому что не было краски. «Исчерпан лимит», — непреклонно заявляли хозяйственники. А нужна-то была пара банок по три рубля штука. Я плюнул, ухватил на плотине такси и поехал в столичные «Хозтовары»...

— Так что вот, краска в наличии. Какую причину тебе перья отыщут твои операторы для саботажа?

С операторами у меня были постоянные стычки. Конечно, им нелегко приходилось со своими камерами-сундуками, вот они и старались побольше снимать с одной точки, не двигать лишней раз аппаратуру. И кадры поэтому, на мой взгляд, получались «фиговые». Это я, доведенный до ручки, и высказывал открыто. В ответ же слышал от столичных виртуозов телекамеры, что у них дипломы ВГИКа и в советах дилетантов они не нуждаются.

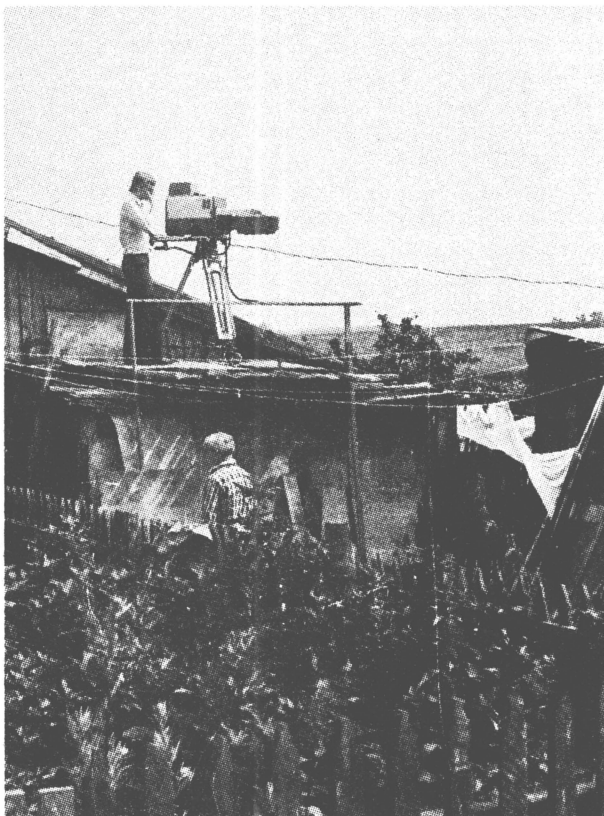
Я в самом деле был дилетантом. Мой режиссерско-операторский опыт сводился к работе с любительскими кинокамерами. Правда, с ребятами из «Каравеллы» сняли мы немало фильмов: полнометражных и, по моему мнению, вполне художественных. Однако, с точки зрения большого искусства, это была, разумеется, самодельность.

На съемках телесериала «Та сторона, где ветер». У злополучной недокрашенной шлюпки.

*На съемках «Той стороны, где ветер».
Телеоператор и камера, воспарившие над крышами Загорья.
Менять такую позицию крайне хлопотно.*

— Но вы же снимаете по м о е м у сценарию! Кому же, как не мне, знать, ч т о должно быть в кадре?!

Мне мягко разъясняли, что дело сценариста сдать на студию текст и не мешать работать профессионалам.

— Черт знает что! — жаловался я режиссеру. — Они взгромоздили камеру на сарай и снимают все сверху вниз. Ребята получают ползающими по земле, как тараканы!

— Но в таком ракурсе есть своя логика...

— Очень простая логика: им лень передвигать камеру!.. Это же картина о небе, о воздушных змеях, о мальчишках, мечтающих о высоте! В кадре должны быть облака, птицы, верхушки деревьев! А тут... При такой съемке и песня про август не пригодится!

Несколько песен для спектакля «Та сторона, где ветер», я сочинил сам. Некоторые теперь явно сюда «не вплетались». И особенно жаль мне было самую главную — песню друзей-маль-

чишек, которые при августовском ветре запускают с крыши воздушный змей.

Ночью опять провода засвистят
Песню позднего лета.
Свежие ветры августа
В город придут с рассветом.
Ты подружить со змеем сумей
Звонкий тревожный ветер.
...Только учти: если поднял змей —
Ты за него в ответе.

Небо в натянутой нитке поет,
Словно в упругом нерве.
Я научился слушать его
Только с тобою — с первым.
Накрепко связаны мы с высотой
Тонкою ниткой змея.
...То, что связало меня с тобой —
В тысячу раз прочнее.

Я этот миг сберегу навсегда —
Песню под облаками:
Как трепетала моя высота,
Взятая прямо руками.
Как мы стояли вдвоем на ветру —
Нам на двоих один ветер.
...Я тогда понял: раз рядом друг —
Я за него в ответе.

И потом еще припев — после каждого куплета:

Стартовые площадки —
Солицем согретые крыши.
Ниткой змея измеряна
Первая высота.
Это такое счастье —
В небо лететь все выше!
Пусть он летит уверенно
С ветрами августа!

— Скажи ты им, что в кадрах нужно больше неба! — убеждал я режиссера.

— Ай, зачем ты все время ругаешься, — печально отвечал режиссер. — Знаешь, в чем твоя беда? В том, что ты хочешь быть не только автором сценария, но и режиссером, и оператором...

— Да! И реквизитором, и завхозом, и костюмером, и гримером! Потому что вся ваша творческая братия бездельничает! До сих пор не можем снять сцену в саду, потому что не сделали кран для водометного ружья. А заказывали еще весной!.. А как быть, если Илья утром снима-

ется со здоровенной царapiной на щеке, а днем, в той же сцене, царapiна эта исчезает, будто ее корова слизнула. А ваша гримерша при этом только хлопает крашеными ресницами! Я вмешиваюсь — и опять я плохой! А ты боишься лишнее слово сказать!

— Что поделаешь, дорогой. Ты уедешь, а мне с ними работать дальше...

Режиссер был человек мягкий. Съемками он был увлечен. Но кроме вдохновения нужна была там еще и крепкая руководящая рука. Тем более, что съемочной группы вдохновение не касалось. Для многочисленной бригады «тэвэшников» съемки были рутинной работой, связанной со множеством неудобств. Помню недовольные лица, когда выяснилось, что ночевать придется в общежитии, без всякого комфорта, а работать с утра до вечера.

Юная заведующая реквизитом пальчиками поправила на себе лоскуточки, заменяющие купальник, изогнула плавную линию бедра и томно спросила:

— Это что же? Значит, никакой личной жизни?

Не знаю, состоялась ли у нее там личная жизнь, но на свои обязанности ей было явно наплевать. Пример тому: история с пером фламинго, из-за которой мои отношения со съемочной бригадой лопнули окончательно.

Это алое с черной оторочкой перо было существенной деталью спектакля. Талисманом одного из героев. Яркое, красивое, оно должно было в кадре долго плыть по воздуху, навевая на зрителей соответствующее настроение. Добыть такое перо должна была все та же девица-реквизитор: в зоопарке, в зоологическом музее, где угодно. Или изготовить в конце концов. Заявка на это была сделана (так же как на кран для ружья) еще весной, естественно, «не почесались».

О том, что пера нет, узнали только в день, когда оно понадобилось для съемки. Девица на студии опять повела бедром и заявила, что «эта проблема за пределами моих обязанностей».

Кончилось тем, что после криков и выяснений решение задачи взял на себя наш седой и заслуженный художник-постановщик.

И вот представьте себе: старый, весьма обширной комплекции дядя под радостные крики разноцветных загорьевских внучат и негодующие вопли хозяек начал бегать по деревне за орудиями от ужаса петухами.

Петухи были резвее художника. Лишь под вечер загнанное пернатое существо попало-таки в

руки тяжело дышавшего служителя искусства и поплатилось длинным пером из своего крыла.

Перо было белое. И художник долго обрабатывал его акварелью и тушью.

Увы, акварель — не природная окраска огненной птицы. Сцена с пером получилась хиленькой. На мой взгляд — просто провальной. Это я откровенно и высказал режиссеру и художнику.

Художник — в общем-то человек славный и часто со мной соглашавшийся — на сей раз не поддержал меня. Его можно было понять: он ради этого пера потратил столько сил. Я же в запале заявил, что надо было не бегать по деревне, потешая жителей, а потребовать перо с того, в чьи обязанности входит подготовка реквизита.

— А то эта ваша «красная розочка» только глазки строит всем мужикам подряд! Есть тут у вас хоть какая-то производственная дисциплина? У нас в «Каравелле» за такой провал задания выгнали бы даже третьеклассника!

Режиссер сказал, что, к счастью, мы не в «Каравелле».

— К счастью, да? Ну так вы дотанцуетесь в конце концов с таким счастьем! Когда пойдут съемки на шлюпку! У вас о технике безопасности — ноль понятия! Олег уже тыщу раз говорил, что паруса шиты слабые, их оборвет к чертям при первом свежем ветре! И булькнет ребята! Ведь мальчишки-то должны сниматься даже без спасательных жилетов!

Опять вмешался художник. Он величественно разъяснил, что паруса проверял сам и не нуждается в советах юного консультанта из пионерского отряда.

— У меня самого дома надувная лодка «Пеликан». И парус для нее я шил своими руками. Так что учить меня не надо.

Я, все еще сдерживаясь, объяснил разницу между надувной лодкой и шлюпкой, между неодинаковой площадью их парусов и различным давлением ветра.

— Смотрите сами! Здесь даже при трех баллах полетят кренгельсы и парус останется без шкота!

— Этот, как вы его назвали «кренгельс» не порвет даже КамАЗ с буксирным тросом! — оскорбился художник.

Я взял парус, зацепил указательным пальцем тесемочную петлю и рванул. Петли не стало. Я бросил парус на общежитскую койку и ушел.

Я долго бродил по берегу Сенежа. Палец, которым я уничтожил кренгельс, побаливал. И настроение было так себе...

День стоял нежаркий, сероватый, но с частыми проблесками солнца. Оно рассыпалось по озерной ряби искрящейся чешуей. Берег порос кустарником с узкими листьями. Листья были темно-зеленые, словно лаковые, но с пушистой серебристой изнанкой. Сквозь траву проглядывало желтое мелкоцветье.

Я понемногу успокоился. Иногда присаживался на остатки плетня или на забытое кем-то ржавое ведро и доставал из-за пазухи небольшую книжку. Прочитывал страницу-две.

Это был сборник рассказов Паустовского. Я купил его в Москве, когда ездил за краской. В ту пору книжного дефицита покупку эту можно было считать удачей. Хотя издание, конечно, — так себе. Пособие для немцев изучающих русский язык. Все слова были снабжены ударениями, и многие страницы густо оснащали комментариями и переводы на немецкий язык наиболее трудных для иностранного разума обротов.

Эти разъяснения порой казались забавными, а иногда и злили.

Бедный Константин Георгиевич... Вернее, бедные немецкие читатели...

Я прятал книжку, но продолжал думать о Паустовском. Он умер десять лет назад. Я был на его похоронах. Живым Константина Георгиевича я никогда не видел, хотя и считал его своим учителем. «И теперь уж никогда не увижу», — толкалась в тот похоронный день беспомощная мысль. К этой горечи добавлялась горечь собственных несчастий. Был безнадежно болен живший в Белоруссии отец, а в Свердловске под напором активных педагогических тетушек, местных партийных лидеров и неусыпно бдившей «общественности» разваливалась и шла ко дну моя «Каравелла»...

Тогда удалось спасти отряд. С помощью друзей и журналистов, а главное потому, что был я в ту пору, в шестьдесят восьмом, молодым (тридцать лет), неутомимым, а иногда и яростным.

Теперь, через десятилетие, все повторилось. Те же доносы, выбитые в отрядном штабе окна, придирки милиции, злорадная агрессивность шпаны и густая кулацкая ненависть «местного населения». Ненависть к мальчишкам и девочкам

кам в «нездешней» морской форме, вся вина которых в том, что хотели жить чисто, интересно и дружно...

Да, все повторялось, но я уже был не тот — сорок лет не тридцать. Накопилась вязкая безнадежная усталость. Такая, что я готов был к любой развязке, лишь бы скорее все кончилось.

Именно это настроение, а какая-то сверхсмелость, толкнула меня на отчаянный шаг. По меркам того времени это была или феноменальная наглость, или просто сумасшествие. Я отправил в обком партии письмо, в котором (да простит меня читатель за красоту) звенело скрученное в пружину бешенство.

Я требовал (о, Господи, требовал у обкома!), чтобы партийные деятели определились в своем отношении к детскому морскому корреспондентскому отряду, который существует уже семнадцать лет и которым руководит не дядя Вася из котельной, а... Ну и так далее. Пусть обком выделит специального человека для защиты отряда от злопыхателей и провокаторов, если там, в обкоме, считают, что воспитательная работа с детьми необходима. А если не считают, то — пожалуйста! Мы успели сделать немало и готовы завтра же заявить о роспуске. Иначе говоря, громко хлопнуть дверью.

Меня вызвал к себе третий секретарь обкома. Он был уралец, наш земляк, но несколько лет проработал в Москве, а недавно вернулся в Свердловск на более высокую партийную должность — отвечать за идеологию в областном масштабе.

Он начал сразу, не предложив даже сесть:

— Ты кто? Камикадзе, что ли?

— То есть?

— У тебя голова-то варит? Такое письмо — нам! Здесь тебе не обком комсомола!

До отъезда в Москву он работал в комсомольских сферах, и нам случалось встречаться.

— Очень рад, — сказал я, — что наш разговор принимает неофициальный характер. Значит, будем по-прежнему на ты?

Он замигал. Он был уверен, что по хамской партийной традиции может говорить собеседнику «ты», но тот — исполненный священного трепета — не должен и помышлять, чтобы отступить от почтительнейшего «вы».

Помолчав, он выговорил:

— Н-ну что ж... М-можно и на ты...

— Тогда объясни, при чем тут «камикадзе»?

— Ты соображаешь, что делаешь? Ты предъявляешь партии уль-ти-ма-тум!

Я не сдержался, хихикнул. Вспомнил «Тимура и его команду». Там один пацан объясняет, что «ультиматум» — слово международное. Означает, что бить будут.

— Ну, обком это еще не вся партия, а ее ма-аленькая частичка. И к тому же я сам — член КПСС. Выходит, тоже частичка партии. Получается, что я предъявляю ультиматум сам себе?

— Ты словами-то не играй. Я понимаю, ты писатель, языком владеешь...

— Я и не играю словами... — В меня налилась какая-то густая спокойная злость. — Это ты играешь. «Ультиматум»! Ультиматумы предъявляют, опираясь на силу и власть. А за мной какая сила? Сорок пацанов и девочек младшего и среднего школьного возраста...

— Не кокетничай, — поморщился «третий», — Ты опираешься на свой авторитет. На свое лауреатство, на должности в союзных писательских органах. И на все такое прочее...

Я сказал, что все это называется не «должностью» и не «все такое прочее». Это просто литературное имя, которое я заработал своим горбом. Своими книжками. Хвастаться нехорошо, но все же можно сказать: здесь я кое-чего достиг. И э т о у меня не отобрать никакими постановлениями и резолюциями.

Он сообщил без всякой злости, скучновато так:

— Не зарывайся, голубчик. Ты же знаешь: и не таким знаменитостям шеи скручивали.

— Да, — покивал я. — Это вы можете...

— Что ты имеешь ввиду!?

— А ты?

— Я... то, что за свое вызывающее поведение можешь и полететь... из славных рядов.

Мы были одни в большущем гулком кабинете. Я посмотрел в бледные «идеологические» глаза. Сказал вполголоса:

— Вот я испугался-то.

В самом деле, если нет отряда, на фиг мне членство в партии? Не станут печатать? Хрен с ними, переживу трудные времена, это «многих славных путь». Сторожем устроюсь куда-нибудь. А посадить не посадят, все же не та эпоха...

На лице третьего появилась задумчивость.

Может, он знал, к а к меня принимали в партию? Прямо сказать, за уши тащили. Особенно нажимал наш писательский парторг — отставник, фронтвик и хороший поэт. А на него нажимали в райкоме: творческой организации нужны молодые кадры.

Единственным молодым был я.

Ссылаясь на то, что неподготовлен, недостаточно сознателен и недостойн такой чести, я упрямылся сколько мог. Но заставили-таки написать заявление. Началась многозначительная волокита: анкеты, собеседования, комиссии. На одной из таких комиссий, где сидели твердокаменные бритоголовые ветераны во френчах времен гражданской войны, случился скандал. Меня начали экзаменовывать по Уставу КПСС и уличили в том, что я перепутал местами два прилагательных.

Я сказал, что уже не мальчик и считаю странной ситуацию, когда меня гоняют, как пятиклассника по правилам грамматики. Наоборот, я привык сам принимать экзамены у детей: по навигации и парусному делу. А что касается двух вышеупомянутых слов, то, как литератор, я гарантирую: смысл фразы в Уставе от их перестановки никак не меняется.

Реакция была громкая. Разгневанная парттройка потребовала, чтобы пред их очи предстал наш парторг.

Он предстал (уже не при мне, конечно), а потом при встречах смотрел на меня с томительным укором. Чем больше было укора, тем сильнее крепла во мне надежда, что вопрос о приеме отпадет.

Черта с два! Все же приняли в кандидаты.

А через год процедура должна была повториться — при переходе из кандидатов в члены.

Наш писательский шеф — талантливый и милый человек (которому я, увы, доставлял немало хлопот и огорчений) при встрече осторожно сказал:

— Звонили из райкома, говорят, что вам опять надо в комиссию на беседу.

— Это снова к тем гранитным старцам? — (Вообще-то я выразился немного не так, конкретнее). — Не пойду.

— Ну, Слава! Когда вы повзрослеете?

— Никогда, — злорадно сказал я.

— Вы же понимаете: комиссия — это неизбежный этап.

— Не по-йду! К этим инквизиторам...

— Слава, вы же роете яму под собой... и подо мной.

— Вы-то причем? Скажите им: он уперся как баран...

Шеф посмотрел на меня долгим взглядом и позвонил в райком.

— Извините, но... я не знаю, как быть. Наш кандидат категорически отказывается идти на собеседование. Говорит, что... Что? Хорошо...

Он посмотрел на меня с выражением человека, которому вскрыли нарыв.

— Они сказали: черт с ним, пусть приходит прямо в райком.

Не идти в райком было нельзя. В этом случае виновником моего неприятия в партию был бы я и только я. Без всяких уверток. «Он отказался самым вызывающим образом!»... Какие последовали бы меры, можно гадать. Но одно несомненно: на «Каравелле» был бы поставлен крест. Разве можно подпускать к детям человека, который нагло игнорирует «ум, честь и совесть нашей эпохи»!

«Каравелла» была смыслом моей жизни. Да если бы только моей! Многих ребят — тоже. И ради них, ради отряда я готов был идти на компромиссы «до упора».

Но сейчас-то, когда уже стало ясно, что отряду больше не жить...

«Третий» вдруг спросил вполне по-человечески:

— Ты, видать, чертовски устал?..

Я поддался на это сочувствие:

— Устал, чего там... Только не от ребят, а от войны со всякой сволочью.

— Ладно. Мы подумаем, как быть. Через неделю позвоню, мы обговорим детали...

Ни через неделю, ни через две он, конечно, не позвонил.

Ребята собрались в последний раз, и «Каравелла» официально объявила о своем роспуске — из-за непосильных условий существования. Отправили об этом письма всем, с кем были связаны общей работой: в журналы «Пионер» и «Вожатый», в «Пионерскую правду», в ЦК комсомола. Там поохали, посочувствовали, на этом и кончилось.

Мне казалось, что ребята не очень огорчены таким концом. Видимо, они были измотаны не меньше меня.

Я испытывал и грусть, и облегчение. И что-бы задавить в себе печаль, с головой кинулся в хлопоты, связанные со съемками спектакля.

Как говорится, поменял шило на мыло.

А теперь можно было бы плюнуть и уехать домой. Но не хотелось срывать со съемок сына. И дело даже не в нем — Пашка не очень-то горел на этой актерской работе. Но наш отъезд сорвал бы вообще все съемки спектакля, а это обернулось бы немалой бедой для других ребят — тех, для кого съемочная жизнь оказалась радостью, праздником и «страницей биографии».

В таких вот грустных размышлениях и воспоминаниях бродил я по берегу, а потом вышел к деревне.

Там всю улицу загромождали серебристые фургоны и раздавались вопли звукооператорши — в одном из дворов снимали очередной эпизод. Про то, как ребята приходят к матери своего приятеля Яшки — он утонул весной, во время ледохода.

Яшкину мать играла Майя Булгакова. Я видел ее во время съемки накануне, когда она говорила о погибшем Яшке. Видел ее искренние слезы. Аж горло перехватило — будто все по правде...

А в те дни, когда я уже писал эту повесть, в теленовостях сообщили, что Майя Булгакова погибла в автомобильной катастрофе. Отчего так не везет в жизни хорошим людям?

Вспомнилось, как в перерывах между съемками она жаловалась с каким-то деревенским простодушием (возможно, не совсем вышла из роли), что хороших фильмов ставят мало, сниматься негде.

— Написали бы вы для меня сценарий, а?

Это, конечно, полшутя.

Так же полшутя я обещал подумать об этом. И ничего, конечно, не написал. Какой из меня киносценарист! С этой-то пьесой, по собственной книжке, намучился... Но теперь, через многие годы, нет-нет да и царапнет совесть... Я постоял у крайнего фургона, прислушиваясь к звукорежиссерским воплям. Не исключено, что она орала на моего Пашку. У него был негромкий, «идуший в себя» голос, и мощности микрофона не хватало для полноценной записи.

Но парнишка-то чем виноват, если техника паршивая?

Нужно было уходить, чтобы не впутаться в новый скандал. Я обошел фургон и зашагал в другой конец улицы. Мимо громадного колодезного колеса. В колесе притулилась к бревенчатой спице девочка лет семи — в малиновом свитере и длинной, синей в белый горошек юбке. Грустная, как Аленушка. Держала на коленях и гладила тощего черного котенка, что-то говорила ему. Котенок беззвучно разевал крошечную розовую пасть.

Я вышел к плотине и с нее на попутном «москвиче» уехал в Солнечногорск.

В городе я побродил по улицам, позаглядывал в магазины (без всякой цели) и наконец остановился у ларька, где торговали разной мелочью.

В том числе игрушками. Перед застекленной стенкой с окошком была широкая доска — прилавок. На доске лежали пластмассовые куклы, деревянные клоуны, а среди них — тряпичный заяц в кепочке как у одесского пижона и в оранжевом комбинезоне.

...Сейчас я опять спохватываюсь: назвал повесть «Заяц Митька», а до сих пор почти ничего не написал о нем. Только теперь, на тридцать третьей странице общей тетради подступил к истории главного героя. Но так уж получилось...

Заяц смотрел на меня грустно и даже с болью. Возможно, он страдал от булавки, которой к животу его был приколот бумажный клочок с ценой: 3 р.

Сентиментальная память колыхнула мои детские воспоминания. Когда-то в давние дошкольные времена у меня был уже сшитый из лоскутков заяц. Не очень похожий на этого, но тех же размеров и тоже лупоглазый. Куда он потом девался, не знаю.

Что, если тот давний приятель вернулся сейчас ко мне в новом обличье?

Мне нужно было утешение в нынешних печалях. Нужен был друг и собеседник. Я с негодованием сорвал с зайца бумажку-ценник. Выдернул из бедняги и воткнул в прилавок булавку. Молча протянул удивленной продавщице три рубля. И понес зайца в ладонях, как потерявшегося и найденного котенка.

— Малыш... как же мне тебя назвать?

Заяц молчал, но в отдалении замычали коровы. Я вспомнил знакомого пастушка.

— Ты будешь Митька!

На плоской, сшитой из серой диагоналевой ткани мордашке проступило удовольствие. В пластмассовых зрачках зажглись солнечные искры.

— Мы будем друзьями, верно?

Митька помахиванием длинных ушей одобрил эту мысль.

Начало дружбы следовало отметить. В ближайшем продуктовом магазине я обзавелся бутылкой пятизвездного «Самтреста» и не спеша двинулся в наше общежитие на краю Загорья.

Комната, где я жил, была большая, на пять мест. Режиссер, его помощники и операторы — мои соседи — уже вернулись со съемок. Вели между собой профессиональный разговор. Меня, дилетанта, они игнорировали, тема была для посвященных.

Я выглянул в окно: далеко ли Пашка и Олег? Они с другими ребятами гоняли мяч на лужайке.

— Все в порядке, Митька. Больше нас никто не интересуется. Сейчас мы отпразднуем наше знакомство. А дипломированным жрецам телеискусства не дадим ни капли.

«Жрецы» напряженно примолкли, надеясь, что последние мои слова — шутка.

Но мы с Митькой и вправду отпраздновали начало нашей дружбы вдвоем, устроившись на моей кровати. И завистливые вздохи соседей не тронули ни мое железное, ни Митькино ватное сердце. Вот так...

— Будь здоров, Митька. Я напишу про тебя книжку!

После этого я всюду ходил с Митькой. Мы гуляли по окрестностям. В съемки я больше не вмешивался. Мне стало ясно, что этот телесериал загублен на корню. Я просто ждал, когда освободится Павлик. Олег — тот давно был свободен, и ему, как и мне, хотелось домой.

Мы с Митькой болтали о том, о сем. А если и молчали, то понимающе. Случалось, я читал ему отрывки из книжки Паустовского, и мы посмеивались над неуклюжими немецкими комментариями. Павлик иногда принюхивался к Митькиной морде и строго смотрел на меня:

— Опять?

— Да ты что! Это с прошлого раза не выветрилось!

— Знаю я вас...

Однажды вновь случился пасмурный день. И холодный. Но дождя не было, и съемки решили не отменять — график поджимал.

Помощница режиссера уговаривала Дениску надеть под шорты колготки, иначе продрогнет. Денис уперся:

— Не хочу я как девчонка!

— Причем тут девчонка! Сколько мальчиков так гуляет!

— А я не буду! Все! Я сказал! — Он был человек с характером.

— Ну и ходи весь в пупырышках!.. Простудишься и помрешь.

— Ага.

Если я в пупырышках,
Значит скоро мне крышка, —

сумрачно срифмовал талантливый ребенок, но решения своего не изменил. А меня спросил:

— Вы сегодня опять с Митькой гулять будете?

— Конечно. Ему-то простуда не грозит.

— Вам обоим не грозит, — вставил подошедший сын. — Вы умеете греться.

— Как ты разговариваешь с отцом!

— Проницательно, — сказала мое чадо.

Но чадо ошиблось. Мы с Митькой не собирались в злачные места, а просто решили побродить вокруг Загорья. В подтверждение наших невинных намерений я даже кликнул с собой Олега, но он ушел рыбачить.

Мы с Митькой опять остались вдвоем.

Верьте — не верьте, но я ощущал в Митьке живую душу. Можно считать это непростительной сентиментальностью сорокалетнего мужика, можно — «сдвигом по фазе», результатом того, что долго работал в жанре фантастики. Но я пишу то, что было. И я был уверен, что Митьке, как и мне, по душе заросшие берега Сенежа.

Я позавтракал в столовой, а потом взял Митьку за уши (ему это нравилось), и мы двинулись по главной улице Загорья. Было вокруг зябко и серо, в могучих дубах вздыхал влажный ветер. Но вот пробился из-за пепельного облака тонкий луч. Ударил в замшелый забор. И в этом месте (вот колдовство-то!) возник яркий, как солнечный блик, мальчик. Словно вернулся один из сказочных королевичей, которые в начале дачного сезона любили вертеться на колодезном колесе (а потом, в жаркие дни, полиняли, пообтрепались). Он как бы съехал сюда из-за облака, по скользкому лучу.

Луч пропал, а мальчик остался — весь в желтом, от шеи до пяток. Лишь кроссовки корич-

невые, но и те с лимонными полосками. И волосы — как свежая стружка. И в глазах — золотые точки.

Мальчик глянул мне в лицо. Серьезно так. Задумчиво почесал переносицу, на которой сидели три веснушки. Не отвел глаз, сказал негромко, но отчетливо:

— Здравствуйте.

— Привет.

Он перевел взгляд на Митьку.

— Это в а ш заяц, да?

— Мой.

— Почти что живой, да? — Он опять поднял глаза.

— Почему «почти»? — слегка обиделся я.

— Ну да, — желтый мальчик кивнул. — Другие думают, что игрушка, а он... не игрушка, да?

— Конечно, — сказал я с благодарностью. От мальчишки исходило пушистое тепло, как от настоящего солнечного луча. И глаза у него были такие понимающие. И желтые огоньки в зрачках были не насмешливые, а добрые...

Тут завyli моторы — по улице шла вереница серебристых фургонов и автобусов с буквами TV. Я, мальчик и Митька проводили их глазами.

— Там есть одна женщина, — сказал мальчик. — Когда снимают кино, она почему-то все время кричит.

— Есть такая, — вздохнул я. — Она отвечает за звук.

— Поэтому и сама так з в у ч и т?

Да, умный мальчик.

— Наверно...

— Скажите, пожалуйста, это ведь про в а ш у книжку снимают кино?

— Не кино, телеспектакль... Ну да, по моей повести.

— Значит, вы тут главный? Почему тогда не велите ей, чтобы не кричала?

— К сожалению, я здесь не главный. Наоборот...

— Но ведь книжка-то — ваша?

— Книжка-то моя. А все остальное...

— Жалко... — вздохнул он. И вдруг сообщил: — У нас в школе есть учительница, которая тоже все время кричит.

— И ты боишься?

— Ну... нет. Она не в нашем классе. Но, когда ее услышишь, потом ничего не хочется. Ни играть, ни... вообще ничего... Как Генке в вашей книжке, когда он раздружился с Владиком.

— Значит, ты читал?

*Жизнерадостный Дениска,
игравший не менее жизнерадостного Ильку.*

— Да. Только там непонятно в конце...

— Что непонятно?

— Владик... Он остался слепой или все-таки стал видеть?

— Ты, значит, лишь первую часть прочитал. А есть продолжение. Там все...

«Все кончается хорошо», — чуть не сказал я, но подумал о погибшем Яшке.

— Там все делается понятно. Да, он стал видеть...

Мальчик опять кивнул. И сел на корточки. Перед Митькой.

— Можно поддержать?

— Конечно!

Митька охотно пошел в руки к мальчику. Тот, не вставая покачал его в ладонях. И протянул мне и сказал снизу вверх:

— У меня тоже есть... зайчонок. Только пластмассовый...

— Вот славно...

В этот момент в заборе открылась незаметная (из таких же замшелых досок) дверца. Вышла пожилая женщина в клетчатой шали — наверно, бабушка. Кивнула мне, как знакомому, а мальчику протянула вязаную шапку с помпоном.

— Ты что же ее не взял, Игорек? Ехать далеко... Идем, а то не успеем на автобус.

Шапка была тоже ярко-желтая, как пушистый цветок осота.

Бабушка и внук пошли вдоль забора. Мальчик, оглянувшись, помахал нам с Митькой. А я поднял Митьку и помахал в ответ — мягкой тряпичной лапой.

И пошел на берег.

Конечно, желтый Игорек был обыкновенным московским внуком, которого бабушка принарядила для какой-то поездки. Но, может, был здесь и кусочек чуда? Может, солнце в самом деле на миг превратило в мальчишку свой пробившийся сквозь пасмурность луч? Чтобы в душе лоскутного зайца навсегда поселился добрый ребячий огонек...

Я вышел к озеру. По серой воде бежали мелкие барашки. Но лучи теперь пробивались все чаще. И на озере загорались желтые звезды. Мгновенная тоска по парусам, по ребячьему смеху, по оранжевым флагам «Каравеллы» буквально обожгла меня. Но в тоске не было уже горечи. Была азартная злость и... радость.

— Митька, ничего еще не кончено... Ты будешь матросом, я обещаю.

«Каравелла» голосует за то, чтобы отряд жил.

6

Так и получилось. Отряд, разумеется, ожил. На этот раз его спасли барабанщики. Это были самые маленькие, но и самые преданные «Каравелле» мальчишки и девчонки. Те, кто на парадах всегда шагали впереди отряда с большими черными барабанами, которые мы склепали своими руками.

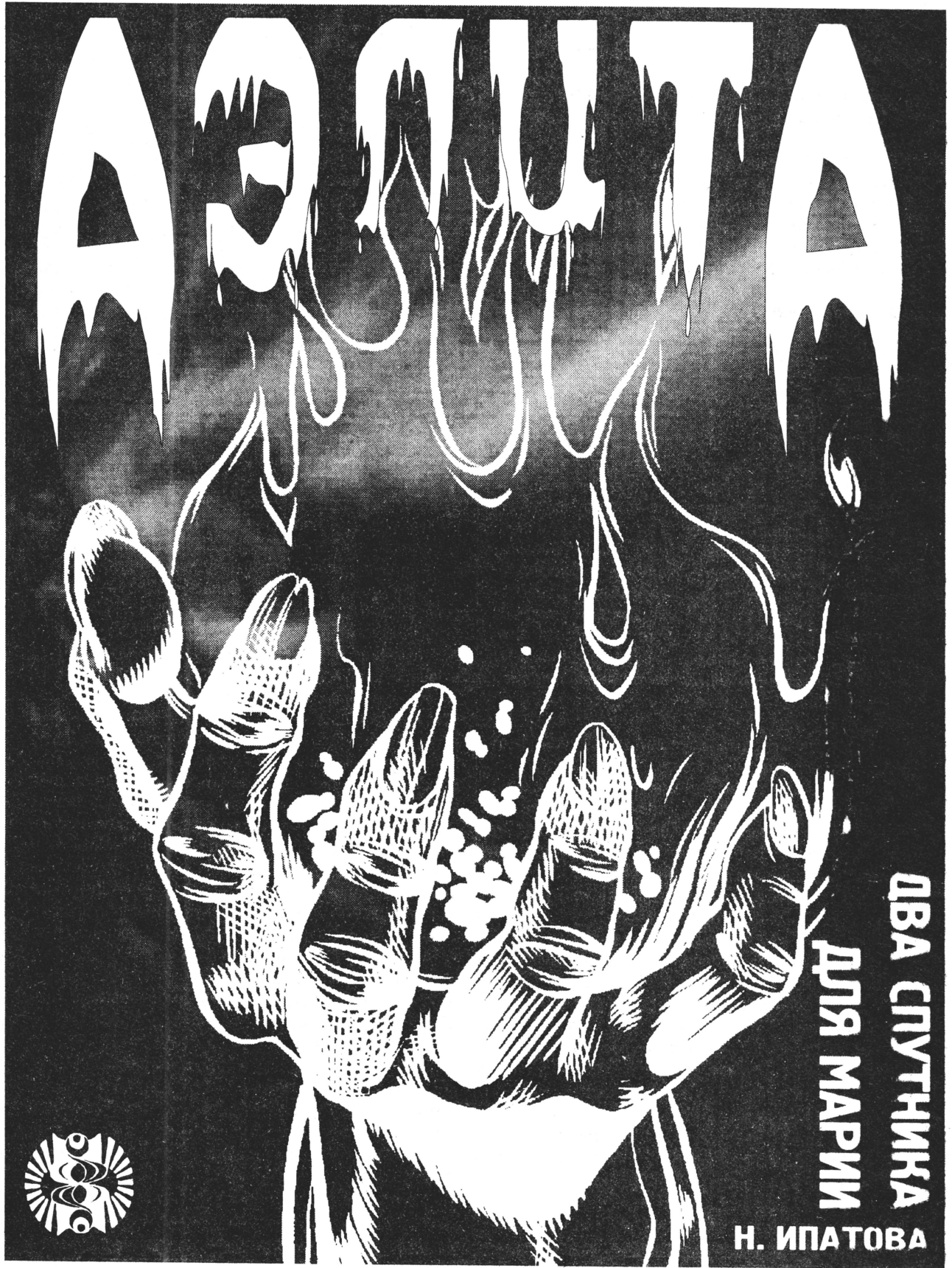
Барабанщики не захотели жить сами по себе. Собрались и заявили, что пусть земля перевернется вверх тормашками, а они все равно будут «Каравеллой».

— А ты все равно будешь нашим командиром! — Это они мне.

Мы вместе с отрядом «Алый парус» провели корабельную летнюю практику на Волчихинском водохранилище (где граница Европы и Азии), а потом вернули яхты на наше родное Верх-Исетское озеро. Маленький отряд снова обростал ребятами — прежними и новичками. Ветераны «Каравеллы» после великих трудов и хлопот «выбили» для нас новое помещение. Опять мы снимали фильмы, устраивали рыцарские турниры, ходили в парусные походы и сочиняли зубастые статьи для «Пионерской правды» и журнала «Пионер».

Потом построили новые парусники. Для этого разработали свой собственный яхтенный класс

Продолжение на стр.50.

**ДВА СПУТНИКА
ДЛЯ МАРСИ**

Н. ИПАТОВА

ВСКАЧЬ

В полях под Крисборо уже воцарилась осень. До самого горизонта тянулась коричневая каменистая пустошь, ее однообразие кое-где нарушалось зарослями чахлого вереска и кучами невыразительно искривленных деревьев. Схватенная ранним заморозком, сухая почва стала гулкой, грохочущей под ударами копыт, как туго натянутый бубен. Набитые снегом, точно ватой, тучи стремительно неслись на юго-запад. Славный сезон для лисьей охоты, когда уныние осеннего дня вдребезги разбивается собачьим лаем, ликующими криками охотников и веселым женским смехом.

Лисы знали все это и вздрагивали в своих норах, слыша такой знакомый дробный перестук множества копыт над своими головами. Но этой осенью они могли спать спокойно. Люди придумали себе другую забаву, и лис на нее не пригласили. Сегодня люди охотились друг на друга.

Гон растянулся на добрых полмили. Рослый могучий конь, роняя с удил хлопья пены, летел впереди, подчиняясь яростным понуканиям всадника, пригнувшегося к самой его шее.

— Не стрелять! — срывая голос, крикнул назад первый из преследователей. — Он мой!

Расстояние между первым и вторым всадниками неумолимо сокращалось: охотник был легче, чем дичь, и конь его, по-видимому, не был так загнан. В горячке погони преследователь потерял шляпу, темные волосы его вились по ветру, а молодой голос звенел азартом. Его жертве некуда было деться, гон неуклонно отжимал его к обрывистому берегу широкой и быстрой реки, пересекавшей пустошь. Даже если он отважится броситься в эту ледяную воду, его светлая голова станет прекрасной мишенью для пистолетов.

— Стой! — крикнул преследователь своей жертве, находившейся от него в каких-нибудь трехстах ярдах. — Стой, трус, и прими свою судьбу, как джентльмен, лицом к лицу!

Тот как будто не слышал. Похоже, что соблюдение лица не было для него первостатейной задачей. Он мчался прямо к обрыву, и охотникам трудно было бы определить, чего в его порыве больше — отваги или отчаяния.

Над самой кромкой обрыва конь вздыбился, исполнил на задних ногах какой-то дикий танец, а когда принял более естественное положение и, мотая головой, побежал дальше, всадника на его спине уже не было.

Первый охотник, бывший к своей дичи ближе других, не обманулся этим маневром и, предоставив другим, находившимся дальше, преследовать уходящего по широкой дуге коня, бросился к обрыву. Там он спе-

шился, понимая, что тот, за кем он гнался, где-то здесь. Над водой нависал дерновый козырек, укрепленный корнями редкого кустарника, от него почти отвесно вниз спускался песчаный склон обрыва, покрытый следами частых оползней. Охотник сообразил, что на этом песке невозможно не оставить следов. Взгляд его скользнул по стремительно несущемуся под резкий уклон потоку, он решительно прыгнул вперед, мгновенно погрузившись в мягкий бурый песок по щиколотки. Этот прыжок потревожил неустойчивую почву, тут же ушедшую у него из-под ног, оползень поволок его вниз. Пытаясь удержаться на ногах, он взмахнул руками, и тут же что-то большое и тяжелое обрушилось на его спину, и он, оглушенный, зарылся лицом в песок. Через секунду его немного привело в себя ощущение заломленных рук. Затем его весьма неделикатно перевернули на спину.

— Ну и кто из нас кого поймал, Драммонд? — поинтересовалась бывшая дичь.

В глазах темноволосого юноши на секунду мелькнул смертельный ужас, но он сумел овладеть собой.

— Твою мать, Конахан! Когда-нибудь я все-таки пришибу тебя.

— Интересная мысль, учитывая, что я сижу у тебя на горле.

— Чего ты хочешь? Впрочем... — незадачливый охотник судорожно сглотнул и попытался выровнять свое сердцебиение, глубоко вдохнув, что само по себе было непростой задачей, принимая во внимание вес припечатавшего его к земле Конахана. — Валяй, доставай свой кинжал, или что там у тебя, раз не хватает смелости выйти против меня со шпагой.

— Господь, ну почему в этой семье мозги достаются только женщинам?! — вполголоса, но вполне выразительно воскликнул русоволосый, чуть рыжеватый Конахан. — Неужели ты до сих пор не понял, что у тебя есть проблемы поважнее, чем гоняться за мной по всей стране! Самое позднее — завтра в Крисборо будут тайсы.

— Завтра? Черт побери. Впрочем, мы ждем их. Драммонды, во всяком случае, готовы... — он осекся, увидев, как дернулся угол рта Конахана.

— Поднимись, — велел тот, опытной рукой извлекая пистолет из-за пояса пленника. — Поднимись наверх и прикажи своей коdle убратсья. Скажи, что я прыгнул в воду, и вели ловить меня ниже по течению. Если смощенничаетшь, я прострелю твою дурную башку.

Он поднял Драммонда за ворот с земли и толкнул его наверх. Выполнив то, что от него требовалось, юноша угрюмо оглянулся на Конахана.

— Ну, теперь-то ты возьмешсья за шпагу?

— Мне некогда возитсья с тобой, сосунок.

— Эй, мы ровесники! — обиделся Драммонд.

— Не по уму. Сядь. Ты сказал, Драммонды остались?

— Разумеетсья. Мы будем дратьсья за свою землю. Челюсти Конахана окаменели.

— Мне наплевать, что сделают тайсы с вашим дурацким кланом, но Марию-то, надеюсь, вы позаботились вывезти?

Глаза Драммонда бешено сузились.

— Это имя не для твоего поганого рта!

— Заткнись! Она что, осталась в городе?

— Вывезти женщин, — отчеканил Драммонд, — значит поддаться панике. Женщины верят в могущество клана, а клану, в свою очередь, будет за что драться. Ты одиночка, и уже забыл кодекс клана, Конахан?

— Я неделю скакал по следу тайсов, — устало сказал Конахан. — Если бы ты видел, что они оставляют за собой, ты забыл бы все кодексы на свете, кроме кодекса страха. Это лавина кочевников. Их там столько, что они могут позволить себе не считать потери. Они оставляют за собой выжженную пустыню. Мне только третьего дня удалось обогнать их и попасть в Крисборо.

— Очень рискованно с твоей стороны, если учесть, что приказ о твоём аресте за убийство Каспера лежит на столе каждого чиновника.

— Послушай, Джек Драммонд. Я тебя отпущу, если ты мне пообещаешь сразу же помчаться в город, схватить Марию, вытащить ее из города и что было сил нестись с ней на запад.

— Как это собирался сделать ты? Ты трус и паникер, Рэм Конахан! Мы будем драться с тайсами, и если понадобится, женщины встанут на стены рядом с нами. А Мария... Бог наверняка слышит ее молитвы. Пусть молится за нашу победу.

— Драммонд, ты или свинья, или придурок! Как ты можешь оставить сестру в городе, зная, что его не будут защищать?

— Что?!

— Ты не знал? Нет, ты что, правда, не знал? Да чему тебя учили в корпусе?! Крисборо отвратительно расположен, и его сдадут даже без видимости боя. Армия встретит тайсов дальше, в предгорьях. Крисборо, Вейс и Арсан обречены.

— Откуда об этом знаешь ты?

— Знаю, потому что везу приказ гарнизонным командирам оставить города и собираться в долине Рамо. Драммонды недолго будут чваниться доблестью своих бойцов.

— Но это... это преступление — сдавать город без боя!

— Это всего лишь стратегия, офицер Драммонд, которую и ты изучал так же, как и я, в те благословенные дни, когда я регулярно бил тебе морду.

— Я нес караульную службу вокруг города, — хмуро сказал Джек. — Вечереет, и через полчаса ворота будут закрыты. До утра мне не попасть внутрь. Тем более, что мы оба остались без лошадей.

— Завтра лошадей здесь будет в избытке. Тайсы гонят перед собой табуны.

— Так, погоди, давай посчитаем. Пешком мы доберемся до ворот минимум к полуночи. Никто нас, разумеется, не впустит. А утром...

— А утром, пока ты доберешься до дома, пока будешь уговаривать клан и убеждать Марию... Потом улаживать стражников открыть ворота, а тайсов — пропустить вас, таких хороших, без ущерба для жизни и чести...

— Заткнись, Конахан! Что нам делать?

— Погоди, — Рэм вдруг вытянулся на земле, крепко прижав к ней ухо. — Слушай.

Джек бросился рядом с ним ничком. Несколько секунд они слушали, неподвижные, как Великие Пирамиды. Это уже не был нервный дробный перестук двух дюжин копыт. Это был глухой монотонный гул. Если вы были в горах и видели, как сходит лавина, — вы слышали этот гул. Подняв головы, в накатывающей с востока тьме они увидели гигантскую волну, объединившую в себе множество огненных точек.

— Это факелы, — сказал Рэм.

— Я понял. Господи, сколько их! Неужели... неужели мы опоздали? Ну что ж, Конахан. Если я правильно понял, ты еще не предупредил гарнизоны Вейса и Арсана. Валяй, пусть тебя черти уносят. А я пойду к своему клану и умру вместе с ним.

— Если тебе очень повезет, они распнут тебя на воротах...

— Что ты предлагаешь?

— Если ты не будешь мне очень мешать, мы с тобой вместе попытаемся вытащить Марию.

— ..?!

— Только, бога ради, давай без лишних вопросов. Надеюсь, я не настолько помял тебя, чтобы ты не смог бегать?

— Говори, что ты затеял!

— Сейчас мы с тобой наперегонки побежим вон к тому холмику. До него мили три.

Конахан был несколько в лучшей форме, но Джек не желал признавать себя побежденным, а потому, как только вечные соперники ощутили под ногами желанный холмик, оба рухнули на него, зарывшись носами в ржавую, колючую осеннюю траву.

— Стоит ли переносить соперничество в сферу интересов жизни и смерти? — задыхаясь, спросил Рэм.

Прерывистое дыхание Джека подтвердило, что вопрос остается риторическим. Пока Рэм шарил в окрестных кустах, он лежал, ожидая, что все тайсы сбегутся на стук его сердца. Приглушенный радостный возглас Конахана привлек его внимание.

— Есть! Как они там?

— Они замкнули кольцо, если судить по огням.

— Они разбивают лагерь? Кучкуются возле больших костров?

— Мм... Не похоже. Огня много, но факелы не гаснут.

— Худо, — решил Конахан. — Значит будут штурмовать с ходу. У нас еще меньше времени, чем

я предполагал. Кончай валяться и помоги мне, я никак не могу найти подходящий рычаг.

Вдвоем они без особого труда вывернули из гнезда указанный Рэмом валун. Из темного провала под ним пахло подземельем.

— Какая пошлость! — возмутился Джек. — Когда мне попадался роман, где герои должны были пробираться по подземным ходам, я его выбрасывал.

— Ко мне какие претензии? — огрызнулся Рэм. — Не я же его писал. Валяй вперед, да поживей. Там, на лестнице, факелы, и чем быстрее ты их разожжешь, тем больше у нас шансов успеть вовремя.

Цепляясь за каждый выступ, Джек бежал впереди, время от времени чертыхаясь от особенно болезненных ушибов. Следовавший за ним более крупный Рэм двигался гораздо увереннее. Довольно часто по стенам основного тоннеля встречались темные проемы боковых ответвлений. Джек слышал, как Рэм вполгоса считает их.

— Эй, где это мы?

— Ты слышал когда-нибудь о катакомбах Крисборо? Это секретный ход для эвакуации важнейших лиц, а боковые ветви ведут вниз, туда, где добывали известняк. Проходя под городской стеной, катакомбы соединяются с канализацией. А по ней мы можем попасть в любую точку города.

— Откуда ты все это знаешь, Конахан?

— Крисборо — и мой родной город, если помнишь, — резко ответил Рэм.

Джек обернулся.

— Послушай, Конахан. Я не буду говорить, будто возмущен тем, что ты убил моего брата Каспера. Более того, я удивлен, что ты не убил меня, когда тебе предстала такая возможность. Я, разумеется, не забываю, что мы — кровники, и что ты идешь позади меня с оружием в руках. Я помню также, что из-за тебя несчастна моя сестра, и что ты желаешь зла всем Драммондам. Я надеюсь, хотя это и глупо, что ты сможешь мне спасти Марию. Но, Конахан, если ты держишь в уме что-то подлое насчет нее, тебя проклянет сам бог.

— Прекрати молоть чушь и двигай ногами! — рявкнул Рэм.

Вскоре галерея, по которой они двигались, расширилась. В полу появилось углубление, в нем журчала неважно пахнущая жидкость. Из возникавших все чаще ответвлений тоннеля в основной поток вливались новые и новые ручейки.

— Сейчас мы идем под главной улицей, — объяснил Рэм. — Каждый боковой тоннель — это перпендикулярная улица. Ты когда-нибудь был здесь?

— Не имел пристрастия к клоакам! Слушай, а ведь так можно подобраться к самому Драммонд-Холлу?

— И не только подобраться, — хмыкнул Рэм.

— То есть?

— Увидишь.

— Сколько народу можно было бы вывести!

— У нас нет времени организовывать спасательные экспедиции. К тому же, будучи проведенными в особо крупных размерах, они неизбежно привлекут к себе внимание кочевников, и все хлопоты по спасению мирного населения пропадут впустую. Их порубят в чистом поле. Эй, сейчас налево!

— Это Ипподромная, да?

— Нет, это Коммунале. Ипподромная следующая. Теперь вверх.

— Послушай, сколько времени мы уже здесь? Часа три? Что, если город захвачен?

— Неважно. Ваш клан наверняка стянется у Драммонд-Холла. Они для нас его поддержат.

— Послушай, может быть, мы могли бы спасти не одну Марию, а хотя бы часть клана?

— Это было бы забавно... — от возникшей вдруг в голосе Рэма интонации Джека бросило в дрожь.

— Здесь поднимаемся! — отрывисто приказал Рэм.

Они взбежали по ступенькам, выбитым в известняковой стене, и, упираясь ладонями и спинами, сдвинули чуть-чуть в сторону массивную каменную плиту. Рэм бросил туда один только взгляд и отскочил обратно, витиевато выразившись насчет хилости этих хваленых Драммондов. Щель открывалась в сад, и теперь, как только она была открылась, подземелье загрохотало сталью и воплями резни, в которую перешел бой, достигнув этого богатого, полного беззащитных людей дома.

— Быстрее! — заорал Рэм. — Молись, чтобы она была в спальне!

Молодые люди вихрем пронеслись по каким-то темным тесным коридорам, извивавшимся вверх и проходившим, как догадался Джек, в толще стен его родного дома.

— А если ее там нет? Конахан, я не уйду без нее!

— Я тоже.

Эта щель распахнулась неожиданно быстро, и как нельзя более вовремя. Отчаянно кричавшая девушка билась в руках двух узкоглазых кочевников.

Первого пронзила стремительная шпага Джека. Смерть второго была жестока. Если бы он когда-нибудь видел стальную пружину, он в последний миг своей жизни знал бы, с чем сравнить этот молниеносный удар тяжелым трехгранным кинжалом, вошедшим, пробив кость, через нижнюю челюсть в мозг.

Девушка в полубморозе сползла на пол. Джек в один момент закутал ее в плащ и подхватил на руки. Рэм в это время высвобождал из черепа трупа свой любимый кинжал.

— Она в порядке?

— Жива. Уходим, Конахан.

И это они тоже сделали весьма вовремя. В закрывающуюся щель полезли всякие колющие и

рубящие предметы, но Рэм, ухмыляясь, освободил какую-то секретную пружину, и под ее неодолимым давлением щель закрылась, не оставив за собой ни малейшего следа.

— Не откроют? — поинтересовался Джек.

— Не догадаются. Строилось как раз на сегодняшний случай. Но нам лучше поторопиться, если мы хотим исчезнуть из города до рассвета. Уйти лучше сейчас, пока они мародерствуют. Давай, я ее понесу.

— Убери лапы! — рявкнул Джек.

— Но я сильнее.

— А я — ее брат. И тебе, учти, доверяю меньше, чем кому бы то ни было.

— Ну, ты мне польстил.

Через двадцать минут Джек стал пошатываться.

— Ты ее уронишь! Или зашибешь. Стоило спасать, если ты вот-вот раскроишь ей череп. Возьми факел, — авторитетно распорядился Рэм. — И свети.

— Послушай, если я замечу с твоей стороны хоть малейшее неуважение к ней, я...

— Парень, тебе было бы лучше родиться немым.

Несколько раз на протяжении обратного пути они сменяли друг друга, скорее по настоянию Джека, потому что крепкий Рэм не выказывал ни малейших признаков утомления. Потом Мария запротестовала, заявив, что хочет идти сама, но, сделав несколько шагов, опустилась на пол уже в настоящем обмороке, и вопрос был снят с повестки дня.

Оставив спутников в устье подземного хода, Рэм бесшумнее тени спустился с заветного холмика, четверть часа где-то пропадал и вернулся с тремя тайскими лошадками, оказавшимися, как ни странно, вполне послушными. Джек подумал, что этот парень, должно быть, видит в темноте.

— В Вейсе разживемся чем-нибудь получше, — объяснил Рэм. — А теперь, Драммонд, ходу!

— И ты не хочешь посмотреть, — тихо сказал Джек, — как горит твой родной город?

Рэм оскалился.

— Я — одиночка, ты забыл? Приказ о моем аресте — на столе каждого чиновника. Я — убийца Каспера, твоего родного брата, — голос его упал. — Пусть горит. Славный огонек для погребального костра клана Драммондов, верно?

— О господи. — Джек был потрясен. — Так ты ликуешь?

— Нет. Это — дело не моих рук. Тут мне нечем гордиться, как в деле с Каспером. Но ты, Драммонд, сейчас узнаешь, что значит одиночка. Ты теперь тоже последний.

— Нет, — Джек улыбнулся. — Ты забыл, что Мария носит ту же фамилию. Значит нас — двое.

Рэм отвернулся и отвел душу, всадив каблуки ботфорт в бока своей лошадки.

На рассвете они сочли себя в безопасности, спешились в небольшой лощинке, где явственно слышался голос ручья. У Марии продолжался то ли обморок, то ли сон. Дремота молодых людей была куда более беспокойной — события ночи бурлили в них, наполнив их отрывистые сны кошмаром пожара и смерти, и когда высоко поднявшееся солнце заглянуло в их укромную лощинку, две встрепанные головы — темно-каштановая и рыжеватая-русская — разом вскинулись, свирепо и настороженно оглядели окрестные кусты, недружелюбно кивнули друг другу и склонились, каждая со своей стороны, над открывшей глаза девушкой.

— Доброе утро, — сказала она, улыбаясь. — Джек... я уже не чаяла увидеть тебя живым... Рэм... я боялась, что ты никогда не вернешься.

Глава II

КОЕ-ЧТО О РЭМЕ КОНАХАНЕ

На первый взгляд не было в ней ничего особенного. Худенькое большеглазое личико сердечком, масса густых мягких темных волос, хрупкое, изящное, характерное для всех Драммондов телосложение. Почти в каждой большой семье можно найти подобное существо, созданное как будто не из плоти и крови, а из вечерней игры света и тени. Их оберегают от малейших проявлений грубости, они пользуются всеобщей любовью и заботой — и расплачиваются за это полным незнанием действительности. Круг их жизни замкнулся на доме и церкви, два-три танцевальных бала в год вносят в их существование волнуемое разнообразие. Она была такой, но, помимо этого, она была еще и Марией Драммонд, при виде которой уголки рта Джека дрогнули в улыбке. Несмотря на огонь, кровь и смерть, у него оставалась Мария, а с необходимостью заботиться о ней он мог пережить все, что угодно.

— Крепись, малышка, — сказал он. — Мы остались одни.

Она кивнула и приподнялась на локте.

— Знаешь, Джек... Нам с тобой так часто приходилось слышать речи о славе и доблестной гибели... Возможно, позже я в полной мере осознаю весь ужас нашей утраты. А пока... прости. Я слишком счастлива от того, что вижу вас двоих... вместе.

Джек ревниво оглянулся.

— Мне бы твои нервы, Мария, — произнес Рэм. — Мне бы они пригодились.

Джек нахмурился. Ему не понравилось то, что, как ему показалось, мелькнуло между Марией и Рэмом.

Ему вообще не нравилась эта скандальная история. Драммонды сделали все, чтобы из семьи не вышло ничего, задевающего честь Марии. Насчет Рэма Джек не сомневался: этот рыжий сукин сын наверняка решил соблазнить его неискушенную сестренку. Джек был уверен, что все женское поголовье клана Драммондов усердно вбивало Марии в голову эту же мысль. Однако, судя по ласковым взглядам, какими они обменялись, никто из них не держал на другого обиды. Он достаточно знал свою сестру, чтобы понимать — криком и руганью ее ни в чем не убедишь.

— Ну и что дальше? — обратился он к Рэму, частично потому, что его и вправду волновал этот вопрос, а отчасти — чтобы оторвать того от лицезрения Марии.

— Я полагаю, нам пока по пути, — ответил Конахан, поднимаясь на ноги. — Не уверен, что ты рад моему обществу, но, как мне кажется, два спутника для Марии в наши интересные времена безопаснее одного. Ты верно заметил, что мой путь лежит через Вейс и Арсан, и еще по дороге у меня будут кое-какие дела. Сам-то ты, конечно, не решил еще, чем собираешься заниматься?

Джек подумал.

— Наши, говоришь, собирают войска в долине Рамо? Я могу присоединиться к ним и поучаствовать в большой драке. Но...

— Ага... Если бы я был один, я тоже не придумал бы ничего лучше. Впрочем, ты можешь остаться в долине Рамо, а я отвезу Марию в столицу.

Джек сам не ожидал своей реакции. Он задорно и искренне расхохотался.

— Я скорее доверю курицу лисе, Конахан. А сам ты не собираешься остаться с войсками?

— У меня другая служба, Драммонд. Меня ждут в столице. Путь неблизкий, довольно опасный, учитывая, что по пятам за нами катится орда, гарнизоны переходят с места на место, и из темных углов вылезает, почуяв поживу, всякая разбойная шваль. Мне предстоит отлучаться по делам, иногда задерживаться... иногда подпускать тайсов на опасное расстояние. Я предпочитаю, чтобы во время моего отсутствия с Марией кто-то оставался. По известным причинам из прочего населения Земли я выбрал тебя, хотя мне твоя физиономия симпатична не более, чем тебе — моя.

Джек задумался.

— Почему я должен тебе доверять?

— Хотя бы потому, что я не проткнул твою глотку вчера, когда ты так любезно мне ее подставил, — прошипел Рэм так, чтобы не услышала Мария.

— Ну, ладно, — сдался Джек. — Когда тронемся?

Рэм бросил взгляд на восток, туда, где клубился в ясном осеннем небе черный дым Крисборо.

— Мне нужно уехать на несколько часов. Грабеж города и сопутствующие развлечения задержат тайсов на пару дней, так что вы сможете спокойно отдохнуть до вечера.

— Ты что, надумал нас бросить?

— После всего того, что тут предлагал? Нет уж, нравится тебе это или нет, а я вернусь. Очень, во всяком случае, на это надеюсь. А теперь слушай, Драммонд. Если до вечера меня не будет, скажите в Вейс. Там скажешь гарнизонному командиру то, что знаешь, и назовешь мое имя. Можешь проехать с гарнизоном до Рамо-Вэлли, это самый безопасный эскорт. Там тоже не задерживайся. Неизвестно еще, на чьей стороне там будет перевес. Переход, конечно, утомительный, но только достигнув Койры, вы можете почувствовать себя более или менее в безопасности. В Койре явишься к герцогу Анколо. Там мое имя тоже послужит рекомендацией.

Тут в серых глазах Рэма вспыхнули веселые огоньки.

— Думаю, герцог отнесется к тебе с большим вниманием, если ты представишь Марию как мою безутешную невесту.

— Да отсохнет в таком случае мой язык, — закипая, начал Джек, а Рэм хохотнул, хлопнул его по плечу и отошел взнуздывать лошадь куском веревки. Он с этим быстро справился, вскочил верхом и ускакал. Высунув голову над краем лощины, Джек проводил его взглядом.

Путь Конахана лежал на восток.

— Рэм уехал? — удивленно спросила Мария, вернувшись от ручья, где старательно и долго приводила себя в порядок.

— Обещал вернуться к вечеру, — отозвался Джек. — Может, не соврет.

— Джек! — Мария устроилась у его ног. — Что стоит между вами? Только то, что он Конахан, а ты Драммонд? Поглядели бы на себя со стороны — оба отважные, красивые, сильные... Оба так дороги мне...

— Ну, я-то, положим, дорог, а этот рыжий волк...

— Не перебивай девушку, это невежливо. Я говорю — оба. Ты ведешь себя по-детски, Джек. Он поддразнивает тебя, а ты злишься, как мальчишка.

— А ты расцветаешь, стоит ему посмотреть на тебя. Мария, понимаешь... Ты росла, как в оранжерее. Тебя от всего оберегали. Я уверен, тебе не рассказали ту кошмарную историю, из-за которой Рэм Конахан, если честно признать, имел полное право нас... Знаешь... у меня даже сейчас стоит психологический барьер. Это уже рефлекс — думать, что можно сказать Марии, а что может травмировать ее.

— А ты скажи все, — серьезно посоветовала Мария. — Мне кажется, я совсем не такое уж комнатное растение. Как ты не понимаешь, ведь, не зная всего, я могу допустить какую-нибудь бестактность.

— Ты?! Ладно. По-видимому, это необходимо. Только вот что. Я рассказываю тебе все, что знаю о Рэме Конахане, а ты мне — что у вас было. Это будет честно.

— Ладно, договорились.

— Тогда ты первая.

Мария пожала плечами.

— Мне все равно никто никогда не верил. Ничего такого, в том смысле, что все подозревали. Правда... — она смущенно засмеялась, — знакомство было не сколько романтическим. Однажды ночью я проснулась... ты знаешь, я сплю с зажженным ночником... и почувствовала, что в комнате кто-то есть. Джек, что с тобой?

Джек прокашлялся.

— Ну и что же ты стала делать? Насколько я понял, шума ты не подняла.

— Нет, я вежливо попросила этого невидимого человека — он стоял вне круга света от ночника — не причинять зла ни мне, ни кому бы то ни было другому в доме. Он помолчал, а потом сказал, что не причинит мне зла. Я спросила, как он попал в мою комнату, он ответил, что пока это секрет. Тогда я попросила его больше так не делать. Он обещал... сказал, что в мою комнату попал по ошибке, а я поняла, что он не злодей. Мы немного поговорили о том, о сем... а потом я попросила его уйти. И... как-то так получилось... в общем, мы договорились, что встретимся в саду... И стали встречаться по вторникам и пятницам. Вот и все.

— Все?! Мария, извини, пожалуйста, он соблазнил тебя или не успел?

Сестра посмотрела на него укоризненно.

— Ты уважаешь меня меньше, чем он, Джек Драммонд. Более того, сейчас ты ведешь себя просто невоспитанно. Мы только разговаривали. Очень много разговаривали. Я ни с одним мужчиной не говорила больше, чем с Рэмом Конаханом. И, может быть, именно благодаря ему я не такая беспросветная дура, какой вы, умиляясь, хотели бы меня видеть. И потом... неужели ты полагаешь, что меня так просто соблазнить?

Джек страдальчески вздохнул.

— Для Рэма Конахана — пара пустяков.

— Не говори глупостей. Он очень хороший и очень несчастный человек.

— Несчастный — пожалуй, а вот насчет хорошего... У тебя все хорошие, Мария. Я как-то не замечал, чтобы несчастные люди были хорошими.

— Рэм — замечательный. Он порядочный.

— Неужели?

Джек понял, что спорить с Марией, когда она свято убеждена в своей правоте, невозможно. Сам-то он застал только финал этих романтических свиданий, когда горничная случайно обнаружила, что в глухой ночной час Марии нет в ее комнате. Девушка подняла на ноги весь дом, и менее чем через пять минут Марию обнаружили в саду. Кавалер ее, как показалось тогда, немислимым, но теперь, в свете последних открытий, вполне объяснимым образом скрылся. Плачущая девушка умоляла не преследовать беглеца. Несмотря на ее мольбы, мужчины клана с оружием в руках обыскали каждую пядь садовой земли и, не найдя даже сле-

да ночного гостя, приступили к допросу. Джек прекрасно помнил, как их и его негодование сменилось ужасом, когда Мария назвала имя — Рэм Конахан.

— А когда он представился?

— На второй или третий раз. Мне показалось, он сделал это неохотно.

— Ну разумеется. Я вообще удивлен, что он отважился назвать себя.

— А я даже обрадовалась, когда он назвался. Ты же много о нем рассказывал, так что он был уже почти моим знакомым. Ни одно твое письмо домой из корпуса не обходилось без его имени и без описаний ваших проделок.

— Прodelок! — фыркнул Джек. — Мария, мы три раза стрелялись, пять раз дрались на шпагах, один раз на ножах, и раз тридцать — на кулаках. Боже, эти его кулачищи! Нас даже на гауптвахту сажали в разные камеры. Брр-р-р! Первый дежурный командир, не знавший, видимо, что такое Драммонды и Конаханы, совершил эту ошибку. Решил, что мы остынем и помиримся. Слава господу, эту рыжую балясину вовремя оторвали от моего горла.

Мария засмеялась.

— Ничего смешного! — Джек поймал себя на том, что улыбается воспоминаниям о беззаботных деньках. — Мы из шкуры вон лезли, чтобы доказать, что Драммонд превосходит Конахана и, соответственно, наоборот. Мне, например, просто стыдно было бы хоть в чем-то не перебежать ему дорогу. Скольких женщин мы друг у друга отбили!

— Прелесть какая, — прокомментировала Мария. — Ручаюсь, это соперничество имело и положительные стороны. Вы ведь и в учебе стремились превзойти друг друга, да? Два лучших кадета в корпусе, два отчаяннейших сердцееда, Драммонд и Конахан! Ты не уронил семейной чести, братец?

— В отношении прекрасных дам он меня обходил, — признался Джек. — Зачет шел по количеству. От меня они почему-то ждали каких-то рыцарских чувств и длительного ухаживания. Соответственно это отнимало уйму времени. А этот лось взглянет, и она — его.

— Потому что при взгляде на тебя женщина думает: «Это джентльмен», а на него — «Это мужчина».

— Ох! — спохватился Джек. — Мария, ты уверена, что общение с Конаханом пошло на пользу твоей нравственности? Я действительно очень хорошо его знаю. И когда ты пытаешься убедить меня в чистоте его намерений... ты извинишь меня, если я скажу, что к каждой женщине нужен свой подход, и, кажется, он его нашел?

Мария, щурясь, подставила улыбающееся лицо солнцу.

— А разве любая женщина не мечтает, чтобы хороший человек нашел к ней подход? Если это все, что ты хотел сказать мне в подтверждение того, что Рэм мне не пара, то этого мало. Ты, наверное, не за-

мечал, что вы с ним в чем-то очень похожи. Только он кажется старше.

— Немудрено, — настроение Джека испортилось. — Я тебе все скажу. С некоторых пор я очень его боюсь.

— Это... со случая с Каспером?

— Каспер — это только последствия. То, что Драммонды сделали этому парню — это хуже всего, что я только могу представить. Помнишь, пару лет назад наши все носились очень счастливые и трубили о полной победе над кланом Конаханов. О том, что все влияние в Крисборо отныне принадлежит нам. Совершенно все спятили тогда.

— Это тогда, когда ты поссорился с Каспером и надолго уехал?

— Да. Мария, я не понимаю, как такое происходит. Вроде все совершенно нормальные, милые люди, со своими недостатками, конечно, но вполне приличные. И вдруг заводится один какой-то стервец, вокруг которого все объединяются, приобретая худшие его качества, и творят такое! Потом сами ужасаются: господи, говорят, как мы могли? Мария, как мы могли?!

С лица Марии сбежала улыбка. Она поняла, что Джек знает и собирается сказать ей что-то страшное.

— Говори! — велела она. — Что мы сделали?

— Самое паршивое в этом то, что такой ангел, как ты, будет терзаться виной за это грязное дело. Ты знаешь историю наших кланов?

Мария покачала головой.

— Только то, что это — история вражды. С чего и когда все началось?

— Да началось-то все лет триста назад. Исполон веку Драммонды и Конаханы угоняли друг у друга скот. Перебивали невест. Образовывали противоположные партии на выборах. Конаханы, к тому же, в отличие от нас, католики. Время от времени то Конаханы, то Драммонды отправлялись резать своих противников. Победенные долго и тихо зализывали раны и, бывало, через поколение отправлялись восстанавливать справедливость.

— Но это было давно.

Джек горько усмехнулся.

— Последний раз Каспер устроил это два года назад. Как раз перед выборами в городской совет. Шансы Конаханов были предпочтительнее наших. Я тогда решил, что у Каспера с головой не все в порядке.

— Да, я помню, вы поссорились, и ты уехал.

— Лучше бы он уехал. Тогда вместе с Драммондами на стенах Крисборо стояли бы полсотни Конаханов — таких, как Рэм, у них у всех была одна статья. И мы с Рэмом дрались бы рука об руку. И Каспер остался бы жив.

— И все погибли бы вчерашней ночью, — почти беззвучно сказала Мария.

— Драммонды вырезали Конаханов. Мария, ты знаешь, что значит — вырезать клан под корень? Это означает — всех мужчин, всех женщин, всех стариков и

всех детей. Каспер сказал, что он обезопасил клан Драммондов на вечные времена.

— А Рэм?

— Его не было в городе, как и меня. После окончания корпуса я-то вернулся домой, а Рэм заделался столичным пижонем. Насколько я знаю, Конаханы очень гордились его карьерой. И когда он вернулся в Крисборо, получил очаровательный сюрприз. Представляешь, только что быть частью могучего клана, иметь пять братьев и семь сестер, кучу кузенов и кузин различного достоинства, отца и мать, дядей и теток, племянников и племянниц. И вернуться на огромное кладбище. Мария, Рэм страшен всем, кто носит фамилию Драммонд. У него выжжена душа. Мария... он может быть крайне жесток. Крайне. После случая с Каспером я понял, что он настроен убивать.

— Ты ведь вернулся только на похороны Каспера?

— Да. Помнишь, когда он лежал в гробу, его лицо было закрыто?

— Да. Белым платком. Меня это удивило.

— Я видел его лицо. Они дрались на шпагах. И Рэм резал его на куски. Я понял, что он сорвался. Каспер был весь изрезан в лохмотья. А чтобы делать это в дуэли на шпагах, нужно особое хладнокровие. Под конец, когда наш братец был еще жив, но дело, по сути, было уже сделано, Рэм пришил его к полу его же собственной шпагой, а на эфесе оставил визитную карточку. Написал на ней: «Первый, но не последний». Мне сказали, что шпагу очень долго не могли вытащить. Вот с таким человеком ты вела при луне долгие беседы. Рэм — убийца.

Только сейчас Джек обратил внимание на последствия своего рассказа. Мария поникла, и ему показалось, что свет вокруг померк.

— Я не могу доверять Рэму Конахану, понимаешь? — сказал он мягко. — Я не знаю, что и как может его спровоцировать.

Мария подняла голову.

— Но мы же с тобой не виноваты. Ты вообще был возмущен этим планом, а я попросту ничего не знала, да если бы и знала — что от меня зависело!

— А я чувствую свою вину. Потому что я — знал. Я и подумать не мог, что клан всерьез примет планы нашего психопата-брата. Я просто уехал, когда об этом деле надо было вопить на всех перекрестках. Да и не брошусь я ему объяснять, что я тут не при чем. Это не по-мужски. Закон клана: кровь — за кровь. Всех — на всех. Я вправе ожидать от него, что для него важнее не то, какие мы с тобой, а наша фамилия.

— Но мы тоже всех потеряли. Мы же не озверели. Ты ведь не собираешься кусать каждую протянутую руку?

— Это разные вещи. Наши погибли в бою. И я еще не знаю, что будет со мной, если я увижу хоть одного кочевника. Может, я тоже потеряю человеческий облик.

— Рэм не терял человеческого облика. Он не рассказывал мне обо всем этом. Я поняла, что он пережил что-то тяжелое, но... Мне казалось, он хотел бы это если не забыть, то хоть как-то отодвинуть.

— Что бы мы ни говорили друг другу сгоряча, — задумчиво сказал Джек, — Рэм Конахан не дурак, не трус и не подлец. Он, разумеется, не мог быть уверен в том, что ты согласишься встречаться с ним, зная обо всем этом ужасе.

— О Каспере он мне рассказал. Не подробности. Просто сказал, что у него была возможность защищаться. Что это был честный поединок. И что Каспер получил по заслугам.

— Но не сообщил, что, воздавая по заслугам, получал наслаждение.

— Перестань. Я подумаю над всем этим. Уверю тебя, если бы он хотел убить меня, он мог много раз очень легко это сделать. Как и многое другое.

— Вполне могу поверить, что у Рэма рука на женщину не поднимется. Но я никогда не поверю, что он не рассматривал иного варианта: ты — самое драгоценное, самое любимое, тщательнее всего охраняемое сокровище Драммондов. Причинив зло тебе, он нанес бы нам самый болезненный удар. Клянись своей любовью к тебе, он это прекрасно понимает.

Лицо Марии было мокро от слез.

— Довольно, Джек! Я сказала, что рассмотрю все, что ты мне сказал. Я многого... быть может, главного не знала о Рэме Конахане. Но я знала другое. Вместо того, чтобы два вечера в неделю лелеять и воплощать планы мести, он сидел в саду с наивной сентиментальной дурочкой и... и о чем только с ней не говорил. Он-то не раздумывал: это, мол, можно сказать Марии, а вот это — не стоит, не ее ума дело. Скажи мне, почему Драммондам спустили это дело? Ведь наверняка все знали, кто виновен в гибели Конаханов. А убийцу Каспера ловил весь город!

— Кто бы теперь пошел против единственного оставшегося могучего клана Драммондов! С устранением Конаханов Крисборо был наш. Вся власть, понимаешь...

— Не понимаю! Что такое власть? Она ведь не может воскресить тех, кого убили под покровом ночи.

— То-то и оно. Мы никогда с ним не считаемся. И я предпочел бы не иметь за спиной такого кредитора. Пожалуйста, Мария, не люби его. Если он и вправду выполнит то, что обещал, и доставит нас в столицу, мы мило поблагодарим его, и наши дорожки, наконец, разойдутся. Крисборо больше нет, и нас ничто не объединяет.

Мария вздохнула.

— Дай нам бог, Джек, не вызвать к жизни его жажду мести. Но у меня такое ощущение, будто мы говорили о разных Рэмах Конаханах. Успокойся, я не буду устраивать истерик, колотить ногами и кричать: «Нет, он не такой». Я просто не знаю жестокого Рэма Конахана.

Вечерело. Уставшая Мария крепко спала в кустах, проголодавшийся Джек начал нервничать. Рэма все не было, и он решил, что как только стемнеет, они с Марией двинутся в дальнейший путь на запад одни. Сказать по правде, отсутствие Конахана обеспокоило его куда больше, чем он мог предположить вначале. На самом деле он очень рассчитывал на его помощь в трудном и опасном путешествии. Рэм прекрасно знал дорогу, у него были свои пункты остановок, какая-то официальная миссия и, вероятно, какие-то способы обеспечивать себе относительную легкость передвижения.

Неожиданно Мария села.

— Кто-то скачет, — прошептала она. — Послушай!

Джек прикинул ухом к земле.

— На всякий случай спрячься, — сказал он. — Это может быть и не Рэм. Я посмотрю.

Он поднялся к краю лошадки и осторожно глянул вперед, туда, откуда приближался всадник. Вскоре его силуэт вырисовался на темнеющем сером небе.

— Эй, Драммонд, не пугайся, это я!

Успокоенный Джек вскочил на ноги и помог спешившемуся Рэму свести коня вниз.

— Знакомьтесь, — сказал Рэм, и в темноте блеснула его улыбка. — Это Ройч. Я нашел Ройча, или он меня. Ждал прямо на дороге. Где уж твоим ребятам было догнать моего Ройча!

Конь положил голову на его плечо, словно благодаря за благосклонный отзыв.

— Я привез вам ужин, — продолжил Рэм, — и вот это для Марии. Будь добра, переоденься, так тебе удобнее будет путешествовать.

— Что это?

— Там брюки, сорочка, жилет, куртка, сапоги, чулки, поясной ремень. Вот шляпа. Тебе пригодятся также шпага и пара пистолетов. Ты должна выглядеть, как один из нас.

— Где ты достал все это? — поинтересовался Джек, распаковывая сверток с едой. — И одежду?

— Честно? — зубы Рэма вонзились в ломоть хлеба. — Я тоже не обедал. Было некогда. Я помародерствовал в Крисборо.

— Что? А на хвосте ты никого не притащил?

— А зачем тайсам вы, когда у них уже есть Крисборо? Вы никакой практической ценности для орды не представляете.

— Но как ты рискнул туда вернуться?

— Хм... О каком риске ты говоришь? А клоаки на что? Говорю тебе, у меня там были важные дела. Жратву и одежду для Марии я прихватил по дороге.

В темноте его лицо почти не различалось.

— А ты — загадочная личность, Конахан, — задумчиво сказал Джек.

ВОЛОСЫ МАРИИ

До Вейса было недалеко, и Рэм надеялся покрыть это расстояние за два, максимум три перехода. Разумеется, в его расчеты теперь принималась и необходимость отдыхать чаще, чем он позволил бы себе, будь он один, но никакого видимого раздражения по этому поводу он не испытывал.

Всю ночь они бодро скакали на запад. Джек заметил, что Рэм, по возможности, старается держаться открытых мест, и когда он спросил его об этом, тот объяснил, что опасается засады.

— Засады? Но тайсы остались позади днях в двух пути.

— Тайсы — да. Но в ожидании тайсов более благоразумная часть населения стремится убраться с их дороги. Разумеется, они везут с собой ценности. А поскольку гарнизонам сейчас не до наведения порядков, разная шушера караулит на больших дорогах. Особенно там, где эта большая дорога проходит через лес. Попасть к ним в лапы не менее опасно, чем к тайсам. Просто убьют, а потом будут разбираться, стоили ли мы трудов.

— А мы стоим их трудов?

— Хм...

Даже в темноте Джек уловил полный сомнения взгляд Конахана.

— Я сказал бы, что тайсам моя голова доставила бы радости больше, нежели родным отечественным разбойникам мой кошелек.

— Послушай, чем ты все-таки занимаешься?

— Драммонд, я отлично вижу, что ты мне не доверяешь. С чего ты взял, что я должен доверять тебе больше? Может быть, теперь, когда я рассказал тебе диспозицию, ты вспомнишь, что хороший Конахан — мертвый Конахан? В принципе, теперь, при удачном стечении обстоятельств, ты мог бы добраться до Рамовэлли и сам, и быстрее, чем в моей компании, не цепляясь за каждый встречный город, где я обязан бывать дважды: один раз — до и второй — после тайсов.

— Верно ли я тебя понял?

— Если думаешь, что я навожу тайсов, то — неверно. Не бойся. Если они меня поймают, они так развлекутся... Короче, живым мне попадаться нельзя. Речь тут пойдет не только о моей шкуре, что, в общем-то, мое личное дело, но и о моих знаниях. Так что, Драммонд, я чертовски опасная компания.

Увлеченные разговором, они придержали коней и вздрогнули от неожиданности, когда ехавшая впереди Мария, сделав то же самое, присоединилась к их беседе.

— Ты хочешь оставить нас, Рэм?

— Нет, но я не хочу, чтобы вы в отношении меня имели какие-то сомнения. В случайных дорожных нео-

жиданностях я могу вам здорово помочь, но если на меня будет вестись планомерная загонная охота, то каждый, кто находится возле меня, подвергнется смертельной опасности. Решай сам, Драммонд.

Джек задумался.

— Как хочешь, — сказал он решительно. — Я никак не могу вообразить ситуацию, в которой ты, рыжая стоеросовая дубина, имел бы настолько важное значение, чтобы тайсам стоило вести на тебя особую охоту. Кому, кроме Драммондов, нужна твоя паршивая шкура?

Рэм расхохотался.

— И тебе того же, и тебя так же. Чтобы не остаться в долгу, обязан сказать, что ценю тебя столь же высоко.

— Джек! — снова вмешалась Мария. — Вернитесь чуть назад. Туда, где вы говорили об опасности. Могу я попросить, чтобы в таком случае, вероятно, в пылу большой драки, вы не забыли об одной вещи?

— О чем ты?

— Рэм сказал, что ему лучше не попадаться живым. Я думаю, ты понимаешь, что то же касается и меня. Пообещай не забыть об этом.

Джек натянул поводья, от неожиданности его лошадь осела на задние ноги. Подобные вопросы он не способен был обсуждать на скаку.

— Мария... я надеюсь, до этого не дойдет, — растерянно сказал он.

— Ты должен пообещать, что сделаешь это, и избавить меня от страха. Потом, после... они все равно меня убьют.

— Если позволишь, Мария... я могу пообещать, что сделаю это.

— Правда? Я буду очень благодарна тебе, Рэм.

Больше она ничего не сказала, а только подала лошадь вперед, и молодые люди последовали за стуком ее копыт.

— Знаешь, — сказал Джек, — иногда ты все-таки вызываешь у меня... сомнения. Ты человек или волк?

— Хочешь сказать, ты сам должен был пообещать ей это, да пороку не хватило?

— Я хочу сказать, что боюсь за нее. И больше всего в этом отношении я боюсь тебя, потому что... Похоже, ты втерся к ней в доверие. Мария — чистая и нежная девушка, а ты... Я пытаюсь себе представить, что с тобой происходит, когда ты видишь карие глаза, нос горбинкой и каштановую шевелюру Драммондов. Я, понимаешь ли, видел труп Каспера.

Рэм помолчал. Круглая полная луна катилась к западу. Близился рассвет.

— Ну, давай разберемся, — сказал он глуховато. — Каспер получил то, что ему причиталось. Разумеется, я думал о мести в масштабах «всех — на всех». Я хотел этой мести. Я мог бы свихнуться, если бы не пролил кровь Драммондов, и ты способен это понять, не так ли? Мои любимые катакомбы дали мне власть

над Драммонд-Холлом. Я мог свободно бродить по вашему дому, убивая всех, кого мне хотелось, и исчезая, как призрак, абсолютно безнаказанный. Ты даже представить себе не можешь, какое это забавное чувство — ходить по дому, полному спокойно спящих врагов. На эту всю вашу крепость хватило бы одной бутылки масла и пары ударов кремнем.

Джек стиснул зубы. Это и вправду был кошмар — озверевший Конахан в самом сердце цитадели Драммондов.

— И почему же ты выбрал спальню Марии?

— Да я ошибся! Этот ваш склеп пронизан ходами, как сыр — дырками. Попробуй сосчитаю, шестнадцатый или восемнадцатый там поворот налево! Когда она проснулась, я подумал — визгу будет! А она вместо этого очень мило попросила не причинять ей зла. Ей! Да у меня сроду рука не поднималась на женщину, ребенка и лошадь.

— Ты только в этот момент вспомнил о своем кодексе?

— Мы проясняем мое отношение к Марии? Тогда слушай. Я люблю твою сестру. Я рад, что в ее глазах не запятнал себя никакой гнусностью. Ее мнение для меня много значит. И защищать ее я буду ничуть не менее рьяно, чем ты.

— Надеюсь, Конахан. А я постараюсь защитить ее от тебя. Никогда Драммонды не отдавали своих женщин Конаханам, никогда Конаханы не имели на их счет серьезных намерений. Она - не для тебя. Не верить тебе — мое право, а поскольку я теперь ее единственный родственник, то и решать буду я. Возможно, это семейная ошибка... ее вырастили так, что в реальной, грубой жизни ей будет, мягко говоря, не по себе. Ее окружает вымышленный мир. Ей еще предстоит быть потрясенной тем, что люди поступают не так, как они должны были бы поступать с точки зрения благородства и рыцарства. Куда ее, такую, деть, никто толком не успел задуматься. Сейчас ей семнадцать лет, и она лучше подготовлена для монастыря, чем для замужества. Она очень верующая. А теперь посмотри на себя. Ну... куда ты лезешь, Конахан? С твоим-то послужным списком в амурных делах...

— Ты уже рассказал ей, какой я не заслуживающий доверия мерзавец?

— Рассказал, будь спокоен.

— Может, — неожиданно сказал Рэм, — ты и прав. Разберемся.

И он, закончив разговор, резко послал Ройча вперед.

Солнце поднялось на хмурое неяркое небо, осветив пустошь, по которой двигались три всадника. Несмотря на то, что они скакали всю ночь, тайские низенькие лошади бежали ровным, не очень скорым, но неутомимым степным аллюром. На могучем Ройче, бывшем, по крайней мере, на полфута выше их, ночной путь тоже не оставил отпечатка. Тем не менее Рэм

принялся высматривать подходящее место для привала.

Ему приглянулась узкая скальная расщелина в распадке двух невысоких холмов. Там, правда, не было воды, но вид сверху на пустошь открывался отличный. Поскольку фляги они предусмотрительно наполнили на предыдущей стоянке, проблема жажды их не волновала.

Рэм повернулся было, чтобы помочь Марии спуститься с лошади, но Джек постарался опередить его и через плечо сестры послал Конахану ослепительную улыбку. Приняв, как должное, что бдительный братец установил вокруг девушки охрану, Рэм отправился устраивать лошадей.

— Вейс недалеко, — сказал он, вернувшись. — Тепло — может, не разжигать костер? Завтра утром будем уже там, а пока обойдемся без горячей пищи.

Мария устало кивнула. Она сидела, привалившись спиной к валуны и вытянув ноги. Заметив, что Рэм внимательно на нее смотрит, она попыталась ему улыбнуться. Улыбка вышла утомленной, и Джек разозлился — чего еще ему надо, видит же, что она совершенно измучена. Игнорируя его, Рэм присел возле Марии на корточки.

— Можно посмотреть при свете? Одежда подошла?

— Как будто сшита на заказ. Спасибо, Рэм. Как удало так точно определить размер?

— Это опыт, — медовым голосом произнес Джек, вырастая над плечом Рэма. — Этим и вправду стоит гордиться, Конахан. Представляю: Крисборо пылает, пороховые склады взлетают на воздух, а наш герой копается в гардеробе.

— Так все и было, — признал Рэм. — Но мужская одежда — это пустяки. Вот если бы я забрался в дамскую лавку... Там столько интересного, я бы, наверное, и к утру не вернулся.

От их дружного хохота с вереска со страшным шумом снялась стая ворон.

Мария, переводя взгляд с одного на другого, тоже повеселела.

— Господа, — сказала она, — мне кажется, вы не одни. Вы все-таки находитесь в дамском обществе.

— Ты так одета, что немудрено об этом забыть, — резонно заметил Джек. — Согласись, что так путешествовать удобнее.

Рэм еще раз оценивающе посмотрел на Марию. От ночной скачки ее лицо раздурманилось, и хотя видно было, что она здорово устала, выглядела она прелестно. Масса темно-каштановых волос рассыпалась по замшелому валуны, к которому она прислонила голову, светящиеся золотом на изгибах локоны украсили коричневую замшу ее куртки, разбежались по богатому кружевному воротнику белоснежной сорочки, трогательно выглядывавшему на свет божий. Рэм позаботился подобрать ей красивые вещи.

— Во всяком случае, — сказал Конахан, — за мужчи-
ну тебя не примешь. В любой одежде ты будешь
привлекать внимание.

Мария задумалась.

— Я могла бы подобрать волосы... закутаться в
плащ. Хотя... конечно, и шляпа может упасть в самый
неподходящий момент...

— И закутанная фигура сама по себе привлекает
все взоры.

Мария кивнула.

— Я понимаю. Безопасность требует жертв.

Она решительно провела ладонями по волосам,
собирая их в пучок.

— Ну, Джек. Дай нож, пожалуйста.

— Ну нет, ни за что на свете! — возмутился Джек. —
Дурацкая, никому не нужная выдумка. Вы сегодня будто
с ума посходили оба. Прекратите сию же минуту.
Конахан, не смей!

— Мы не можем рисковать из-за меня, Джек. Это
неумно.

В голосе Джека послышалась боль.

— Оставьте хотя бы до плеч!

— Длинные волосы не носят уже лет десять, — за-
метил Рэм.

— Это оскорбление? — осведомился Джек, чьи во-
лосы были перехвачены на затылке черной шелковой
лентой.

— Нет, всего лишь констатация факта. — Кудри Рэма
были коротко острижены. — Но я согласен. Вместе вы
будете выглядеть парочкой провинциальных братцев.

Он снова присел рядом с Марией.

— Не переживай, — сказал он мягко. — Ты лучше
своих волос. Не зубы — отрастут.

Ее губы дрогнули, но вместо того, чтобы всхлип-
нуть, она отозвалась:

— Давно мечтала изменить прическу. Делай свое
дело.

Джек зажмурился и отвернулся, когда Рэм взялся
за локоны Марии. Несколько мгновений слышался
скрип ножа, потом голос Конахана произнес:

— Ну, познакомимся, Мики Драммонд? Держи свою
косу. Можешь спрятать ее в седельную сумку, пока не
вырастет новая.

Мария взяла косу из его рук.

— И позволить случайности вмешаться в ваши пла-
ны? Нет, я оставляю ее здесь.

Она полюбовалась, как играет солнце на изгибах
пышных волос, как вспыхивают золотистые искорки в
их золотистой массе.

— Ты будешь прелестна, даже если тебя обрить на-
голо, — утешил ее Рэм.

Она вскинула голову и посмотрела на него и брата
задорным взглядом.

— Ну, и куда мне двигаться дальше в этом
направлении? Давайте, я быстро усвою ваши дурные
привычки. Сидеть, расставив колени и растопырив лок-

ти, дерзко газеть по сторонам, громогласно
выражаться, задирать прохожих и не снимать руку с
эфеса этой металлической штуковины, с которой я
абсолютно не умею обращаться?

Джек толкнул Рэма локтем:

— Довольно точное описание, а?

— Ты будешь незаметнее, если продолжишь вести
себя естественно, — посоветовал Рэм. — Но тебе надо
поучиться самой садиться верхом и соскакивать с
лошади. Галантность с нашей стороны теперь, мягко
говоря, будет удивительна.

— Тогда не смейте подходить к моей лошади, —
решила Мария. — Я потренируюсь.

— Лучше поспите, — посоветовал Рэм. — Я
покараулю. Драммонд, сменишь меня в полдень. С на-
ступлением темноты поскачем, а утром будем в Вейсе.

— Мы еще посчитаемся, — вполголоса заметил
Джек, когда Мария задремала, — за то, что ты
изуродовал мою сестру.

Он быстро заснул, а Рэм, положив на колени пару
пистолетов, замер, обернувшись лицом на восток.
Только шевелившиеся от легкого ветра волосы отли-
чали его от камня.

Глава IV

ПЛАМЯ ВЕЙСА

Утром, как и обещал Рэм, они были в Вейсе. На-
ученные горьким опытом Крисборо, жители спешно
покидали город, стремясь, пока есть время, убраться
с пути орды. Большинство гостиниц и постоялых
дворов были уже закрыты — их содержатели по роду
службы являются, практически, самыми осведомлен-
ными в городе людьми. Вот они и сбежали первыми.
Поэтому Рэм, не мудрствуя лукаво, прихватил обоих
Драммондов с собой в казармы Вейса, куда первым
делом лежал его путь.

В отличие от бело-известнякового Крисборо, Вейс
был построен на пару веков позже, из красного
кирпича. Его готическая архитектура выглядела не-
сколько мрачно.

Джек был в Вейсе впервые. Он с интересом ог-
лядел каменный военный двор, плац, окруженный
трехэтажными постройками с узкими окнами-бойни-
цами. В казармах — этой естественной крепости в
крепости — можно было долго отражать даже
многократно превосходящего по численности
противника. Видя, как поспешно эвакуируется город,
Джек с горечью подумал, что непомерная гордыня
Драммондов стала причиной неоправданных жертв.
Старейшины не сообщили об отходе гарнизона даже
ему, не последнему из клана, и своим примером вну-
шили мирному населению неоправданное доверие.

Горожане Вейса, очевидно, готовы были поступить не столь доблестно, но куда более разумно.

Молоденький кадет принял их лошадей. Рэм сказал ему пару слов о Ройче. Тут их окликнули, и все трое обернулись на голос.

— Кто из вас Конахан?

Рэм торопливо подошел к высокому офицеру. По знакам отличия Джек понял, что встречать их вышел сам командир гарнизона.

— Так мы остаемся или все-таки уходим?

— Уходите. Решено не расплывать силы на мелкое сопротивление. Сбор назначен в долине Рамо, там и состоится главное сражение. Гарнизон Крисборо уже на пути туда. Вижу, — добавил Рэм, — население эвакуируется.

— Да, я настоятельно рекомендовал муниципалитету сделать это.

— Вы сможете вывезти арсенал?

— Не весь. Придется оставить большие запасы пороха и пушки. Кое-что мы, разумеется, прихватим, но не сверх наших сил.

— Ладно, я позабочусь об остальном.

Командир взглянул на него с нескрываемым острым любопытством.

— Вам нужна помощь? Я мог бы оставить нескольких людей...

Рэм Конахан сделал отрицательный жест.

— Ни в коем случае. Я справлюсь один. На Рамо-Вэлли вам понадобится каждый человек.

Офицер оглянулся на его спутников.

— Эти люди помогут вам? Но один из них — совсем ребенок.

— Это только попутчики. Возможно, они захотят добраться до Рамо-Вэлли вместе с вашим гарнизоном. Собственно, так для них гораздо безопаснее.

— Я предложу. И все же... Конахан, почему штабист выполняет задание, на какие идут только боевики? Не слишком ли расточителен герцог?

Рэм хмыкнул.

— Плох тот штабист, кто в случае необходимости не может быть боевиком. Я одиночка, полковник. Только и всего.

— Я знаю, — серьезно сказал полковник. — Я слышал вашу историю и приношу вам свое сочувствие.

— Благодарю. Полковник, для беспокойства оснований нет: я знаю, что и как должен делать. В Крисборо все прошло отлично.

— Крисборо вы прекрасно знали, Конахан. Я приготовил для вас схемы, где указаны все узловые точки. Все подготовлено — арсенал, продуктовые склады, здания городского управления. Говорите, что вам нужно, вы все получите.

— Отдых и горячий обед для меня и моих спутников. Прошу обратить внимание на моего коня — он нужен мне в наилучшей форме. Возможно, от Ройча будет зависеть больше, чем от меня.

(12)

Они вернулись к Джеку и Марии.

— Полковник предлагает вам ехать с гарнизоном, — сказал Рэм. — Подумай, Драммонд.

При звуке этого имени полковник вздрогнул и удивленно покосился на Конахана, но у того не было ни желания, ни времени объяснять, почему Джек до сих пор не валяется в ближайшей канаве с перерезанным горлом. Джек уже открыл было рот, чтобы согласиться, как вдруг в разговор вмешался подросток:

— А ты останешься до прихода орды? Нет, мне кажется, мы должны уехать вместе, даже если это влечет за собой некоторый риск.

— Благородные слова, юноша, — одобрил полковник, — но риск будет вовсе не некоторый.

— Я обязан Рэму Конахану жизнью и... много чем еще... Если я оставлю его в опасности, меня до конца жизни будет мучить совесть.

Рэм ехидно глянул на Джека, будто говоря — что же ты не применишь сейчас семейную власть? Однако Джек среагировал неожиданным образом.

— Мики прав, Конахан. Бессмысленного риска мы не ищем, но если есть где-нибудь за городом укромное местечко, где мы могли бы тебя подождать — мы это сделаем.

Рэм усмехнулся, его глаза потеплели.

— Ей-богу, мне даже хочется, чтобы вы меня дождались.

— Адьютант отведет вас в столовую, господа, — сказал полковник, — Конахан, пойдемте, я передам вам подробные карты.

Подкрепляясь в столовой, Джек был задумчив.

— Похоже, я догадался, что затевает Конахан, — сказал он Марии. — И если моя догадка верна, он здорово рискует.

— И что же это?

— Может быть, я ошибаюсь. Тебе лучше пока не знать, ты будешь волноваться.

— Будто теперь я не волнуюсь!

— Потом, потом. Может, я боюсь его взглянуть.

Грохоча шпорами, в столовую ворвался Рэм.

— Вы мне поесть чего-нибудь оставили? Вот... — он бросил на стол пачку карт. — Смотри, Драммонд, будете ждать меня здесь. Видишь, тут крестик. Полковник сказал, здесь в кустах — укромная пещерка, бывший дозорный пост. Поедете туда и будете ждать ночи штурма. Там начнется большой фейерверк. Подождете до следующего вечера, а дальше — не стоит. Если не появлюсь — дорога вам известна, мчитесь со всех ног на запад. Вопросы есть?

— Один. Рэм, это очень опасно?

Невозможно было бы представить себе более беззаботную физиономию, чем изобразил Рэм.

— Дело не для маленьких девочек... и не для маленьких мальчиков, если уж на то пошло.

Он уже поднимался, когда Джек поймал его за рукав.

— Тебе и в самом деле не нужна моя помощь?
— Нужна, — серьезно отозвался Рэм. — Вот в этом деле, — и он указал на Марию. — Если она доедет до Койры, я буду тебе безумно благодарен.

Пещера была именно там, где указывала карта. Вход в нее заботливо прикрывался кустарником, и Джек прикинул, что если бы не карта, он никогда не нашел бы ее. Места там было достаточно для поста из пяти человек, а в широкое устье вполне мог войти и Ройч. В глубине таился сложенный из камней примитивный очаг. Тут же хранился запас сухого топлива.

— Можем разжечь костер, — констатировал Джек. — Дыма почти не будет. Хочешь?

Мария покачала головой.

— Обождем. Если Рэм вернется раненный, нам понадобится огонь. Я лучше немного посплю.

— Тогда я покараулю, — Джек устроился у входа в пещеру.

Весь день до вечера мимо них шли войска попеременно с телегами мирных жителей, покидавших Вейс. То же продолжалось всю последующую ночь и до полудня следующего дня. Затем поток беженцев иссяк, и наступило затишье. А потом до их тайного убежища докатился уже знакомый Джеку по Крисборо гул — к стенкам Вейса, как огромная цунами, прихлынула орда.

Джек обернулся к Марии.

— Теперь будем ждать. Если через сутки он не явится — дай бог ему легкой смерти.

Стемнело. Несколько раз до их слуха доносились нестройные вопли тайсов.

— Грабят, — сказал Джек. Оба были очень напряжены, а потому больше молчали. Мария нервно постукивала пальцами по стене.

— Либо он чего-то ждет... Либо у него ничего не вышло.

Он не успел договорить, как над Вейсом вдруг встал огненный столб. Слабо, но ощутимо вздрогнула под их ногами земля, с уходивших вверх сводчатых стен пещеры сошел легкий оползень из мелких камешков. И тут же слух их резанул иноязычный вопль ужаса и злобы, потонувший в грохоте следующего взрыва. Джек, схватив Марию за руку, вытащил ее из пещеры, боясь, что свод может обвалиться. А взрывы следовали один за другим, взметая к небесам тонны грунта, превращая булыжник в песок и щебень, а Вейс — в пылающий ад. Мария, всхлипнув, уткнулась носом в плечо брата, а Джек Драммонд глядел туда в упоении ужаса и восторга.

— Вот ведь паршивый сукин сын! — воскликнул он восхищенно. — Что творит!

— Что он делает, Джек?

— Видишь ли, малышка, захватывая город, даже самая варварская армия понимает, что в первую очередь

ей надо овладеть арсеналом, продуктовыми и фуражными складами. На продолжительном переходе это совершенно необходимо: без фуража армия кочевников может просто рассыпаться. Рэм взрывает все это добро.

— Господи, господи... — шептала Мария. — Господи, убереги его.

У продуктовых складов Вейса шла суета — под радостные возгласы захватчики грузили на фуры мешки с мукой, бочки с маслом, копченые и вяленые туши скота. Снизу, из винных погребов, доносились веселые крики. Склады были полны мельтешащими низенькими людьми. Их было много, как тараканов на неопрятной кухне. Могучим первым взрывом, вдребезги разнесшим арсенал и тех, кто там уже хозяйничал, их швырнуло на землю, но они еще ничего не поняли. Над городом взметнулось зарево, все побежали, ища кого-нибудь, кто мог бы отдать приказ. Из-за поворота, высекая из булыжной мостовой множество искр, вылетел вороной конь, показавшийся в отсветах пожара гигантским. Его всадник был воплощенным пламенем. Его волосы в огненных бликах напоминали расплавленное золото, в правой руке он сжимал факел. Краешек его плаща пылал. Неуловимым движением он подпалил бодро затрещавший в сухом воздухе фитиль, торчащий из практически незаметного в щелястой кладке отверстия, стоптал тех, кто не успел убраться с его дороги, и исчез за поворотом. Исполинский взрыв, казалось, приподнял здание склада и с размаху швырнул его наземь, погребая под обломками толпы маленьких степняков. Поджигатель хохотал, несясь дальше по своему причудливо запутанному маршруту от одного фитиля до другого и отмечая свой путь встающими до самого неба огненными колоннами. Определенно, в эту ночь небесам было жарко. Вейс превратился для бестолково мечущихся захватчиков в огненную западню. По улицам хлынули масло и спирт, растекаясь по городу смертоносными пламенными реками. Рассыпая снопы искр, рушились горящие дома.

Вылетев сломя голову за ворота, Рэм Конохан оборвал пылающий рукав, стряхнул со своих волос и с гривы Ройча искры, бросил на город, на жуткое, грозное дело рук своих отчаянно веселый взгляд и промчался мимо стойбища орды, молясь без слов лишь о том, чтобы ни одна пущенная вслед стрела не задела благородного Ройча. Через час бешеной скачки он спрыгнул наземь и, затаив дыхание, прислушался. Ничего, кроме нетерпеливо переступающего с ноги на ногу коня да бешеного биения собственной крови в висках. Погони не было. Он сел и засмеялся. Потом замолчал. Нервное возбуждение начало оставлять его, он почувствовал первые признаки реакции

— мелкую дрожь в плечах и ногах. Появилась сильная боль от незамеченных прежде ожогов.

— Ну, Ройч, чертяка, опять вытащил, — сказал он, потрепав за холку жеребца. — Поехали-ка теперь потихоньку. Поищем водички, ты попьешь, а я умоюсь. Нас, глядишь, заждались, а?

Ройч пошевелил ушами, согласно покивал, подошел к хозяину и подставил ему левый бок.

— Знаешь, старый мерин, — сказал ему Рэм, — сдается мне, ты дешево мне обошелся.

— Эй вы там, в пещере!

Джек и Мария выскочили на этот искрящийся сме-
хом голос. Уже рассветало. Спотыкающийся на каж-
дом шагу Рэм поднимался в гору, волоча за собой за
поводья едва передвигающего ноги Ройча.

— Боже! — воскликнула Мария, но голос
перехватило, и с губ сорвался только чуть слышный
шепот.

Рэм ввалился в пещеру.

— Вода есть?

Джек сунул ему фляжку.

— Ф-фу! — Рэм откинулся спиной на стену. — А
покрепче ты ничего не заначил? Ей-богу, я заслужил.

Джек развел руками.

— Рэм, ты как из печки, — вздохнула девушка.

— Честное слово, я умывался.

— У тебя волосы опалены, Конахан, и рукав сгорел.
— Ой! Не трогайте, больно...

— Джек, разжигай огонь, — распорядилась Мария.

— Нет, только не огонь... Мне сегодня уже было
жарко.

— Ты хорошо сделал свое дело, Рэм. Сейчас я
собираюсь хорошо сделать свое. Сиди, пожалуйста, и
не дергайся.

— А поесть мне дадут?

— Дадут, уймись.

— Мария, утоли мое любопытство... Откуда у тебя
перевязочный материал?

Мария ловко бинтовала его обожженое плечо.

— На всякий случай я сохранила нижнюю юбку.
Мало ли... Вот и пригодилась.

Рэм изловчился, поймал ее руку и поцеловал.

— Мария, ты прекрасна, как звезда, добра, как ангел,
и умна, как... Ну, в общем, как никто в вашей семье.
Единственное, что никак тебе не подходит — это фа-
милia. Ну да это дело поправимое.

— Отойди от него, Мария, — попросил Джек. — Он,
похоже, пьян.

Через две минуты Рэм уже крепко и беспробудно
спал. Ройч в отведенном ему закутке обнюхивал тай-
ских лошадок.

(14)

В разбитой на скорую руку юрте невысокий пол-
ный человек принимал доклады начальников своих
интендантских отрядов. Пятнадцать лет назад, когда
он еще не был ханом, жизнь его была интереснее,
живот — меньше, а женщины гарема — более пылки.
Зато теперь у него была власть. Он считал себя
культурным человеком. Он умел сдерживать приступы
гнева, во время которых его советники, помнившие еще
его отца, сжимались от страха; он понимал, что быстро
останется ни с кем, если будет казнить направо и
налево. Но сейчас был такой момент, что выдержка
давалась ему с большим трудом. Глаза его от бе-
шенства стали почти невидимы на полном лице.

— То же, что и в Крисборо! Опять ни крошки еды,
ни соломинки фуража, ни крупинки гремучего
порошка! Сколько людей мы потеряли?

— Не менее десяти сотен, мой хан, — прошептал
докладчик.

— Они выжигают наш путь! И безмерно плохо не
то, что они это делают — я сам поступал бы так же, а
то, что это им удастся. Все города заминированы, и
их взрывают тогда, когда мы входим в них. Одна и та
же тактика, одна и та же рука. Что мы будем есть через
неделю? Оторванные взрывом конечности наших уби-
тых? Если у них есть те, кто взрывает города, почему
у нас не найдется никого, чтобы предупредить эти
диверсии? Схватили ли вы хоть кого-нибудь?

— Люди видели высокого рыжего человека, обла-
ченного в пламя, верхом на адском жеребце. Они
говорят, схватить его невозможно.

— Что за чушь? Если он человек, его можно убить!

— Да, если он — человек, о великий хан.

— Кем же еще он может быть, служа нашим врагам?

Допрашиваемый сотник встал на колени и кос-
нулся бритой головой узорчатого ковра, на котором
восседал хан.

— Люди говорят, сам бог огня Роласан ликует на
развалинах городов.

Почти незаметным движением хан погладил свою
жидкую бородку.

— Почему наш бог помогает неверным?

— Лукав бог Роласан, о великий хан. Он коварен и
вероломен. Люди стреляли в него — стрелы
проходили насквозь, не причиняя вреда ни ему, ни
коню. Это бог, о великий хан.

— Ну что ж. Если он бог, мы не сможем повредить
ему, и больше, чем сейчас, он на нас не
разгневется. А если он все-таки человек? — Хан
обвел замерших в трепете приближенных тем взгля-
дом, который, как он знал, мог вызвать у
слабонервных разрыв сердца.

— Я хочу этого коня, — сказал он веско. —
Невредимым. И этого... бога. Живым. Если он не
бог, то дыба придумана для таких, как он. Тот, кто
приволокнет его на аркане, станет из простых — сот-

ником, из сотников — тысячником. Его женщины будут носить золото в волосах.

Движением руки он отпустил людей.

— Это не бог, — усмехнулся он им вслед. — Не думаю, чтобы наш беспечный бог руководствовался стратегическими соображениями. Нет... На этого бога работает много людей. Это большая работа — заминировать город. Это не бог... Это всего лишь храбрец. И если мы хотим идти дальше, он должен умереть. Моя армия должна есть.

Глава V

УТЕШЕНИЕ МАРИИ

— Итак, впереди Арсан, — констатировал Рэм, через шесть часов уже покачивающийся в седле. — Надо поспешить. Не найдя в Вейсе пища и фуража, они скорым маршем двинутся дальше. Каждый новый день приближает их к голоду.

— А тебе не кажется, что в Арсане тайсы будут умнее? Дважды они наступали на одни и те же грабли, но вряд ли они сделают это в третий раз. Вероятно, там они уже будут тебя ждать. Хорошо бы тебе придумать для них что-нибудь новенькое.

— Может, ты знаешь, как другим способом взорвать город?

— У тебя есть дублер?

Рэм задумался.

— Понятия не имею, — сказал он наконец. — И это разумно. Я ничего не смогу сказать под пыткой.

— Я просто подумал... Ты ведь мог погибнуть еще в Крисборо. То, что ты вышел из Вейса — уже чудо. Уверяю тебя, в Арсане тебя не ждут. И... извини, Конахан, живым тебе отсюда не выйти.

Рэм поднял на него глаза. После той веселой ночи в Вейсе под ними обнаружили темные круги.

— Это и затевалось как игра для смертника. Разве ты не понял?

— Да я-то понял. Объясни, будь человеком, это Марии.

— Да пошел ты... — огрызнулся Рэм. — Ну, посуди сам, мне поручено дело. Что, мне обойти Арсан в надежде на мифического дублера?

— Не хочешь дать мне попробовать?

— Не пори чушь! Я — подготовленный профессионал. У меня в голове вся география и архитектура этого паршивого городишки. И ты опять забыл про Марию. Куда она денется, если нас накроют обоих?

— Я просто подумал, что могу помочь тебе выбраться.

— Знаешь, — отрезал Рэм, — я предпочитаю Ройча. Он, видишь ли, обходится без самостоятельности. Брось, Драммонд. Не порть мне жизнь. Дойдем туда, а там посмотрим. Дай мне расслабиться.

— Как хочешь, — резко сказал Джек. — Мое дело предложить.

Дальше они ехали в молчании.

Конный разъезд тайсов прочесывал местность на пути орды на много миль вперед. Они уже отчаялись найти провиант в этой сухой, безжизненной, каменистой вересковой пустоши. Здесь еще можно было выпастить неприхотливый скот, но для целого народа, снявшего с предыдущей длительной стоянки и ищущего новых благодатных мест обитания, даже малейшая задержка в этих проклятых местах означала голод и гибель. Поэтому тайсы рвались как можно быстрее преодолеть этот кусок своего пути и оказаться в плодородных западных землях.

Они поднялись на гребень невысоко вспучившейся гряды холмов, в надежде, что вид оттуда будет хоть немного разнообразнее. Глаза их бесцельно шарили по горизонту. На запад лежала все та же коричневая равнина.

— Симрак-бей! — воскликнул вдруг один из кочевников. — Смотрите!

Начальник разъезда обернулся в направлении, куда указывал его глазастый подчиненный.

— Там! Вон там, на равнине, три всадника. Они скачут на запад.

Сощурившись, Симрак-бей углядел указанных ему путников. Провожая их взглядом, он думал, стоит ли ему гнаться за ними, или же предоставить их собственной судьбе. Но выглянувшее на несколько секунд из просвета в облаках солнце оказало Рэму Конахану дурную услугу.

— У одного из них светлые волосы!

— Та-ак... — Симрак-бей в одно мгновение превратился в хищника. Ему тоже хотелось стать тысячником. — Если это та самая голова, что так дорого оценена нашим ханом...

— Я не могу рассмотреть человека, бей, но коня его по скоку я распознаю, как птицу по полету. Это тот самый конь, бей!

Бей гикнул и ударил пятками своего коня. Тайсы рванулись в погоню.

— Или я ошибаюсь, — заметила Мария, оглядываясь, — или нас кто-то догоняет.

Одного встревоженного взгляда, что бросили назад разом обернувшиеся молодые люди, хватило им, чтобы разобраться в обстановке.

— Ходу! — рявкнул Рэм. — Это тайсы!

Их кони распластались в беге.

— Ты надеешься верхами уйти от конного разезда кочевников? — на бешеном скаку поинтересовался Джек. — Они, считай, рождаются в седле.

— Сколько их там?

— Не меньше дюжины.

— А ч-черт! Даже если мы разделимся, они сделают то же самое. Если бы я был уверен, что смогу всех увести за собой...

— Сомневаюсь! — крикнул Джек, перекрывая грохот копыт. — Раз уж они начали потеху, то не остановятся, пока не переловят нас всех.

— Надеюсь, ты помнишь свое обещание, Рэм?

Конахан поймал поводья лошади Марии и намотал их на кулак.

— Будь спокойна!

— Вы! — задыхаясь от бешеной скачки, крикнула девушка, — Драммонд и Конахан! В любой компании первые драчуны, хвастуны и забияки! Вы что, уже решили, что вас догонят какие-то грязные тайсы? Это мне было бы простительно так упасть духом!

— Нам очень стыдно! — откликнулся Джек. — Эй, Конахан, кто из нас крепче в седле?

— Айда наперегонки! Ройч, ходи! Ходи! В нагайк! Драммонд! Мария, пригнись к гриве, так лошади легче...

В течение следующего часа никто из них не произнес ни слова. Потом Рэм сказал:

— Они берут нас в дугу. За лошадей я спокоен, ваши тайские способны нестись так сутками, да и Ройч не лыком шит...

Джек понял, что имеет в виду Рэм. Неизвестно было, сколько сможет продержаться Мария.

— Джек, что если подпустить их на пистолетный выстрел? У нас шесть стволов на троих. Сколько-нибудь мы вырубим?

— Стрелами засыпят.

Рэм оглянулся.

— Давайте вперед. Мария, твои пистолеты!

— Держи.

— Я сказал — скачите. Я догоню.

Он развернулся лицом к налетающей лаве, прильнул к шее Ройча, опустил расслабленную руку с пистолетом и стал ждать. Ему казалось, что секунды тикают в его висках. Уже различались бородастые узкоглазые лица под низко надвинутыми меховыми шапками. Он медленно сосчитал до трех, пытаясь заставить свое сердце биться в желаемом ритме, вскинул пистолет на уровень глаз, всю душу вывел на мушку и ласково нажал спуск. Грохнул выстрел. Кочевник вылетел из седла и уткнулся лицом в землю. Рэм выхватил второй пистолет. Сейчас все решала только скорость. Выстрел. Еще одна лошадь неслась теперь в строю тайсов с пустым седлом. Рэм произвольно засмеялся. Его пистолеты были теперь бесполезны, но ведь Мария отдала ему свои. Он выбрал себе третью мишень, краем глаза заметив, что попал уже в задуманную тайсами дугу. Еще один конь освободил-

ся от своей ноши. Но тот, что заходил справа, потянул уже с плеча свой короткий лук. Четвертый выстрел совпал со звоном тетивы. Стрела вонзилась под ноги вздыбившегося в испуге Ройча. Рэм справился с конем и, теперь уже не оглядываясь, помчался туда, куда отжимала его тайская дуга. Когда же он увидел, какую ловушку они ему выбрали, то чуть было не бросился обратно, прямо на их конный строй. Впереди пустынный каменистый берег полого спускался к реке. Шириной почти в четверть мили, она несла свои мощные свинцовые воды, холодные даже на взгляд, и, очевидно, была устрашающе глубока. Лошадь Марии, по самые бабки в воде, уже плясала на прибрежной отмели. Спешившийся Джек с пистолетами в обеих руках тоже стоял по колено в воде.

— Давай сюда!

Рэм подчинился, тем более, что иного ему не оставалось. Джек вскинул руку, Рэму показалось, что пуля свистнула где-то возле его уха, и за его спиной раздался короткий вскрик. На полном скаку он влетел в реку.

— Что ты задумал?

— У нас есть шансы только на том берегу. Там кустарник. Вперед?

— Ты спятил? — спросил Рэм. — Я плаваю, как якорь.

— Тогда держись за Ройча.

— Я никогда у него не спрашивал, умеет ли плавать он.

Подняв тучу брызг, они обрушились в реку. О боже, какая она была холодная! Могучее течение подхватило их, понесло, завертело. Мария обвила шею лошади руками и почти легла на нее. Рэм соскользнул с седла, всеми силами пытаясь облегчить Ройчу работу и, между делом, удержать над водой свою голову. Пальцы его вцепились в лук седла. Нельзя сказать, чтобы Ройч был доволен хозяином, испытывавшим его лошадиную преданность огнем и водой. Джек, плававший в этой компании лучше всех, присматривал, насколько позволяли обстоятельства, за обоими своими спутниками. Медленно, куда медленнее, чем им бы хотелось, приближался противоположный берег.

Первой на берег выбралась лошадь Марии, несшая на своей спине самый легкий груз. Затем из сизых волн возникла лошадь Джека, без седока. Затем вышел глубоко потрясенный Ройч, на котором тоже никого не было. Затем Джек выволок на берег Рэма. Со стоном тот рухнул на песок.

— Лупить тебя по физиономии, чтобы привести в чувство, было бы, пожалуй, опасно, — задумчиво сказал Джек. — Эй, Конахан! Тайсы переправляются следом за нами!

— Где?! — сил Рэма хватило только на то, чтобы оторвать голову от земли. — О-о-о! Будь проклято все, что течет и плавает...

— Кроме доброго крисборского виски!

— Кроме доброго крисборского виски, — согласился Рэм. — Я еще жив, или как?

— Кому суждено быть повешенным, — веско сообщил ему Джек, — тот не утонет. Да поднимайся же! Через десять минут они будут здесь. Степные лошади привычны к подобным переправам. Пошли-пошли, вон там кустарник погуще. У тебя порох хорошо завинчен?

— Что?

Джек сорвал с его пояса наглухо закрытую пороховницу.

— Даже если сверху немного подмок, в остальном он в порядке. Мария, у тебя есть порох?

— Это такая банка с крышкой? Лови.

Джек торопливо свинтил крышки со всех трех банок.

— Мария, быстро нарви сухой травы. Рэм, где они?

— Знаешь, — задумчиво сказал Рэм, — минут через пять они будут на том пляжике, куда нас вынесло.

— Сколько их?

Рэм обшарил взглядом речную гладь.

— Восемь... А, нет, это лошадь. Семеро.

Из сухой травы Джек скрутил три жгута, опустил их в банки и завязал сверху, чтобы ни крупинки не просыпалось. Потом он взял сумку и поставил туда все три самодельные гранаты.

— Нельзя ли заставить Ройча уйти, Рэм? Он очень заметен.

Рэм кивнул, встал, повернул Ройча головой от себя и толкнул в этом направлении.

— Давай иди. Попасись. Вернешься через полчаса.

— Пятнадцати минут хватит, — совершенно серьезно поправил Джек, упаковывавший свою мину.

— Эй, Ройч, поправочка. Через четверть часа. Как ты собираешься преподнести им этот подарочек?

— Секрет семейной фирмы. Снимаю пояс.

Джек скрепил пряжками свой пояс и пояс Рэма, зажав в руке оба свободных конца, и в образовавшуюся петлю поместил сумку с зарядами.

— Праца, — догадался Рэм.

— Точно, — Джек привстал. — Как ты правильно заметил, рукой я не добросил бы. Выбираются, голубчики. Смотри, как они удачно сгрудились, разглядывая наши следы. А ну-ка, поджигай, Конахан.

— Если эта штука рванет у тебя в руках, от нас останется мясной фарш.

— Если она не рванет, от тебя все равно останется фарш.

Рэм яростно щелкал кремневым колесиком своего пистолета. Наконец одна из добытых им искр оказалась удачливой. Сухая трава фитилей вспыхнула с характерным треском. Напряженный слух тайсов уловил этот звук, они разом подняли головы от истоптанного песка и рванули из колчанов стрелы при виде поднявшегося во весь рост Джека. Большого они сделать не успели. Последний мужчина из клана Драммондов,

как следует раскрутив над головой пращу с пылавшей, как комета, миной, выбросил смертоносную посылку и рухнул наземь, увлекая за собой спутников. Грохнуло в тот же миг, и тройку беглецов засыпало обрушившейся с неба лавиной песка.

— Нормально, — отряхиваясь, признал Рэм. — У тебя был толковый учитель.

— Вот ведь рыжий гусь... — пробормотал Джек. — Бери нож, пойдём проверим их.

Они исчезли в клубах пыли. Оттуда до Марии донесся слабый вскрик, сменившийся стоном и хрипом. Через минуту оба вернулись, весьма довольные, и разобрали свои пояса.

— Теперь нам нужно найти укромное местечко, — заявил Рэм, снова принявший командование. — И развести костер.

— Не слишком ли опасно?

— Сейчас для нас опаснее мокрая одежда. Собственно, мы-то с тобой не сахарные, обсохли бы и на скаку.

— Господа, вы забываете, что я — один из вас.

— Маленьким девочкам, — терпеливо объяснил Рэм, — очень опасно сушить одежду теплом собственного тела. Костер нам совершенно необходим.

Они постарались расположиться так, чтобы не быть заметными с берега. Наползал густой молочно-белый туман.

— Если орда будет переправляться где-то в этом месте, — рассудил Рэм, — мы услышим ее заранее.

Огонь, на их счастье, разгорелся веселый и бодрый. Рэм рухнул возле костра, так близко к нему, что почти сразу от него пошел белый пар.

— Хорошо, — пробормотал он, щурясь, как большой рыжий кот. — Тепло. Мария...

— Мария, — перебил его спокойный голос Джека, — отойди в сторону, разденься, завернись в плащ и тащи все, что на тебе есть мокрого, сюда. Твою одежду мы высушим первым делом.

Убедившись, что сестра побежала исполнять его указания, он сел на землю рядом с Рэмом. Кажется, этот раунд был за ним.

— Порохом разживемся в Арсане, — сказал Рэм. — Что у нас со жратвой? Пропала?

Он нехотя поднялся и проверил седельные сумки.

— Хлеб пропал, конечно, а сыр в порядке. Мясо мокрое, холодное. Гадость... Подогреем, однако, на углях.

Мурлыкая что-то веселенькое, он принялся нарезать мясо на тонкие ломтики. Джек вылил воду из ботфорт. Из тумана появилась Мария, неся в охапке мокрую одежду. Джек тут же принялся устраивать все это вокруг костра. Девушка, похожая в бесформенном плаще на призрак монаха, присела

рядом с огнем, протянув к пышущим жаром углям замерзшие босые ноги.

— Плащ мокрый? — поинтересовался Рэм.

— Я его выкрутил, — отозвался Джек, — а потом, на ветру, его как следует продуло. Это самая сухая тряпка, какой мы на данный момент располагаем.

Все трое внезапно почувствовали дикую усталость. Их сил хватило лишь на то, чтобы прожевать по куску неподдающегося мяса, а затем все трое обрушились в сон.

Когда Мария подняла голову, вокруг были непроглядный туман и тишина. Она тревожно оглянулась. Слабо тлел костер. Немного в стороне от нее, как-то неловко, трогательно свернувшись, уткнувшись лицом в сгиб локтя, спал Джек. При взгляде на него ей вдруг неудержимо захотелось расплакаться. Где-то за границей видимости подкованными ногами переступал Ройч. Звуки в тумане разносились необыкновенно хорошо. Мария искала глазами Рэма.

Конахан, используя минимум доступных средств, устроился с максимальным комфортом. Он спал на спине, пристроив свою золотистую голову на седле Ройча, уронив одну руку вдоль тела. Другая покоилась у него на груди. Даже сейчас от него исходила эманация спокойной силы — как от спящего льва. Повязка на его обожженном плече загрубела и запачкалась, и Мария подумала, что ее надо будет сменить. Ей было приятно на него смотреть. Потом она встала и, придерживая норовивший распахнуться плащ, отошла в сторонку, пока туман не скрыл от нее этот маленький походный лагерь.

Через несколько минут проснулся еще один из спящих. Старательно сморгнув с глаз дремоту, он огляделся, проверяя, все ли в порядке. Недосчитавшись одного из спутников, он не стал кричать, бесшумно поднялся и прислушался. Его слух уловил некие ритмично повторяющиеся звуки, которые он, при дальнейшем прослушивании, определил как всхлипы. Сделав несколько шагов, он почти споткнулся о Марию. Он опустился перед сидящей девушкой на колени и заглянул ей в лицо.

— Откуда слезы, малыш?

— Рэм! — она закрыла лицо рукой. Распухший нос и красные глаза не красят ни одну женщину. — Уйди, пожалуйста.

— Я не могу уйти, когда ты плачешь.

— Тогда... тогда поговори со мной. Мне очень плохо. Я... мне снилась семья, Рэм. Те, кого больше никогда не будет... Я их любила, понимаешь? И отца, и теток... И мамочку... и... и даже Каспера.

В новом приступе рыданий она уткнулась носом в его плечо. Рэм погладил ее по голове.

— Я понимаю, — сказал он. Его голос был мягок и грустен.

(18)

— Мне очень трудно, Рэм. Думаешь, это легко — постоянно быть веселой и бодрой, и поддразнивать вас? Вы с Джеком, наверное, думаете, что у меня камень вместо сердца. Это все — из-за Джека. Ему сейчас и так хуже, чем всем нам. Он всего лишился, он не знает, что ему делать дальше. Насколько легче ему было бы без меня. Для него очень унижительно, что он от тебя зависит. Ему так хочется тоже быть полезным. Он... понимаешь, Рэм, он сейчас потерял себя. Я не могу позволить, чтобы у него еще и со мной были проблемы. А мне... Рэм, мне так плохо. До всех этих... приключений я никогда не ездила верхом. У меня болит каждая косточка. И мне так страшно. Мне никогда не было так страшно, как в ту ночь, когда тайсы взяли Крисборо. И... когда взрывался Вейс.

— Я был бы счастлив сделать для тебя то же, что ты когда-то сделала для меня.

— Я? — даже ее неударжимые всхлипы на несколько секунд прекратились.

— Когда мы встретились впервые, я ходил по вашему дому, как враг. Ты знаешь, почему?

— Да. Джек рассказал мне. Рэм... я так... я так сожалею!

— Весь мир для меня делился тогда на подлецов и трусов. Первые казались мне достойными смерти, вторые — презрения. А ты... ты помогла мне не стать тем, чем я не хотел быть. Ты удержала меня. Понимаешь? С этой наивной верой в то, что люди должны поступать благородно. Что мужчиной достоин называться лишь тот, кто великодушен и добр. Думаешь, ко мне не приходят в снах мои рыжие сестренки?

— О, Рэм! Пожалуйста... пожалуйста, не будь жесток с Джеком.

— С Джеком? Мария, милая. Ну как можно быть жестоким с человеком, с которым три раза стрелялся, пять раз дрался на шпагах, один — на ножах и несметное число раз — на кулаках. Да я привязан к нему, как к родному.

Мария неуверенно хихикнула.

— Несмотря на несметное количество отбитых друг у друга женщин?

— И на сей счет ты в курсе?

— Просто... Джек говорил об этом почти теми же словами.

— Я помогу Джеку, я уже думал об этом. Я устрою его на службу. Если только он перестанет представлять меня таким злодеем, готовым вонзить нож в спину любому Драммонду. Есть еще слезы в этих глазках?

Мария деликатно вытерла нос.

— Мне так жаль мои волосы, Рэм.

— Прости. Не знаю, насколько это для тебя утешительно... С волосами или без них, ты равно дорога мне.

— Рэм... Джек уверял, будто ты собирался соблазнить меня. Это правда?

— Ну, разумеется... да.

— Тогда... пожалуйста, поцелуй меня. Мне это очень нужно.

Рэм помедлил. Его рука бережно обнимала плечи Марии.

— Мне бы стоило сперва избавиться от этой ржавчины на лице, — сказал он с неловким смехом. — Чтобы не отбить у тебя раз и навсегда желание заниматься этим делом. Я же колючий, как еж.

Она погладила его щеку.

— Это считается отговоркой. Пожалуйста, Рэм.

Он осторожно коснулся ее губ. Она задержала дыхание, и через пару секунд глаза ее открылись.

— Я могла бы и обидеться, Рэм Конахан. Если бы мне нужен был братский поцелуй, я обратилась бы к Джеку...

Возмущенная тирада не успела завершиться, как Рэм по-настоящему впился в ее губы. Через несколько секунд ей удалось вырваться, и она тут же спрятала пылающее лицо в ладонях.

— Я напугал тебя?

— Да... Нет. Это, мягко говоря, неуважительно.

— Лет через пятьдесят я, может, и научусь делать это уважительно. Мне убраться?

— Нет! Не уходи. Мне без тебя... холодно.

Рэм все-таки встал, сходил к костру, собрал ее высохшую одежду и вернулся.

— Одевайся, — велел он и скрылся в тумане. Мария проводила его взглядом до тех пор, пока молочная пелена не сомкнулась за его спиной. Потом осторожно потрогала свои губы.

Глава VI

ДОЛГИЙ ПУТЬ НА РАМО-ВЭЛЛИ

— Конахан, ты шпагой, что ли, побрелся?

Рэм обернулся на только что проснувшегося Джека.

— Между прочим, и тебе не помешало бы. Мне не кажется, что темная щетина привлекательнее рыжей.

— Похоже, ты не торопишься взрывать очередной город?

Джек не заметил, как Рэм поджал губы. Сам того не желая, он угодил в болезненное место. Безумие, заставлявшее Конахана дразнить огненную смерть, кончилось. Но Рэм Конахан был не из тех, кто позволил бы парочке Драммондов увидеть себя в миг слабости.

— Вообще-то я жду, когда ваша милость соизволит продрать глаза, — сообщил он. — Вот увижу, что вы двинули на Рамо-Вэлли, и займусь делом со спокойной душой. Зря вы отказались ехать с полковником из Вейса.

(19)

— Что значит — двинули на Рамо-Вэлли? — вмешалась Мария. — Без тебя?

— Без меня, — согласился Рэм.

Полные яростных гнева и боли глаза Марии встретились с его спокойным, чутьочку грустным взглядом. Разумеется, она все поняла. Пытаясь ободрить ее, он улыбнулся, не подумав, что при его нынешнем состоянии духа вместо беззаботной усмешки выйдет страдальческая гримаса.

— Собирайтесь, — распорядился Рэм, пытаясь прекратить все это. — Ройч уже нервничает.

— Нервы Ройча — это, разумеется, святое, — пробормотала девушка и закусила губу, испугавшись возникшего в ней и, как показалось ей, недостойного желания сказать ему что-то жестокое. Потому что на свете сейчас не было мысли страшнее той, что она потеряет этого веселого гордого и сильного человека, что эта красивая голова может уткнуться лицом в пыль и не подняться со словами шутки на устах. Что какой-то грязный кочевник отсечет ее и, схватив за золотистые кудри, швырнет к ногам своего хана. Это, как говорил Джек, была та легкая смерть, о которой Рэм мог мечтать. Но могло случиться и худшее — если тайсам удастся схватить его живым.

— Но я не понимаю! — со слезами в голосе, уже сидя в седле, воскликнула она. — Что заставляет тебя идти туда? В таких делах... тут даже, наверное, не приказывают?

Рэм молча кивнул.

— Ты и так сделал больше, чем они могли ожидать. Ты ведь заслужил право...

— На что?

— На то, чтобы остаться в живых.

— Мария, прошу тебя, давай оставим этот разговор.

— Но я хочу понять, что тебя туда тащит.

— Это звучит довольно банально, — вмешался Джек, — и Конахан наверняка расхохочется, если я скажу, зачем ему сдался этот Арсан. Это называется воинским долгом, Мария. Это то, что заставило Драммондов оборонять обреченный Крисборо.

— То, из-за чего мужчины бросают на произвол судьбы всех, кому они дороги?

— Может, вам наконец надоест копаться у меня в душе? — вскипел Рэм.

Спутники разом прервали разговор. Дальше, до самого вечера, они ехали в молчании. Неизвестно, о чем думал Рэм, а Джек ощущал себя сопровождающим приговоренного к казни.

Ландшафт вокруг становился все более холмистым. Кое-где появились выходы скальных пород, выступавшие из зарослей вездесущего и непобедимого вереска. Небо хмурилось, и было довольно прохладно.

Окончание следует.

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

ИЗ ЖИЗНИ ЖИВОГО ФЭНДОМА

Владислав ГОНЧАРОВ (Ульдор)

Зима — время традиционной спячки. Но не для всех. А, например, в центре Сибири, в Томске, со 2 по 4 февраля состоялся уже пятый по счету «Сибкон» (не путать с разовым литературным семинаром в Красноярске в марте 1995 года). Традиционная тема конвента — ролевые игры: психология, педагогика, слегка фантастика и совсем немного Толкиена. Участников на этот раз приехало около сотни, в основном из разных городов Сибири: Новосибирска, Красноярска, Новокузнецка, Иркутска, Омска, Тюмени и т.д. Несколько гостей было из более отдаленных местностей — Владивостока, Орска, Екатеринбурга и Уфы, а двое в этом году приехали даже из Казани. Проходил конвент, как обычно, в помещении городского «Хоббит-Центра», где, в числе прочих детских клубов, размещается и организатор конвента — клуб ролевых игр «Эндор». Места здесь хватало на всех, и не только для размещения приехавших, но и для проведения мероприятий — вплоть до турнира и менестрельского концерта. Причем многие семинары шли даже по ночам — и все равно кое-что приходилось ставить в параллель.

С 7 по 10 ноября 1996 г. в Казани вновь состоялся очередной «Зиланткон», или «Зилант», как привыкли называть его завсегдатаи. Организаторы все те же — КЛФ Казанского университета «Странники» (президент Андрей Ермолаев) и исторический клуб «Моргенштерн» (руководитель Владислав Хабаров, известный также

под игровым именем Балин). Участников собралось несколько меньше, чем в прошлом году — в общей сложности около 400 человек, из которых три сотни были приезжими; основное место, конечно, занимали москвичи, но много гостей было также из Екатеринбурга, по несколько человек прибыло из Санкт-Петербурга, Харькова, Новосибирска, Саратова и Красноярска — и это не считая большого числа других городов, откуда приезжали поодиночке.

Известных людей было тоже немало. Приехал московский бард и писатель Алексей Свиридов, стругацковед Вадим Казаков, редактор и литературный критик Сергей Бережной, писательница Мария Семенова — люди, известные отнюдь не только в толкиенистском движении. К сожалению, в последний момент не смогли явиться Ник Перумов и Сергей Переслегин — отсутствие последнего ощущалось особенно сильно, так как именно благодаря своим блестящим работам в области фантастиковедения и теории ролевых игр он приобрел в толкиенистско-ролевом движении (не исключая даже самых дивных и возвышенных эльфов и эльфиек) репутацию всеобщего кумира.

Основу мероприятия, как всегда, составляли семинары. Их было много: теория и практика ролевых игр, обсуждение прошедшего игрового сезона, заявки игр на следующий год, настольные ролевые игры, стратегические игры... А также фантастиковедение, любительская фэн-пресса, семинар молодых авторов... И кое-кому приходилось долго и мучительно выбирать: двигаться ли ему на второй этаж, где в актовом зале собрался семинар по

общей теории ролевых игр, или подниматься на третий, где, при гораздо меньшем стечении народа проводится секция фантастиковедения...

На торжественном открытии вручалась литературная премия конвента «Большой Зилант». В этом году его присудили Киру Булычеву за повесть «Осечка»; на втором месте у номинационной комиссии стоял лишь немного не дотянувший до приза роман Анта Скаландиса «Катализ». Стоит упомянуть, что «Большой Зилант» прошлого года получила писательница Мэделайн Симонс, она же Елена Хаецкая, за знаменитый роман «Меч и Радуга», пользующийся в среде толкиенистов и ролевиков популярностью, лишь немногим уступающей популярности самого Профессора...

Концерт, в отличие от прошлого года, был сделан не в форме состязания, а просто были выступления лучших бардов — Людмила Смеркович, она же Скади (Казань), Виктора Карасева (Иваново), Алексея Свиридова (Москва) и Натальи Некрасовой (Иллет, тоже Москва).

На торжественном закрытии конвента были подведены некоторые итоги. Первое место на литсеминаре получил рассказ Альберта Зеличенка из Казани, повествующий о похождениях советского инженера известной национальности в средневеково-фэнтезийном мире, переделанном вместо христианского на иудейский лад. Были присуждены призы за лучшие выступления и на других семинарах. Автор этих строк тоже получил грамоту — за доклад на семинаре по фантастиковедению. Кстати, организаторы «Зиланта» планируют выпустить сборник лучших докладов — подобный тому, какой уже выходил год назад.

КРИПТОГРАММА

по роману Марии Семеновй «ВОЛКОДАВ»

3-23-25-12 21-8-22-9-10-17 26-3-4-20-18-9 21-8-22-3-12-16-8-23-14-5-15 7-9-4-27-9-4 9-2 7-9-11-14-21-12 11-5-14-21-2-4-9-10 2-25-12-9-8-1-2-7-2.

Разгадав ключевые слова, вы прочтаете, что сказала жрица Мать Кендарат маленькому Волкодаву.

1-2-3-4-5-2 — священный Знак Огня; 5-4-6-7-8-9-10 — народ кууса Винитария; 5-11-3-12-13-8 — оружие, с которым 12-летний Серый Пес пытался защитить свою мать; 14-10-5-15-16-4-3-12-5-14-9-12-1 — растение, соком которого лекарь Иллад запылил кровь в ране Волкодава; 17-18-19-19 — божество, имя которого Антахар упоминал все, во фразах типа «... меня съешь, не так уж он и неправ»; 20-2-21-2-22 — что ощутил Волкодав, услышав в исполнении Мангула песню рабов горного рудника, сложенную о нем; 3-23-24-2-16-8-25-8 — хозяйка постоялого двора в Галираде; 26-21-2-5-14-2-1-7-8-27-8 — один из напитков, которые в галирадских корчмах подавали даром тому, кто заказал еду.

Составил С.КАЗАНЦЕВ

Продолжение. Начало на стр.14.

«Штурман». Спустили на воду девять «Штурманов».

И заяц Митька всегда был вместе с нами.

Во время выхода на воду его привязывали на носу яхты — к передней оттяжке мачты — и он мчался над гребнями волн, впитывая ватными внутренностями брызги. В брызгах часто зажигалась радуга. После такого веселого плавания Митьку вздергивали на верхушку мачты грот-фалом, за уши. Он болтался там, высыхал на ветру.

Сначала Митька ходил на разных парусниках, но потом «прикипел» к яхте «Румб». На «Румбе» с годами менялись капитаны, но Митька оставался там бессменным членом экипажа. Он и сегодня ходит на этом постаревшем, но еще крепком швертботе.

По Митькиному примеру на других яхтах стали тоже появляться тряпичные «впередсмотрящие» — медвежата, кролики, клоуны и коты. Но Митька — самый заслуженный и по праву считается среди них капитаном-наставником...

Конечно, Митька не раз попадал во всякие приключения. В том числе и в опасные.

Однажды «Штурмана» отработывали на короткой треугольной дистанции гоночные старты и повороты у буйков. Дуло крепко, яхты порой ложились парусами на воду, но лихие экипажи тут же подымали и выпрямляли их. В стартовой зоне было тесновато. Я уже решил, что пора кончать эту потеху и, стоя в моторке, поднял рупор для команды. И опоздал...

Славный яхтенный матрос Митька на не менее славной яхте «Румб», к которой он приписан до сих пор.

Две яхты шли наперерез друг другу. Одна правым, другая левым галсом. Та, что мчалась левым, должна была по правилам уступить дорогу. Но на руле сидела девочка-стажер, до той поры не ходившая в свежую погоду. Вместо того, чтобы привести к ветру, девочка сказала «ой», выпустила румпель и взяла себя за щеки.

Удар, хруст, звон лопнувшей ванты. Нос яхты-нарушительницы врезался в борт другого «Штурмана». Как раз туда, где сидел откренивая свой кораблик, матрос Алешка — маленький барабанщик и общий любимец. Алешку ударило в бедро и, как соломинку, сдуло внутрь яхты.

Я решил, что слабая берцовая кость пацаненка — пополам. Аж в глазах потемнело.

Алешку спас Митька. То ли по случайности, то ли по велению доброй судьбы (скорее всего, что по велению), Митька в этот раз оказался привязанным не на носу, а к боковой оттяжке — ванте. Ватным своим тельцем он заслонил мальчика, принял удар на себя.

Митьке оторвало нижнюю и верхнюю лапы. Представляете, что был за удар, если деревянный, кругло обточенный брус форштевня обрубил тугие тряпичные колбаски Митькиных конечностей как топором! И при этом разнес в щепки крепкий реечный буртик...

Девочку не ругали (кстати, из нее потом получился отличный яхтенный рулевой). Мы были счастливы, что все кончилось благополучно — если не считать могучего синяка на Алешкиной ноге и Митькиного инвалидства.

Синяк через несколько дней исчез. Митьку за героизм наградили значком, на котором был изображен четырехмачтовый барк «Крузенштерн». И стали думать, как беднягу лечить. Кто-то предложил сделать зайцу ногу-деревяшку — как Джону Сильверу — и протез передней лапы. Это, мол, придаст морскому зайцу лихой, подчеркнута пиратский вид.

Вид, возможно, и правда получился бы романтический, но я не хотел, чтобы мой Митька оставался калекой. Он был для меня живой, и его страдания были моими.

Зайцу сшили новые тряпичные лапы. Немного не того цвета, что прежние, ну да ладно. Главное, что не протезы.

Отказался я превращать Митьку в пирата и тогда, когда он потерял глаз. Конечно, черная повязка (словно у знаменитого Билли Бонса) придала бы зайцу оригинальность. Но какое живое существо захочет глядеть на мир одним глазом, а не двумя?

Вначале Митька лишился глаза в Севастополе. О Севастопольских приключениях Митьки — особый рассказ.

Первый раз мы вдвоем с Митькой приехали в славный черноморский город в сентябре того же семьдесят восьмого года. Вскоре после злополучных съемок телесериала.

Кстати, сериал получился слабенький.

Были там и хорошие моменты — благодаря отличной игре мальчишек, исполнявших главные роли. Но что могут сделать мальчишки, если режиссер «спускает на тормозах» основные, самые напряженные эпизоды. Если, например, страшную грозу, во время которой едва не гибнут двое ребят, операторы снимают не под тучами и молниями, а при светлом небе и жиденьком случайном дождичке? И так во всем...

Впрочем, некоторые зрители спектакль хвалили. Даже очень. В начале восьмидесятых он шел по телевидению довольно часто. И каждый раз я сажал Митьку перед экраном.

— Помнишь те места?.. А ребят? Смотри, это Дениска, который забросил тебя однажды на березу, еле достали...

Но в то раз, когда Митька впервые оказался в Севастополе, спектакль еще никто не видел, он был «в работе»...

Город и море понравились Митьке. А главное — он нашел здесь много новых друзей.

Сначала он познакомился с четвероклассниками школы № 3, где я выступал перед ребятами. Очень славные были ребята. И учительница их — тоже. Мы потом дружили все их школьные годы, вплоть до выпускного класса.

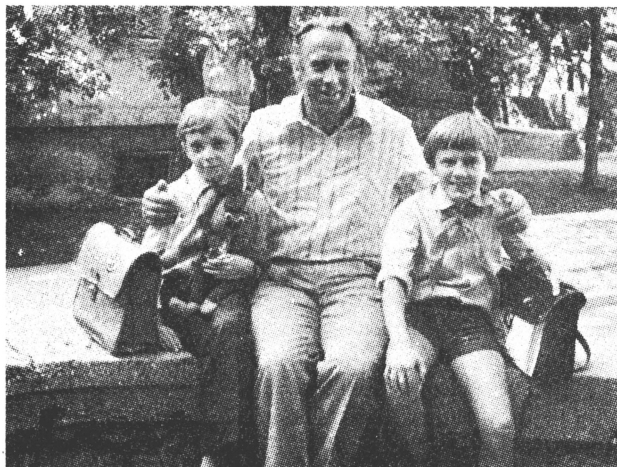
Особенно понравился Митька двум мальчишкам — Вадику и Артуру. И они Митьке понравились. Наверно, потому, что были похожи на барабанщиков «Каравеллы».

Я вспоминал этих ребят, когда той же осенью сел писать повесть «Трое с площади Корронад». Эта повесть о приморских мальчишках, об их крепкой дружбе и о страшном наследстве, которое на тех берегах оставила давняя война.

Был в этой книжке и тряпичный заяц — верный друг мальчика, похожего на Артура. Только в повести зайца звали Артемкой, а не Митькой. Дело в том, что Артемка погиб при взрыве найденного мальчишками снаряда. Я не хотел накликать такую же беду на Митьку. Я достаточно суеверный человек...

Было у Митьки немало знакомых и в других севастопольских школах. Мы в эти школы при-

Автор с Севастопольскими четвероклассниками Вадином и Артуром и, конечно же, с Митькой. Из этой встречи получилась книжка «Трое с площади Корронад».

ходили не по одному разу, и всегда ребята кричали:

— А Митьку принесли?

Я пускал его по рукам, и заяц возвращался ко мне весь в значках-сувенирах. Как в броне витязя. А кроме значков, Митьке дарили крабьи клешни и дырчатые камешки на веревочках, раковины-рапаны, якорьки с погон и прочую морскую мелочь.

А однажды оторвали ему глаз. Нечаянно, когда перебрасывали из рук в руки. Дело было на школьном дворе, глаз упал в колючую траву и затерялся. Я очень расстроился. Но через несколько дней ребята глаз отыскали и вернули при следующей встрече.

Ходил Митька и в море. Под парусами — такими громадными, каких на нашем Верх-Исетском озере не видали. Случилось так, что в том же семьдесят восьмом году я познакомился с севастопольским семейством Вихревых — с Олегом, Любой и двумя их сыновьями — Алькой и чертенком Юросом дошкольного возраста.

Олег был завзятым яхтсменом.

С тех пор я приезжал к Вихревым почти каждый год. Как правило, в сентябре. Годы шли, мальчишки росли, Олег из старпома на яхте сделался яхтенным капитаном...

О Вихревых я немало писал в других повестях. Но эта повесть главным образом о Митьке, а Митька — их друг. Прежде всего — друг Юроса. Поэтому здесь не обойтись без рассказа об их встрече в восемьдесят пятом году.

Я приехал в Севастополь в последних числах августа. И сразу пошел на Бакинскую.

Олег и Алька были в яхт-клубе. Юрос завалил и повис у меня на шее. А потом умчался. После этого он возникал каждые десять минут и снова убежал.

За окнами весело галдели его приятели. Тоже мои знакомые. Иногда они забегали, чтобы поздороваться.

Люба готовила для Юроса «школьную амуницию». Белая рубашка и алый галстук были уже отглажены и висели на спинке стула. Люба занималась старыми брюками (поскольку новых не было).

Подобно французам, утверждающим, что лучшее средство от перхоти — гильотина, мама Юроса решила: Самое радикальное средство от пятен и дыр на штанах сына — портновские ножницы. Поэтому она без колебаний отстригла истрепанные штанины выше колен и села за швейную машинку.

Это происходило на кухне. Люба Вихрева строчила на машинке, угощала меня чаем и уговаривала не уходить, подождать еще. Супруг и старший сын скоро вернуться из яхт-клуба, где торчат с самого утра, вместо того, чтобы готовиться к отъезду и паковать вещи...

Я, по правде говоря, и не собирался уходить. Знал, что Юрос уже слетал вниз по Капитанской, до яхт-клуба, и сообщил отцу и брату о моем приезде. И они, скорее всего, задерживаются потому, что в магазинчике, что рядом с яхт-клубовской проходной, перерыв, а для встречи совершенно же необходима бутылочка «Массандры».

Такую догадку я, однако, не высказывал, зная сдержанное отношение капитанской супруги к бутылочкам. Поглаживал сидящего на колене Митьку и вел светскую беседу, с легкостью перескакивая с темы на тему.

Наблюдая за Любиными портновскими усилиями, вспомнил кстати, что история повторяется. В одной моей давней повести такую же операцию со штанами проделала мама главного героя — девятилетнего капитана фантастической каравеллы. Юный мореход отнесся к этой процедуре крайне болезненно.

Люба и Юрос эту повесть читали. Но Юрос, в отличие от моего героя, ничуть не скорбел об урезанных брюках. Он был севастопольский пацан, привыкший к долгому крымскому лету и справедливо полагавший, что нет смысла тас-

каться в школу в длинных штанах, когда на улице тридцать градусов.

Поэтому Юрос энергично показал большой палец, когда Люба остановила машинку и явила нам свое произведение швейного искусства.

— Все о кей!.. Мама, а обрезки я заберу, ладно?

— Это еще зачем?

— Сделаем мешки, набьем ветошью, оплетем тросом. Будут кранцы для яхты.

— У вас с отцом одно на уме: кранцы, транцы, померанцы...

Юрос возразил, что померанцы тут не при чем. Цапнул со стола обрезанные штанины и сиганул на двор, прихватив заодно и Митьку: чтобы он повидался со знакомыми ребятами.

Я видел в окно, как ребята поперебрасывали Митьку из рук в руки, потом усадили в развилку низкорослой акации. А сами принялись набивать бывшие штанины принесенным из сарая тряпьем. Набили, завязали с двух концов. Но оплестать тросом не стали, а подвесили на перекладину качелей — превратили в боксерские груши. И обрабатывали кулаками со всех сторон...

Люба между тем снова налила мне чаю, включила утюг и тщательно отгладила новоиспеченные штанишки.

— Совсем как новые, — сказал я слегка подхалимски, потому что чуял: Олег уже зашел в магазин.

— Да какие там новые! — Люба разглядывала их на фоне окна. — Весь зад светиться насквозь, как решето...

— Ну, на две-то недели, может, хватит, — вздохнул я. Потому что именно такой срок оставался Вихревым для севастопольской жизни. Военный музыкант Олег Вихрев заключил контракт для службы на Камчатке, на несколько лет. Там условия повыгоднее, срок до пенсии пойдет быстрее... Ну, и Тихий океан, конечно, манил яхтенного капитана. Отъезд наметили на середину сентября. И сейчас жили уже «на чемоданах».

Но для Юроса, в его неполные двенадцать лет, две недели были немалым сроком. Отъезд на Дальний (ужасно дальний, пока еще просто нереальный) Восток был пока что за гранью многих дней. Между нынешним днем и прощанием с родным городом будут еще уроки в привычной школе, знакомая яхта «Филолент», горячие от солнца галечные пляжи, зеленая глубина прогретой воды, распахнувшиеся вполнеба сентябрьские закаты над морем и вечерние игры со старыми друзьями. И девочка Настя — похо-

жая на загорелого мальчишку, только с длинными, ниже плеч, льняными волосами.

Когда Юрос знакомил нас, он сказал с отважной простотой и ясностью:

— Вот, это Настя. Я ее лучший друг, а она моя лучшая подружка. Мы друг от друга ничего не скрываем. Верно, Нась?

Она кивнула — серьезная такая и тихая. Видимо, в отличие от Юроса, она чуткой своей девичьей душой уже ощущала печаль недалекой разлуки...

Впрочем, сейчас Настя вместе с мальчишками весело пританцовывала у подвешенных «груш» и по-боксерски обрабатывала их крепкими кулачками.

А Митька из развилки акации смотрел на ребят с задумчивым снисхождением. Он уже и тогда был мудр, он знал, как быстротечны дни, недели и годы...

Я тоже это знал. И поэтому смотрел на ребят и Митьку с такой же задумчивостью. Но недолго. В дверях возникли яхтенный капитан Олег Вихрев и его старший отпрыск.

С Олегом мы обнялись, а с Алькой обменялись крепким рукопожатием. Алька был десятиклассником, в этом возрасте принято сдерживать эмоции.

Когда Олег обнимал меня, он не выпускал из рук холщовую сумку. Меня стукнуло по спине твердым. Потом Олег постарался незаметно поставить сумку в угол, за шкаф. В ней тихо звянуло.

— Поставь, что принес, на стол, — велела Люба. — Горе-конспиратор...

Олег поставил. И сообщил, что я приехал на редкость удачно:

— Завтра с утра пойдем в море.

— А я?! — взвыл Юрос, просочившийся на кухню за отцом.

— Завтра тридцать первое августа! — вознегодовала Любовь Васильевна. — У тебя собрание в школе! Зря я, что ли, тебя собираю, наглаживаю, чтобы ты хоть на первых порах был нормальным учеником, а не прогульщиком!

Юрос, покоровшись судьбе, засопел и протянул мне вернувшегося Митьку. У того выжидающе блестели глаза. Но Митьку тоже ждало разочарование: ему не дали массандровского портвейна. Здесь, в Севастополе, ему предстояло не раз общаться со школьниками. Не хватало еще, чтобы дети учуяли подозрительный запах!

Чтобы утешить Митьку, Юрос прицепил к его оранжевому комбинезону севастопольский зна-

чок «Четвертый бастион». Потом крикнул в открытое окно:

— Нась, лови! — И выбросил Митьку со второго этажа. На дворе опять весело завопили. А Юрос тряхнул темными растрепанными локонами и умчался.

На следующее утро, около восьми, я шагал от Центрального рынка к лестнице Крепостного переулка. Лестница эта (по-севастопольски — «трап») ведет вверх по скалистому склону вдоль желтой крепостной стены с бойницами. Это остатки Седьмого бастиона. От верхней площадки до дома Вихревых — рукой подать.

Я спешил к Олегу, чтобы вместе отправиться в яхт-клуб. На боку болталась спортивная сумка — в ней полотенце, аппарат «Зенит» и Митька. Ушастая голова Митьки торчала наружу.

Между лестницей и бастионной стеной среди сурепки и камней тянулась по уступам тропинка — путь для тех, кто не лобит спокойные ступени и привык к рискованным восхождениям и спускам.

Юросу нравились именно такие пути. И я не удивился, когда увидел, как Юрос прыгает вниз с уступа на уступ.

Впрочем, прыгал он с некоторой осторожностью, потому что был «при полном параде». Но, увидев меня, Юрос забыл об осторожности — помчался навстречу, используя как тормозной парашют охапку георгинов и хризантем, которую тачил в подарок любимым педагогам.

— Дядя Слава, ура!.. Митька, привет!

Я помог Юросу остановиться.

Он был ослепителен с головы до ног. Отглаженный галстук полыхал шелковым пунцовым пламенем. Рубашка сияла такой белизной, что от нее, по-моему, пахло новым холодильником. Коричневые штаны после вчерашней операции, чистки и утюга выглядели как новенькие — топорщились острыми, будто носы эсминцев, складками. Кеды же и правда были новые — на них еще сохранился магазинный лоск. А пестрые гольфы (надетые явно по маминому настоянию) вплотную приближали этого отрока к лучшим европейским стандартам.

Локоны Юроса слегка растрепались на бегу, но это придавало ему еще большую живописность.

— Митька, смотри! — восхищенно выдохнул я. — Если бы мы не знали, кто скрывается за такой образцово-показательной внешностью, то решили бы наверняка: это самый примерный пионер-отличник славного города-героя... Надолго ли только хватит такой образцовости?

*Тридцать первое августа.
Солнечное утро, букет, локоны и радужное настроение.*

— Дня на три, я думаю, — здраво поразмыслив, сообщил Юрос.

— В таком случае я просто обязан запечатлеть для потомства столь редкое явление. Сядь... Стой, что ты делаешь, балда!

Юрос, желая сесть на парапет, собрался подмести его букетом.

— Чучело! Тебя и на день-то не хватит, не то что на три...

Я подмел бетонный уступ веником из сорванной полыни. Юрос уселся с букетом в обнимку.

— И Митьку дайте...

— С Митькой ты снимался тыщу раз. А сейчас он тебя, такого красивого, будет своим видом дискредитировать.

— Что будет? — подозрительно спросил Юрос.

— Сиди, не вертись... — Я щелкнул «Зенитом» раз, второй. — Все. Мчись в родную школу, ибо учёные свет...

— Свет — это завтра, а сегодня собрание... Эй, Нась, Сандалик! Подождите! — Юрос уви-

дел своих друзей — Настю и Саню Дальченко — и помчался за ними.

А мы с Митькой зашли за Олегом и отправились в яхт-клуб.

Выход в море в тот день не состоялся. На яхте обнаружилось кое-какие неполадки, пришлось заниматься всякими корабельными работами. Я не жалел. Мне нравилось в яхт-клубе, расположенном среди остатков старинной Александровской батареи. Тем более, что под боком был маленький чистый пляж: поработал, потом окупился в море, позагорал на песочке...

Домой к Вихревым вернулись мы к обеду. И сразу увидели Юроса. И разом горько охнули.

Юрос был совсем не тот, что утром. И дело не в том, что он сменил парадную школьную одежду на привычную — полинялую и мятую. Исчезли его локоны. Остатки крупных темных завитков торчали нелепыми рожками и запятыми.

— Что с тобой? — озадаченно выдохнул Олег.

Пришедший с нами бородатый старпом дядя Миша выразился определеннее:

— Кто тебя так обглодал, юнга?

И Юрос поведал горькую историю.

Оказалось, что ни пышный букет, ни нарядный облик не усыпили бдительности педагогов. Она, эта бдительность, служила тому, чтобы «внешность учащихся соответствовала установленным правилам». Внешность Юроса не соответствовала. Из-за волос. Их длина превышала отмеренные педагогическим руководством нормативы. И строгая завуч предписала Юросу и еще целому ряду неудачников «завтра явиться в школу в том виде, в каком положено».

Что делать, повела мама беднягу в парикмахерскую. И оттуда он вышел... вот таким, как сейчас.

Когда мы умывались и готовились перекусить, Олег ругал бестолковых педагогов, школьные порядки, украинское и союзное министерства просвещения и заодно советскую власть в целом. Правда, делал он это вполголоса, чтобы Юрос не слышал. Он и не слышал. Вернее, не слушал. Забрал Митьку и умчался на двор. Судя по всему, он был огорчен случившимся меньше, чем мы.

За обедом Олег продолжал ругать существоющие порядки и выражал надежду, что долги они не продержатся, наступят новые времена.

— Только будут ли они лучше старых, — пророчески вздохнула Люба.

Сидевший с нами Алька заметил, что до тех времен, какими бы они ни были, Юрос успеет обрасти. Это всех несколько утешило. Кроме того,

мы с капитаном Вихревым и старпомом Мишей утешили себя еще и другим, испытанным способом. И расстались до завтрашнего утра.

А назавтра мы с Митькой опять повстречали Юроса. Почти там же, где накануне. Столь же нарядного. Только вместо букета был у него набитый учебниками портфель. И не было, конечно, прежних кудрей.

Сейчас было особенно заметно, как стрижка повредила Юросу. Голова выглядела слишком маленькой, шея тонкой, уши оттопыренными. Да и весь он казался угловатым, длинноруким и длинноногим. Этаким нескладный Пиноккио (только без длинного носа). Но все же это был прежний жизнерадостный Юрос. Он опять под-

*Первое сентября. Вместо букета будничный портфель. Локонов поубавилось. Радужного настроения — тоже.
Но все-таки жизнь не так уж плоха...*

летел ко мне, тормознул на ракушечнике слегка поблекшими кедами. И я уверил его — не совсем искренне, — что он по-прежнему великолепен.

— Тогда снимите меня еще раз! На память о первом сентября! — И встал Рядом с уличной скамейкой.

Я опять пощелкал «Зенитом».

— А теперь давайте вместе! С Митькой!

Я поставил «Зенит» на бетонное ограждение, завел пружину автоспуска. Юрос ухватил Митьку и поспешно встал перед объективом. В ту же секунду случилось совершенно неожиданное. Рядом с аппаратом уселся растрепанный воробей, а в следующий миг на воробья прыгнул из сурепки серый клочкастый кот!

Это был дин из тех полубродячих котиков, которых немало водится в Севастополе. Опытный охотник. Но и воробей был не промах. Он взлетел, потеряв одно перышко. А кот, промахнувшись, лапой вмазал по аппарату. «Зенит» застучал по ступеням. Я с негодующими воплями подхватил его. Кот, прижав уши, метнулся вверх по лестнице, но через десяток ступеней сбавил скорость, остановился и сел. И нахально глядя на нас, принялся вылизывать заднюю растопыренную лапу.

— Пошел отсюда, Базилио драный! — Юрос бросил в кота пустой раковиной улитки. Проманулся. Базилио всем своим видом показал, как он презирает нас.

Я стал проверять аппарат. Затвор исправно срабатывал от обычной кнопки, но рычажок автоспуска заело — ни туда, ни сюда.

— Видать, не судьба, — вздохнул я. — Ладно, почию, тогда снимемся. Торопись в любимую школу, а то опоздаешь к первому звонку.

И Юрос поскакал по спуску. А я двинулся к Олегу. И через час мы были уже на «Фиоленте», за бонами Северной бухты, на внешнем рейде.

8

Сперва казалось, что это будет спокойное прогулочное плавание: пройдемся в сторону Феодосии на сколько хватит времени, покупаемся в открытом море, ухватившись за брошенный с кормы капроновый конец; порадуемся жаркому солнцу, умеренной волне и ровному теплomu зюйд-весту...

Так сперва все и было. Мы взяли курс на север, оставили позади Константиновский мыс,

миновали Укчуевку и пошли вдоль обрывов Качи, с которых бабочками слетали разноцветные дельтапланы. А после обеда сделали поворот и двинулись обратным курсом — бейдевинд правого галса.

Качать стало заметнее. Волна шла почти навстречу, да и гребни сделались повыше, замелькали барашки. Ветер между тем заходил к весу. Потравили грот и стаксель, побежали быстрее. Крен стал сильнее, с наветра несколько раз влетела на палубу пена.

— Эт-то уже интересно, — сказал капитан Вихрев. Сам встал к штурвалу, а матросам (и мне в том числе) велел быть внимательнее на шкотах и «не копошиться, ежели что...».

Я радовался. Напоследок, перед расставанием, Черное море подарило капитану «Фиолента», и мне заодно, славную погоду — ощутимую волну и «самый тот» ветер.

Митька, конечно, тоже радовался. Он был привязан ушами к бортовому релингу и весело тарачился на море, где белые гребешки бежали все гуще. Промок от брызг, но все равно был счастлив.

— Между прочим, синоптики обещали, что во второй половине дня может быть свистодуйчик, — напомнил бородатый дядя Миша. — Оно и видно, вон уже курятники пошли.

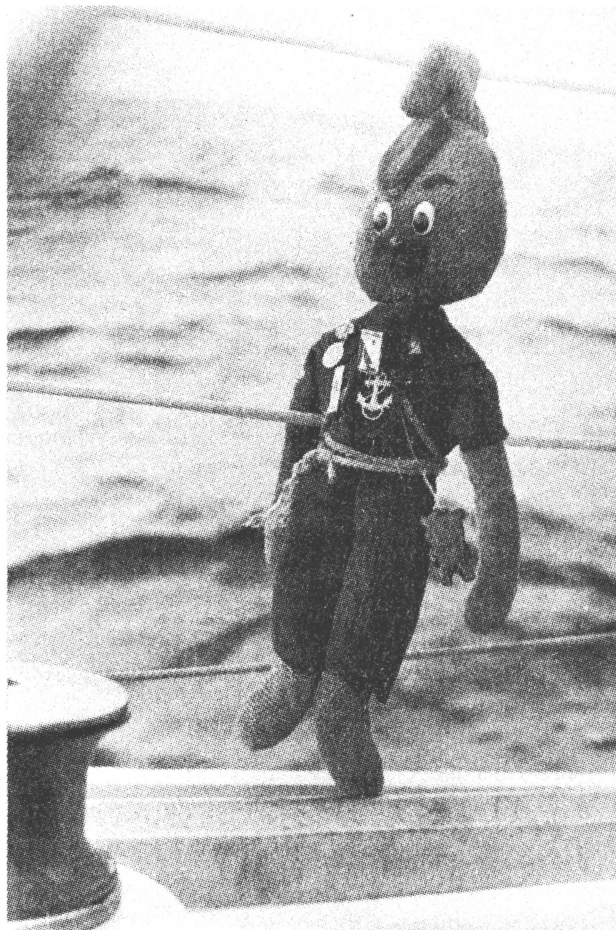
У местных яхтсменов, кроме официальной шкалы волнения, применялась своя, упрощенная. Из тех волн, которые заслуживали внимания, самые небольшие назывались курятниками. Далее шли «сарай», «дома» и наконец «горсоветы».

До сараев пока было далеко, но «курятники» обозначились уже явно. Ванты и бакштаги начали тихонько гудеть. Яхта теперь не «шла», а, можно сказать, летела среди позеленевших и ставших непрозрачными волн. Справа и слева от нас на расстоянии кабельтова мчались еще несколько крейсерских яхт. Видимо, все спешили домой. Оно и понятно. Откуда-то возникли и стали наливать сизой сумрачностью круглые облака. Скоро они превратились в тучу — шириной в полнеба.

Между тем «Фиолент» миновал полукруглый Константиновский форт (его подножие лизали гребни), и перед нами открылся вход в Северную бухту. Еще немного — и мы дома, под защитой волнолома и Александровского мыса.

— К повороту фордевинд... — уже без прежней беззаботности отдал предварительную команду капитан Вихрев. Потому что поворот

Митька на «Фиоленте». За несколько минут до шквала.

«фордак» при таком ветре дело довольно серьезное.

— Олег не надо фордевинд! — умоляюще завопил я. — Давай приведемся, сходим до Херсонеса! — Ну, вон хоть до того судна!

На траверзе Херсонесского маяка неясно синели корабельные очертания. Кажется, это была дежурная база севастопольской эскадры.

— Туда и обратно, а? Давай Олег!

— Будут шквалы, — с сомнением отозвался капитан Вихрев.

— Ты же сам говорил: на этой яхте хоть вокруг света!

Конечно что сделается такой громадине! Стальной корпус, балластный фальшкиль весом в четыре тонны, никакой крен не страшен, никакие волны.

По правде говоря, рассуждения мои и мое поведение были в тот момент довольно шкурни-

ческими. Безответственными. Мне кружило голову этакое чувство безопасности.

Дело в том, что дома, на наших уральских озерах я никогда не жил без страха, потому что командовал там флотилиями самодельных легоньких швертботов. Матросами и рулевыми были там мальчишки и девчонки — вроде Юроса и его подружки Насти. И я за каждого отвечал головой. Они-то чаще всего презирали опасность и страх, а я дрожал за них за всех. Волны у нас не бывали выше «курятников», но ветры — ничуть не слабее черноморских. А много ли надо фанерным скорлупкам с пацанами, у которых отваги гораздо больше, чем веса для открена!

И когда на озере закипали барашки и яхты под веселые вопли экипажей устремлялись от берега, я вместе с удовольствием всегда ощущал в душе противный холодок.

А здесь-то за кого бояться? Экипаж — крепкие парни, прошедшие не одну морскую «заварушку». Да, к тому же, сейчас я не был командиром и отвечал лишь за себя.

У Олега были, конечно, иные чувства — на то он и капитан. Однако и ему хотелось, видимо, напоследок пройтись при хорошем ветре. Команда не возражала. Мы привелись до западного румба — сделать это было не трудно, потому что ветер уже зашел к норду. И «Фиолент» помчался в открытое море.

Море это было сизым вдаль и зеленым вблизи — с белыми кудрявыми гребнями. А небо стало лиловым. В нем проскакивали неяркие и пока бесшумные молнии. Яхта бежала отлично — сплошная радость на душе. Но похожая на синий островок плавбаза оставалась все такой же далекой. А ветер давил все крепче. И когда слева от нас на желтых обрывах возникли и ушли назад развалины древнего города Херсонеса, капитан Вихрев озабоченно сказал:

— Все, братцы, хватит. Оверштаг...

«Фиолент» пошел носом к ветру, перевалил на другой галс и столь же резво побежал к городу.

И вот тут «плюнуло» так, что всех нас обдало брызгами, а шестнадцатиметровая мачта с белым треугольником грота стремительно пошла к воде.

Потом крен уменьшился. Экипаж отплевывался и сдержанно чертыхался.

— А ну-ка, мальчишки, будем соблюдать инструкцию, — сказал Олег. — Наденем-ка спасательные жилеты.

Бородатый Миша выгреб жилеты из форпика. Один из них дали мне.

Жилет оказался старый. В одном месте от него был полуоторван оранжевый прорезиненный лоскут — и легкомысленно пристегнут булавкой. Когда я натягивал это «спасательное средство», булавка отскочила и воткнулась мне в палец.

Шипя от боли, я слизнул кровяную каплю и оглянулся — что делать? Я знал поганое свойство своего организма: от малейшей царапины — всякие распухания и воспаления. Но в такой обстановке спрашивать про аптечку было неудобно.

Я спустился (вернее, скатился) в кубрик. Там на койке валялась моя сумка, в ней был тройной одеколон.

Пропитав одеколоном палец, я сунул флакон в сумку, и... тут койка поехала вниз и встала ребром. Палуба под моими ногами сделалась вертикальной. Я пузом грянулся на ограждение койки. В углу сдержанно взвизгнул Вихревский пудель Чапа. Вообще-то он был храбрый морской пес, но сейчас его отправили с верхней палубы вниз, от греха подальше, и он в одиночестве поддался недостойному моряка испугу.

И я поддался! Не за себя и, честно говоря, не за яхту и ее экипаж. За Митьку!

Он же там — все еще привязанный ушами к релингу!

Господи, да там ли?

Яхта между тем выпрямлялась, и я бросился по ступеням вверх.

Митька был на месте. Только сырой насквозь. Я буквально сорвал его с релинга. Сунул беднягу под жилет и кинулся помогать экипажу, который укрощал полуспущенный мокрый грот. Оказалось, что под ударом шквала «Фиолент» лег парусами на воду. Хорошо, что никого не смыло...

Скоро грот подняли опять, уже со взятыми рифами. То есть с уменьшенной площадью.

Мне было неловко, что в самый опасный момент я оказался не с экипажем, а мазал свой дурацкий палец. И теперь я исполнял матросские обязанности с удвоенным рвением. Никто меня не упрекнул, а один из матросов — студент Сережа — спросил:

— Что у вас с ногой-то?

Я был босиком, брюки подвернуты, и на левой ноге от рубца ниже колена тянулась вниз размытая кровяная лента. Это я от качки споткнулся на трапе, и в ногу врезался окованный латунью край ступеньки. Сгоряча я ничего не почувствовал, а теперь болело.

Но я отмахнулся: сколько можно заниматься медициной! К тому же ноги были мокрые, а в морской воде много йода.

Главное, что Митька со мной! Я вздрагивал, думая, что сейчас он мог бы беспомощно болтаться в глубине...

Мы благополучно вернулись на стоянку. Другие яхты пришли сюда раньше и теперь «зализывали раны». Дело в том, что недавний шквал задел нас лишь краем, а «главный спектакль» он устроил у входа в Северную бухту, куда как раз входили парусники. Теперь меня все хвалили за то, что я надоумил капитана не возвращаться сразу в гавань, а пойти к Херсонесу. Благодаря этому крупная трепка нас миновала...

Когда разбирали, сушили и укладывали в рундуки яхтенное имущество, я повесил для просушки и Митьку — привязал ушами к оттяжке сигнальной мачты на берегу.

Чапа сидел под Митькой и смотрел на него неотрывно. С Митькиных лап капало. Иногда капля падала Чапе на нос. Он фыркал, мотал головой, но не уходил. Возможно, он учуял в тряпичном зайце живую душу и хотел установить с этим загадочным существом телепатический контакт.

Может, и установил, кто знает...

На память об этом плавании Олег и команда «Фиолента» сделали мне очень дорогой подарок — вручили потрепанный во многих штормах флаг своей яхты. С надписью в верхнем углу, над звездой:

«Капитану «Каравеллы от капитана и команды КГЯ «Фиолент», Севастополь, 1 сентября 1985 г.».

Для тех, кто не знает: КГЯ — это крейсерско-гоночная яхта.

Флаг до сих пор висит, растянутый на двери моей комнаты-каюты. Это военно-морской флаг старого образца, потому что яхт-клуб принадлежал Краснознаменному Черноморскому флоту. Теперь такие флаги, судя по всему, доживают на море последние дни. Политики двух суверенных стран делят единый Черноморский флот на два. На военных парадах в Севастополе можно увидеть перед колоннами белые флаги с голубыми крестами. С косыми, андреевскими — российские, с прямыми, георгиевскими — украинские.

Что ж, красивые и достойные флаги. И, видимо, более уместные в наше время, чем прежние — с красной звездой, с серпом и молотом. Но старый флаг по-прежнему близок моему сер-

дцу. Никогда я не был военным человеком, однако знаю, сколько славных дел совершили под этим флагом наши моряки. И песня «Севастопольский камень» — с детства у меня любимая. К тому же именно под этим флагом ходил я по Черному морю с друзьями...

Много лет флаг «Фиолента» благополучно провисел в моей каюте, но недавно пострадал — сильнее, чем в морских переделках. Мой невоспитанный молодой кот — не Макс, а другой, Тяпа (точная копия того портрета, что на этикетках кошачьих консервов «Felix») — в порыве юношеской резвости прыгнул с книжной полки на дверь. Сорвался, повис на флаге и разорвал его, балда такая, как раз на месте серпа и молота.

Я взял Тяпу за шиворот.

— Шпана! Скажи спасибо, что не прежние времена. Тебя могли бы обвинить в идеологической диверсии! А теперь что? Так, мелкое хулиганство... Пошел вон.

Тяпа раскаялся. Он подвывал за дверью, запускать в щель под нее лапы, царапал половицы, просился обратно и обещал, что больше не будет. Я, наверно, разжалобился бы. Но Митька из своего угла у электрокамина смотрел строго. Он считал, что я должен выдержать характер и не прощать бесполового кота, пока он не исправится окончательно.

Тяпа ночевал в коридоре, но, конечно, не исправился.

А я теперь гляжу на зашитый флаг и думаю про котов. Не только про своих — Тяпу и пожилого Макса, — но и про севастопольских. В том числе и про серого хулигана, который уронил мой аппарат. Из-за этого уличного обормота мы с Юросом и Митькой так и не снялись втроем. Поэтому фотография, где беспощадно остриженный угловатый мальчишка со школьным портфелем стоит на ракушечных плитах, оказалось последней памятью о черноморском детстве Юроса Вихрева.

Но злополучная стрижка его оказалась не последней.

Когда мы с Олегом пришли из яхт-клуба к ним домой, то увидели такую картину.

Юрос сидел посреди комнаты, закутанный в полотенце, а его мама ходила вокруг с ножницами (теми самыми, которыми оперировала брюки). На лице мамы было холодное бешенство. Однако причиной маминых эмоций был не притихший сын, а школьное начальство.

Оказалось, что на последнем уроке в класс Юроса опять явилась завуч и велела Юросу и еще нескольким мальчишкам «сегодня же привести свои волосы в порядок». Возмущенные объяснения Юроса, что он стригся накануне, твердокаменную педагогессу не поколебали.

— У тебя не голова, а клочкастая швабра!

— Почему в прошлом-то году вы ни к каким швабрам не придирались?

— Не придирались, вот и распустили вас! А в этом году у нас новый директор, и он требует, чтобы все ученики выглядели как полагаются!

После необдуманного заявления, что пускай директор, если ему так приспичило, стрижется сам — хоть до полной лысости! — Юрос был отправлен с урока с записью в дневнике и приказом «в таком виде больше здесь не появляться».

— Завтра у дверей будут дежурные, имей в виду!

Как можно привести в порядок все эти рожки, сосульки и клочки, которые остались на месте обрезанных кудрей, было совершенно непонятно. Разве только стрижкой «под Котовского». Но Юрос и мама такой вариант отвергли единодушно. И теперь Любовь Васильевна пыталась портновскими ножницами убрать наиболее торчащие клочки, чтобы завтра педагогический гнев не обрушился на эту многострадальную голову.

— Завтра пойдем в школу вместе, — пообещал я. — И там поглядим...

Юрос и Люба повеселели.

9

На следующее утро я встретил Юроса недалеко от школы. Проводил до высокого крыльца, куда сбежался шумный пионерско-октябрятский народ. Юрос помахал мне рукой и мимо дежурных старшеклассников скользнул в школьные двери. Пронесло.

Я сел напротив крыльца, на скамью под густыми каштанами. Было много знакомых ребятшек. Подбегали, здоровались со мной и Митькой, которого тоже знали. Саня Дальченко подарил ему амулет из плоской ракушки на нитке, а два третьеклассника — Данилка и Кирилл несколько лаковых коричневых каштанов и значок «Севастопольская панорама».

Юрос больше не появлялся, и я решил, что все в порядке. Неторопливо двинулся к ларь-

кам у Центрального рынка, непедagogично помышляя о кружке холодного пива.

Мечте не суждено было сбыться — встрепанный Юрос догнал меня у самого ларька.

— Дядя Слава! Ну что это такое! Опять не пускают!

— Но ты же прошел!

— Прощел, положил портфель и опять вышел, чтобы с ребятами поиграть! А потом захотел обратно, а там у дверей химик!

— Кто?

— Директор новый! Он раньше простым учителем был, у старшеклассников, а теперь сделался директором! И командует...

Не хотелось мне в это хорошее утро скандалов и разборок. Хотелось пива. Но что делать-то? Юрос на меня смотрел как на всемогущее существо.

— Идем, горе мое...

Юрос на своих журавлиных ногах замаршировал впереди. Он заранее предвкушал посрамление химика-директора и торжество справедливости.

У школьного крыльца народу было больше прежнего и ребячий гомон стал громче. В нем сквозь веселые пробивались обиженные крики.

Вслед за Юросом я протиснулся к ступеням. Юрос оглянулся.

— Вон он, директор! У дверей!

У входа в школу командовал маленький, похожий на восьмиклассника, но со взрослым лицом мужичок. Он вскрикивал высоким боевым голосом и ловко действовал руками. Вот спрыгнул с крыльца (чтобы не упасть от толчка) лохматый рыжий парнишка. Вот врзался в толпу и затерялся в ней чем-то не угодивший новому директору мой знакомый второклассник Руслан...

— А это что за фокус! — Директор ухватил за локоть девушку в синем платье и белом форменном переднике. Большую — наверно, десятиклассницу (он сам был ей ростом до уха). — Почему с сережками! Это что за мода являться в школу украшенной, как новогодняя елка!

У девушки на мочках ушей и правда блестяли бирюзовые шарики. Она хотела что-то ответить, но химик ухватил ее за локоть.

— Ну-ка, назад! — И развернул так, что бедная выпускница крутнулась вокруг оси, как манекен на вращающейся подставке.

Мне уже не хотелось пива. Мною теперь двигали отточенные бойцовские рефлексy. Те, что крепили целых двадцать пять лет — все годы, когда я был командором «Каравеллы». Четверть

века я активно внушал деятелям советской школы, что ученики — это люди. И что обращаться с ними надо как с людьми.

Я шагнул ближе.

— Прошу прощения. Не имею удовольствия знать, как вас зовут, но меня проинформировали, что вы возглавляете данное учебное заведение...

— Ну и что? — запальчиво сказал директор. Он часто дышал (хорошо поработал). Лицо его резиново морщилось.

— Мне показалось, что... н-не совсем так возглавляете. По крайней мере в данный момент. Я убежден, что нам есть смысл побеседовать на эту тему.

— Вы, собственно, кто такой?! Вы чей-то родитель?

Я заверил новоиспеченного директора, что действительно родитель, но, к счастью, дети мои совсем в другой школе. А здесь я не в роли обиженного папы, а в роли корреспондента «Учительской газеты», в чем легко убедиться, взглянув вот на это удостоверение.

Лицо у директора изменилось. Одна щека осталась сморщенной, другая же сделалась гладкой и серой, как старая подошва. В глазках появилось тоскливое недоумение. Только что он был царь и бог, наверху педагогического Олимпа, и вот на тебе...

Кругом стояли притихшие дети. Слушали. Почтительно и, по-моему, с удовлетворением. Только Юрос ускользнул в глубину школы (я мигнул ему, чтобы ловил удачную минуту). На выручку коллеге двинулась полная дама (наверняка, завуч). Она была поопытнее директорановичка и внушительно заявила, что беседе «товарища корреспондента» и главы школы следует протекать в кабинете, а не на глазах у девочек и мальчиков, которым пора на уроки.

Я не возражал. Заметил только, что уважаемым учителям тоже, наверно, пора на уроки. А мы с товарищем директором обсудим ряд школьных проблем один на один.

Директорский кабинет хранил запахи недавнего ремонта. На полированном столе дрожали солнечные зайчики. За этот стол директор и уселся. Здесь он ощутил прежнюю уверенность. Указал мне на стул и сообщил:

— Я готов выслушать ваши объяснения.

— М-м... это я рассчитывал на ваши объяснения. Для начала — о том, какими министерскими правилами руководствуется директор данной школы, применяя к неугодным ученикам

столь радикальные меры: сталкивание с крыльца, толчки, хватания за руки...

— Ну что вы! Зачем вы так... преувеличиваете!

Оказалось, сто мальчика-второклассника он просто дружески хлопнул по плечу, чтобы тот сбегал домой за забытой октябрятской звездочкой. Девушку с сережками слегка придержал за локоть, когда она бесцеремонно хотела мимо него протолкаться в школу... А что касается причесок...

— Ну, согласитесь, что у нас советская школа с едиными требованиями, а не ансамбль этих... битлов волосатых!

В чем-то убеждать его было бесполезно. И я сказал, что мне очень грустно. Грустно вставлять в репортаж о сентябрьских днях севастопольских школ эпизод о директоре, который хочет видеть своих воспитанников остриженными под одну гребенку. И который в свои педагогические методы включает элементы рукоприкладства.

Я не врал. Действительно у меня была мысль написать лирический репортаж о начале учебного года в Севастополе и отдать моему другу Володе Матвееву, который возглавлял тогда «Учительскую газету». Он был один из тех, кто в те годы активно двигал в жизнь передовые школьные идеи — Педагогику сотрудничества.

Никакого репортажа я тогда не написал — увяз в романе «Острова и капитаны» (в котором тоже очень много было о Севастополе и есть даже случай, когда мальчишку не пустили в школу из-за длинных волос). И мне до сих пор неловко перед Володей, которому я обещал такой материал. Неловко, хотя Володи уже несколько лет нет на свете, а «Учительская газета» теперь не та, что прежде.

Но в момент беседы с директором я искренне верил в свои планы, а директор верил мне. И все больше тосковал в душе. Тоска эта проступала в его взоре. Только-только началась его начальственная карьера — и тут такая торпеда! В подводную часть. О, как он ненавидел меня!

Он улыбнулся, побарабанил пальцами и сказал, что за чем уж сразу так уж и в газету. Можно же разрешить конфликт, не вынося его на широкое обсуждение.

Я сказал, что можно разрешить, не вынося. Главное, чтобы ребята не страдали от чрезмерного административного рвения.

Директор заверил, что страдать они не будут.

— В конце концов главное, чтобы детям всегда было хорошо. Эта наша общая задача, не правда ли? — попытался он подвести итог.

Я сказал, что разделяю директорскую точку зрения на такую общность задач. Он приободрился. Мы немного поговорили о трудностях педагогики. Под конец директор на всякий случай слегка запечалился опять:

— Ну и порой случаются, конечно, срывы. Вроде... тех, на крыльце. Все-таки, понимаете, дети, они, знаете ли... Порой ломается что-то внутри. — В голосе директора прорезалась доверительность: — Иногда руки так и чешутся. Взял бы негодника за шиворот да и врезал по загривку... Ну, вы же говорите, что сами работаете с детьми! Неужели у вас никогда не возникло такого желания?

Двадцать пять лет «Каравеллы» пролетели, как говорится, перед моим внутренним взором. И... нет, честное слово, не помнил я, чтобы хотелось дать кому-то пинка или подзатыльника. Несмотря на то, что пацаны были разные и происшествий с ними случались «всякие»... Но он же все равно не поверит!

— Мало ли какие желания, — сказал я, — возникают в глубине человеческой природы. — В такие моменты особенно важно следить за своими руками. Лучше всего их просто держать по швам.

Он покивал:

— Да-да, безусловно... Только... иногда так закипит в душе, что кажется: ты такой же, как эти... сорванцы. Этакая школьничья горячность. Так бы и сцепился с обидчиком, будто пятиклассник... Кто-то из знаменитых сказал, что детскость сидит в человеке до старости...

— Это сказал Александр Степанович Грин: «Детское живет в человеке до седых волос».

— Ну да, ну да... В каждом это бывает... — Он улыбнулся теперь с видом несмелого заговорщика. — Вот и вы, я вижу, отдаете, так сказать, дань... детскому увлечению. Когда носите с собой этого... — Директор смотрел на сумку, что стояла рядом с моим стулом.

О, черт! Я же совсем забыл про Митьку! Не подумал, что надо упрятать его! Митькина голова с истрепанными ушами торчала наружу. Митька смотрел на директора с дерзким и насмешливым любопытством.

Я мигом сообразил: нельзя показать ни смущения, ни растерянности.

— Да! Это же герой книжки о вашем городе! «Трое с площади Карронад»! Она есть в вашей школьной библиотеке! Этого зайца тут знает множество ребят, я принес его повидаться со знакомыми. Не получилось...

Директор помигал. О книжке он, конечно, ничего не знал да и мою фамилию слышал, кажется, впервые.

Я поставил сумку на колени. Фамильярно нажал на пластмассовый Митькин нос.

— Нечего тут торчать, брысь внутрь, бродяга...

То ли от этого нажатия и толчка, то ли в силу странного совпадения в тот же миг в сумке ожил фотоаппарат. Точнее, заклинившийся механизм автоспуска. Теперь он «расклинился» и несколько секунд жужжал в наступившей тишине.

Директор слушал жужжание с остановившимся лицом.

— Это... у вас что?

— Что?

— Ну... вы надавили, а он... включился... Или выключился?

Я вдруг понял: директору показалось, что от нажатия на нос внутри у Митьки сработал какой-то механизм.

— Так, бытовая техника, — небрежно бросил я.

— Звукозапись, что ли?

Он, видимо, решил, что в брюхе тряпичного зайца спрятан диктофон и теперь неосторожные директорские высказывания, как иногда «чешутся руки», зафиксированы на пленку.

Мне бы успокоить беднягу. Но... действительно «детское живет в человеке до седых волос». Я погладил брезентовый бок сумки.

— Не волнуйтесь. Митька умеет хранить тайны. То, что у него внутри, останется там навеки... Ну, не смею больше отнимать у вас время...

Директор проводил меня по опустевшему школьному коридору (давно уже шли уроки). У выхода он со знакомой уже печальной доверительностью произнес:

— Думаете, нужно мне это директорство? Просто некому больше школу поднимать... до уровня... Говорят, нужна крепкая мужская рука. А по мне простая учительская должность спокойнее во сто крат...

Я сделал вид, что поверил. И «посочувствовал»:

— Понимаю вас. Но что поделаешь. Как говорится, назвался груздем, полезай в кузов...

И протянул руку.

И поразился.

Лицо директора исказилось резиновыми складками. Глаза метнули два пучка бессильной ненависти. Он отдернул свою руку и, горбясь, пошел, почти побежал к своему кабинету.

А что я такого сказал?

Я пожал плечами и вышел из школы. Спустился с крыльца в тень каштановой аллеи. Открыл сумку, опять высунул Митькину голову.

— Смотри на приморскую красоту. Скоро домой...

Плясали на асфальте солнечные пятна, падали сверху спелые каштаны. Один тюкнул меня по темени, другой упал прямо в сумку — подарок Митьке.

Мы поехали на Северную сторону, побродили по тенистому Братскому кладбищу среди заросших мраморных памятников и покрытых лишайниками плит на общих матросских могилах. Потом ходили над морем по обрывам и наконец спустились к Учкеевскому пляжу. Там я долго бултыхался и нырял среди гребней — шла довольно крупная волна. Митька смотрел с песка осуждающе и с опаской: «Хватит дурачиться, не маленький...» Но я все не выходил на берег. Когда еще снова попаду в этот город, к этому морю? Да и зачем, если здесь не будет друзей...

Вечером опять мы с Митькой пришли к Вихревым. Юрос и Алька на дворе выколачивали половики.

— Как дела? — спросил я у Юроса.

— Нормально! Никто больше не приставал! А Груздь вообще такой вежливый сделался...

— Кто?

— Ну, директор! Груздь!

— Его так десятиклассники прозвали. — объяснил Алька. — Еще когда он был не директором, а только в школе появился.

Вот это да! Понятно, почему он так вознегодовал в ответ на невинную поговорку! Но я же не хотел! Я не нарочно... А он, небось, решил, что я специально обхамил его. Прямо хоть иди завтра да извиняйся. Но что сказать? «Простите, я не знал, что вы Груздь»?.. Тьфу...

Я досадливо зашагал к подъезду.

— Дядя Слава, а почему вы хромаете? — окликнул Алька.

— Разболелась нога, черт ее возьми. После вчерашнего... — Я поддернул штанину. Вчерашний рубец воспалился, вокруг появилась краснота и припухлость.

— Ох, да вы идите скорее в комнату! Чапа вас вылечит языком! Он всегда всем на «Фиоленте» раны вылизывает, у него слюна лечебная! — наперебой заговорили Юрос и Алька.

Я опасливо засомневался. Чапа, конечно, очень милый пес, но все-таки... а вдруг у него в слюне бактерии какие-нибудь?

Но появившийся в дверях Вихрев-старший подтвердил, что Чапа на «Фиоленте» — все равно что корабельный лекарь. Всем врачует ссадины, рубцы и порезы.

Пока мы сидели на кухне за прощальным ужином, Чапа под столом лизал мою ногу. Долго, не менее получаса. А Митька сидел у ножки стола — надутый и обиженный: почему его не угостили. Наконец я обмакнул палец в стакан с портвейном и мазнул Митьке под носом. И почувал, что он доволен.

Чапа чихнул — тоже с удовольствием.

— Вы его с собой увезете? — спросил я с опаской: а вдруг решили оставить здесь, у кого-нибудь из знакомых? Путь к Тихому океану ох какой не близкий.

— Куда же мы без Чапы, — серьезно отозвался Вихрев-старший.

— Куда же мы без Чапоньки! — подхватил Юрос. И полез под стол — приласкать любимца. А заодно и Митьку...

Нога у меня зажила очень быстро.

Я думал о черном мохнатом Чапе с благодарностью. И с грустью. Его хозяева когда-нибудь вернуться на эти берега. А пожилому пуделю едва ли придется вновь увидеть родной дом и знакомый яхт-клуб. Собачий век не столь уж долог.

10

Я ошибся. Чапа вместе с семейством Вихревых достойно «оттрубил» весь камчатский период их жизни и вернулся-таки под ласковое крымское солнце — почти через десять лет. И здесь уже скончался от старости.

Надо сказать, не самая плохая судьба для пса: и пожил немало, и повидал разные земли, и побывал в океанских плаваниях, и даже получил почти официальный титул «корабельного доктора» (почти как знаменитый Лемюэль Гулливер). И был похоронен с печалью и почестями недалеко от дома, на пятачке родной кремнистой земли среди трех кипарисов...

Вихревы, когда жили на Камчатке, порой присылали письма. А глава семейства — странное описание своих яхтенных плаваний — более дальних и драматических, чем на обжитом Черном море — все же Тихий океан. Даже в Америку, на Аляску, удалось сходить. Попадал в ураган, однако все обошлось...

Алька Вихрев не сделался корабельным плотником, как обещал в детстве перепуганной маме. Он закончил школу мичманов и стал служить

на подводной лодке. Прислал однажды снимок, где он при полном параде, с кортиком.

— Смотри Митька. Помнишь третьеклассника с перевязанным ухом, которое он чуть не оторвал, падая с дерева? В семьдесят восьмом году...

Юросу повезло с военной службой меньше. Вернее, не повезло нисколько. После школы забрали его в войска связи, в какую-то спрятанную в тайге часть, где, по его словам, и офицеров-то почти не было, одни сержанты. «Те» еще сержанты... И мальчик Юрос, юный музыкант и поэт, в полной мере хлебнул радость общения с «дедами» и «дембелями».

Он присылал мне иногда письма со своими стихами. В этих письмах не было жалоб, иногда лишь пробивалась грустная нотка, печаль о родном доме. И подробности я узнал позже, из писем его отца.

Юрос не был домашним ребенком и этакой утонченной беззащитной личностью. К восемнадцати годам он владел не только рифмами и гитарой, но и кое-какими приемами восточных единоборств. «Деды» в этом скоро убедились. Но что Юрос (все-таки еще мальчишка) мог сделать против тупых и безжалостных «дембельских» порядков? Так и тянул свою армейскую ляжку — между казармами и госпиталями, куда попадал после разборок с «товарищами по оружию».

После очередного скандала перевели его в Петропавловск. Но и там все было так же. Не мог Юрос понять, почему он должен быть не солдатом, а «шестеркой» у тупоумного, воняющего водочным перегаром быдла...

От греха подальше отправили его дослуживать срок в «тихое место», в котельную. Но в котельной кучковалась своя компания. «Чурки», как объяснил мне потом Юрос. Не знаю, что он имел в виду — особый интеллект «котельщиков» или их принадлежность к какой-то шайке. Так или иначе, Юрос не вписался и в этот доблестный армейский коллектив. Настолько не вписался, что однажды чурки топором прорубили ему грудь. Из армии Юрос вернулся с поперечным шрамом на своей впалой, еще совсем ребячьей груди. Вернулся в Севастополь. Семья снова жила там, в старом доме на Бакинской.

Дом был — родной. Море — родное. А город... непривычный, непонятно чей. С ошетенными людьми, с митингами на площадях, с незнакомыми флагами на улицах...

Юрос начал работать с отцом на верфи, строить яхты по заказам новоявленных миллионеров. А еще ходил с местными ребятами в походы и продолжал сочинять песни.

Один раз он приехал к нам в гости. На Урал. Пел свои песни мне, моим сыновьям и ребятам из «Каравеллы». И Митьке.

Они с Митькой сразу узнали друг друга.

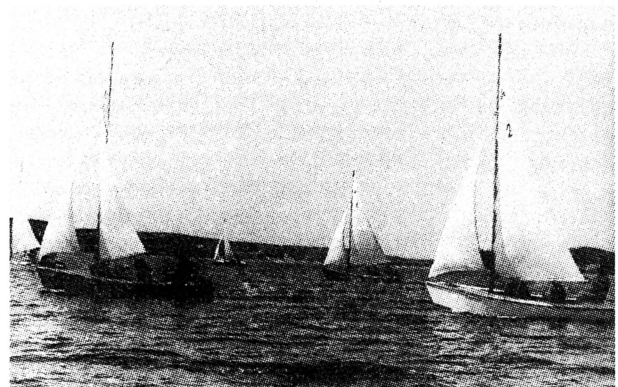
Митька с возрастом стал совсем оборотом. Свой оранжевый комбинезон он сменил на другой, из лилового вельвета, но и его со временем истрепал. И глаз он все-таки потерял (не так давно, когда эта повесть была уже дописана до середины). Потерял окончательно, утопил его в Верх-Исетском озере во время штормовой передряги. Но «повязку Билли Бонса» носил Митька недолго. Я нарисовал ему левый глаз черным фломастером — не такой красивый, как прежний, но все-таки выразительный и живой.

Юрос тоже выглядел не так, как прежде. Но в этом худом темноглазом парне угадывался прежний юнга с «Фиолента» — курчавый длинноногий пацаненок со звонким голосом и характером мушкетера.

Юрос подарил нам свою картину. На ней — черным силуэтом — мальчишка у береговой черты. Стоит к нам спиной и смотрит на громадное заходящее солнце. Море перед ним — как безграничное оранжевое небо. А небо над ним — как покрытое черными штормовыми волнами, с пенными гребнями море. Перевернутый мир, перевернутая жизнь...

Но мальчик спокоен, лишь слегка напрягил разведенные локти. Может быть, он знает: это не закат, а восход? И может быть, в опрокинутой вселенной все встанет когда-нибудь на свои места?

Иногда я включаю магнитофон с песнями Юроса. Есть песни о любви. О несчастной (не обошла Юроса чаша сия). Есть о море и парусах. А есть такая:

Флотилия «Каравелла», которую до сих пор не покидают Митька и автор.

Наверно всем нам очень повезло —
Жить в эти дни великих потрясений.
Но как понять: откуда это зло?
Откуда черный снег в поре весенней?

Честно говоря, я излагаю песню Юроса своими словами. В своем ритме и со своими рифмами. Потому что она у него — вся на аккордах, рвущих струны и нервы. Порой — на яростном крике. И без нот, без мелодии это на бумаге не передать. Но мысли и боль, и это вот «мне не понять!» — все его, Юроса.

Мне не понять, как быть самим собой,
Любить девчат, смеяться, песни слушать,
Когда друзей погнали на убой,
Когда калечат им тела и души.
Забрызган красным весь телеэкран,
И мой ровесник зажимает рану.
И кажется: откроешь в ванной кран —
И не вода, а кровь пойдет из крана.
Мне не понять, откуда этот свет —
Не солнечный, а муторный и ржавый.
И почему кораблик «Фиолент»
Между собою делят две державы...

Дело в том, что две державы пытаются поделить не только боевой черноморский флот, но и все принадлежащие ему суда, в том числе и самые маленькие. И никто не знает, на чьей стороне окажется принадлежащий флоту яхт-клуб.

Вихревы пишут, что, кажется, клуб не нужен ни той, ни другой стороне. Ни у кого нет денег, чтобы содержать спортсменов. И яхтенные капитаны опасаются, что, когда хозяин определится, он тут же сплавит спортивные суда в руки частных владельцев. За валюту.

С этой тревогой сейчас, весной девяносто шестого года, и живут мои друзья, моряки Вихревы, в старом доме, в Артиллерийской слободке, что недалеко от бухты с таким же названием. Их тревога — одна из тысяч тревог, с которыми живем мы все...

У Митьки тоже свои тревоги. Он сидит в углу у электрокамина и двумя глазами — пластмассовым и нарисованным — смотрит в окно. За окном конец апреля, но ничего похожего на весну. Косо летит серый снег.

«Будет ли когда-нибудь лето?» — думает Митька.

Я сажаю его на колени.

— Будет, Митька, лето. И опять спустят на воду твой «Румб» и привяжут тебя к штагу, над форштевнем, и ты помчишься над волнами...

— Правда?

— Абсолютная правда... У тебя впереди еще не одно лето. Много. И ты наверняка еще увидишь радостные времена. Тряпичные зайцы, они ведь надолго переживают своих владельцев.

Митька сердито ворочается, ему не по душе такие разговоры.

— Не всегда, — спорит он. — У тебя уже был один тряпичный заяц. Где он?

Я вздыхаю. Не знаю, где тот заяц, которого так и звали — Заяц.

— Я был тогда маленький, я не виноват...

— Ну и помалкивай... — Митька ошутимо сопит. Все-таки он на самом деле живой. Может, потому, что он частичка меня самого. В нем какая-то доля моей души. А еще в нем тепло тех людей, которые держали его в ладонях. Все это — хорошие люди, к плохим он на руки не идет...

За окнами — ребячьи голоса. Мальчишек не удержишь дома даже в такую погоду.

— Наверно, бабу лепят, — говорю я. — Запоздалую, весеннюю.

— Или змея запускают...

— При таком-то снеге!

— Ну и что... А помнишь, ты еще в прошлом году обещал, что попросишь ребят сделать большого змея и привязать меня к хвосту, чтобы я увидел землю с высоты?

Митьке немало пришлось плавать и ездить, а летать — ни разу.

— Ладно, будет тебе змей. Дождемся лета...

В самом деле, надо, чтобы Митька глянул на землю с высоты птичьего полета. С такой высоты земля все еще кажется красивой. По крайней мере там, где нет ни пожаров, ни пушечной и ракетной стрельбы.

26 апреля 1994 г. — 28 апреля 1996 г.

Черное море у берегов Херсонеса, под Севастополем.
Эти берега Митька и автор вспоминают каждый день.

ЮНИЙ ГОРБУНОВ

ПОЯС ЕВДОКИИ

Уже не единожды приходилось констатировать, что женщины Руси великокняжеской светят нам как печальные луны — не своим, а отраженным светом. Судьбой, личностью мужей, отцов, сыновей, коих летописная история рельефнее обозначила на своих скрижалях, как бы подтверждая тем самым расхожую истину: жизнь сотворена мужчиной и для мужчин. Евдокия — жена Дмитрия Донского — тому еще один пример.

Княжение на Руси Дмитрия московского было богато событиями. Этот великий князь прекрасно олицетворяет русско-славянскую натуру с ее кричащими крайностями. «Калита и Симеон, — писал Карамзин, — готовили свободу нашу более умом, нежели силою». «Сорок лет, — вторит Карамзину Забелин, — Москва наслаждалась общеземской тишиною». С вокняжением Дмитрия наступило время меча. Едва ли не последние деньки доживала при нем удельная Русь, Русь великокняжеская. Подходил черед Руси царской, самодержавной, прямо срисованной с небесной иерархии.

Девочка-княгиня

Венчать 13-летнюю Евдокию вели не в Москву, а в Коломну, вотчину великого князя.

Москва минувшим суховеяным летом 1365 года выгорела дотла. Говорят, полыхнуло у церкви Всех Святых, что стояла в Чертолье, у глубокого рва с ручьем, близ нынешнего храма Христа Спасителя. А была ветряная буря и сухмень, так что головешки кидало через несколько дворов. Московяне, похоже, и не противились этой божьей каре. За пару часов от Кремника, его дубовых стен, от княжьих палат, не говоря о прочих деревянных строениях, остался лишь пепел. Только страшные закопченные остовы пяти белокаменных храмов вопияли на пепелище.

А Коломна о «великом всесвятском пожаре» на Москве будто и знать

ные побуждения не из чего не возникают. А отсвет просвещенного отца ложится и на нашу героиню).

Еще говорили, что стараниями боярских воевод прибрал ее Митя к рукам выморочные после чумы удельные княжества — стародубское, галицкое, ростовское... Что два года назад унесла та моровая чума мать его — великую княгиню Александру и младшего брата Ивана, и что остался Митя сиротой в окружении боярской родни и под опекой всевладыки Алексия. Что великое княжение на Москве щедро делит он с братом двоюродным Владимиром серпуховским, с коим они с раннего детства неразлей вода.

И вот этот Митя, великий московский князь, замирившись, наконец, с отцом ее, прислал к ней на Суздаль сватов...

Евдокия не сняла варежек, протянув князю руки, но улыбка на ее раскрасневшемся личике получилась такая открытая, такая восторженная, что Дмитрий тоже зарделся и отшагнул к боярам и митрополиту.

Девочка Евдокия поняла, что это го князя будет она любить всегда.

Едва ли не большее еще впечатление, чем юный князь, произвело на Евдокию венчание в Воскресенском коломенском храме. Оно и само по себе для девочки, резко поставленной на черту перехода в новое качество, — событие из ряда вон, а тут еще явилось юной паре НЕЧТО в лице молодого иерея отца МИТЯЯ.

Церковь Воскресенья была хорошо протоплена, и веселого глазастого народа набилось в ней полно. И по притихшим рядам бояр нарочитых и попроче, гридней из князевой охраны, прочего, наконец, люда из коломенских мастеровых слобод и посада прошел как бы восторженный гул, когда у престола появился отец Митяй, коему доверили венчание великокняжеской четы.

Молодой, высокий, длинные волосы и борода вороновым крылом обрамляли матово бледный лик его, на котором так необычно для пастырского обличья мерцали карие, влажные, почти женские глаза с поволокою и полные, четко очерченные, губы.

Днем как обруч,
Ночью как уж,
Кто отгадает,
Будет как муж.
(Загадка)

не знала. Ликовала красно вырванным народом, колоколами, ослепительными на солнце снегами крыш... Ведь не сгори Москва, не видать бы Коломне великокняжеской свадьбы!

Девочке Евдокии все было здесь в диковинку, и от всего ей хотелось запрыгать и захлопать варежками. Сердечко так и билось, так и билось под шубкой.

Перво-наперво, конечно, великий князь — высокий нахмуренный отрок в собольей шапке, зеленого сафьяна сапогах и при мече. Чего только не говорено ей о юном князе в материнских палатах суздальских! Что-де отнял у отца ее, купил тяжелыми гривнами и митрополичьей хитростью ярлык на великое княжение во Владимир-Суздале. Мите, сказывают, было тогда девять лет, а ее отцу, князю суздальскому, едва ли не за сорок перевалило. Евдокия, сравнивая их — старого и малого — почему-то тихонько прыскала в ладони.

(Отца ее тоже звали Дмитрием, но по причине близости и незадачливого соперничества с великим князем добавляли еще и крещеное имя. Так и ходил он в народе, а потом и в летописях Дмитрием-Фомой. Был князем неудачливым в политике, но, похоже, высокоумным: по его заданию монах Лаврентий создал копию летописного свода начала XIV века, известную сейчас как Лаврентьевская летопись. Мы знаем, что подоб-

Подошел, положил осторожную длань на голову Евдокии да словно бы и не снимал ее с головы на протяжении всего троекратного обручения и шествия кругом святого креста. Голос благословения был звучен и одновременно тягуч, теплым дождиком ниспадал сверху. Евдокия слышала и не понимала слов сего дождя, а только чувствовала на голове как бы теплое шевеление пальцев-струй...

Впервые такое происходило с ней в храме — ощущение таинства, благодати, пришедшей то ли с голосом-дождем, то ли от взгляда карих, чуть смеющихся глаз отца Митяя. Словно не сама она отдавала руку для обручального кольца и надевала другое на палец суженого, не сама шла и шла вокруг аналогии с сияющими крестом и Евангелием. Но так хорошо, так тепло было от незримой руки, возложившей венец, протянувшей ей полную чашу...

Першая же под фатой сердечкоavorило ей, что происходит нечто значительное, и из-под благословения отца Митяя выйдет она совсем другой Евдокией. Хоть и девочкой еще, но уже княгиней.

На той же коломенской свадьбе Дмитрий-Фома подарил своему юному тезке и зятю золотой пояс — «на чепех с камением». Подарок дорогой и значительный, может быть, по малолетству и не оцененный великим князем.

Пояс на Руси испокон, с языческих времен был знаком многосодержательным. Неперепоясанный мужчина олицетворял бессилие во всех его проявлениях; отсутствие пояса на женщине было знаком ее неверности. Вспомним причину столь трагического гнева царя Ивана Грозного, за коим последовало нечаянное убийство им сына: в женских покоях царь встретил невестку свою простоволосой и неперепоясанной...

Уж не был ли тот пояс Дмитрия-Фомы подарен князю с коварной памятью о недавнем их соперничестве за великий стол? Ибо большой престольной заматней аукнулся он позднее для Московской Руси. А начало той сваре, если верить летописной легенде, положено было здесь, в Коломне.

Великий князь, получив подарок, передал его для водворения в казну тысяцкому Вельяминову, как помним, — дяде, и тот, якобы, положил глаз на дивный пояс и, пользуясь в те поры у князя доверием родственным и неограниченным, пояс тот прибрал к рукам, а в казне заменил его поясом поплоче.

Драматический этот сюжет продолжится позднее и при участии другой замечательной женщины Древней Руси.

На крыльце златоверхом

На пепле и головешках сгоревшего Кремля поднялся перво-наперво великокняжеский двор с высоким — под золотым верхом — теремом юной княгини. Не по дальновидному ли ее капризу высоко над берегом Москвы-реки* вознесли плотники дубовое крыльцо и любовно разукрасили его резными колоннами-балясинами. Крыльцом этим терем княгини смотрел на Замоскворечье, на Ордынскую дорогу — сколько раз придется ей провожать своего князя и ждать-высматривать его возвращение!

А пока, поселившись в пахнущем смолой дворце, наблюдала Евдокия бесконечные обозы по Москве-реке (летом — суда, зимой — сани), что везли из-под села Мячкова белый камень-известняк.

Рогожский летописец повествует так: «Тое же зимы (значит, 1367 года. — Ю.Г.) князь великий Дмитрий Иванович, погадав с братом своим с князем с Володимером Андреевичем и с всеми бояры старейшими и сдумаша ставить город камен Москву, да аще умыслиша, то и сотвориша. Тое же зимы повезоша камение к городу».

Историк Забелин, не подверженный пристрастию летописца, наверно, более прав, считая, что идея каменных стен Кремля принадлежит пре-

старелому и мудрому митрополиту, а не 16-летнему князю-отроку. Еще раньше Алексей начал возводить на пепелище митрополичий Чудов монастырь с белокаменной церковью во имя чуда Михаила Архангела в Хонех. Алексей пребывал ближе к Богу, а потому и грешнее был других в деле поспешного и не всегда правого возвышения Москвы. Москва при Алексии не думала о душе, а пеклась о теле — словно предвидела и литовские набеги, и тверскую смуту, и конечно грядущее мамаево испытание.

Но и то надо сказать, что и старец-митрополит, и вельяминовское семейство — вторая после князя сила на Москве — не могли не ликовать втайне, видя, какая могучая великодержавная власть зреет в юном самодержце боярско-княжеских кровей. И угождать ему уже надобилось, и боярскую суть в князе уберечь.

Дышать боялись и на Евдокию. Чувствовали, как они с князем уже в Коломне, под рукой попа Митяя ладно прильсли друг другу. Капризы девочки-княгини были капризами самогo великого князя. Не жалели древоделы сил и времени, что бы «набережный» княгинин терем был у всей Москвы на виду, и, равняясь на него, поднималась бы скорее Москва из пепла.

Много видела со своего крыльца Евдокия.

Видела, как наперегонки возводили нарочитые бояре из камня отведенные им участки кремлевской стены и башни, их именами потом и обозначенные: Свиблова, Беклемишевская, Собакина, Тимофеевская... Последняя ставлена Тимофеем — братом тысяцкого. По сути, что ни боярин в совете великокняжеском — то башня кремлевская.

И начало большой тверской смуты не прошло мимо глаз Евдокии.

Окруженная комнатными боярынями, она редко видела своего князя, а жила и довольствовалась теми слухами и пересудами, что приносили ей, девочке-княгине, боярыни и боярышники, к ней приставленные и во множестве посещавшие гостеприимный терем юной великой княгини. По всему видно, что Евдокия затворницей не жила, да и терем великокняжеских времен — еще совсем не то, чем он стал в последующую пору царей.

* В виду уже знакомого нам Спаса на бору, но значительно ближе к берегу Москвы-реки, по-видимому там, где чуть позднее возникла церковь Благовещения — вторая (после Спаса на бору) домовая церковь великих князей. Это — на месте нынешнего Благовещенского собора Кремля.

Началась та смута для глаз незаметно. Прибыл, сказывали боярыни, на Москву тверской, то бишь микулинский* удельный князь Михаил Александрович с боярами. Здешняя молва еще не была к нему особенно гневлива, чтя его отца-мученика и памятуя страстные сimeoновы усилия помирить и породнить два великих Дома. Тем паче, что прибыл Михаил с доверчиво поднятым забралом, надеясь, что митрополит и великий князь рассудят его давние споры с князьями-родичами.

Дальше и суровее молвы глядела московская боярская верхушка. Она была явно на стороне дяди михайлова — Василия кашинского, князя, по всей видимости, заурядного, но облеченного титулом великого князя тверского. Москве на руку были тверские междоусобия, а усилий Михаила по собиранию тверских земель она боялась. Тем более, что за спиной Михаила стоял его свояк — сильный, хитрый и себе на уме литовский великий князь Ольгерд Гедиминович (как мы помним, второй его женой стала сестра Михаила и великой княгини Марьи Александровны — Ульяна, женщина, похоже, по характеру сильная, влиятельная на Литве и по-родственному благоволившая брату).

И вот заговорили в женских хоромах княгини, что вместо почестей и обильных застолий обернулся сей визит для Михаила заурядным пленением. Бояре от него удалили, а сам он «седел на Гавшине дворе»** — от него ждали уступок и крестного целования.

Боярыни, как и молва московская, то жалели красавца-князя, а то прыскали в передники. Соленые и сладкие слезы на Руси вперемежку бегут.

Девочка-княгиня тоже готова была заплакать — князь Дмитрий впервые озадачил ее непредсказуемостью и какой-то банальностью своих поступков. Она, может быть, и вовсе не заметила

бы смуты, но случившееся приблизилось к ней тем обстоятельством, что женой князя Михаила была ее родная тетка, отцова сестра, тоже Евдокия (Овдотья). Которая сейчас, сокрушалась княгиня, должно быть, места себе не находит в своем Микулине.

Но чем-то и еще большим обидел князь. Словно бы в какой-то момент сравнялся для нее со всем окружающим людом, предстал таким, как все, и оставил ее одну в их высоком безоблачном и теперь враз опустевшем мире. Евдокия отчаянно, по-детски испугалась этого одиночества и тем же вечером в опочивальне приступила к князю — взгляд полный отчаяния, голос не ее, чужой. Как часто потом он будет столбенеть от такого моментального превращения Евдокии, от ее готовности пойти на самую крайнюю жертву.

Но нынче девочка-княгиня глянула на Дмитрия, спросила что-то и тотчас поняла, что нет, это не он пленил микулинского князя. Бояре «башенные»? Митрополит Алексей? Она не знала. Но не он. И засмеялась облегчающими слезами и, повернувшись, опрометью бросилась из опочивальни.

В ту пору, едва ли не кстати, объявились на Руси какие-то ордынские килчи, похоже что благоволившие микулинскому князю. Бояре на Москве ступевались и поспешили отпустить Михаила от греха. Но смута успела-таки угнездиться и в душе князя, и в тверской округе: Москва-то, глянь, что вытворяет, все под себя гребет.

А в Кашине между тем преставился тверской великий князь Василий Михайлович, и теперь по старшинству великим стать подобало Михаилу. Державной Москве это вовсе не глянулось, и бояре стали подбивать Дмитрия послать на Тверь войско и пострадать микулинского князя, а заодно и своего наместника водворить в Новом Городке на Волге, что совсем недавно укрепил и обустроил Михаил*.

Дмитрий пошел сам — это был первый самостоятельный поход князя. Московляне пожгли тверские го-

рода, опустошили княжество. С той поры Дмитрий, что называется, уже не сходил с коня.

События за тем последовали не шуточные, опасные и для самих московлян. Наблюдать их с высокого рундука стало Евдокии не с руки.

Михаил сразу бросился в Литву, а Ольгерд давно зуб держал на Дмитрия и его братанича Владимира серпуховского. Птенцы эти, едва оперясь, возвратили Москве Ржеву, Литвой захваченную, а теперь вот землями тверичей готовы распорядиться. Пора, пора показать Москве ее место.

И Ольгерд с войском двинул на Москву. Шел как тать, безоглядно и подчистую зорил уделы в округе — жег, пленил, увозил обозами добро. Немало князей и воевод на его пути сложили головы. Не с этих ли пор повернула языческая Литва на католичество и стала для Руси второй Ордой — столь же жестокой, чужой и коварной?

Прослышали в Москве, чем аукнулось никчемное пленение Михаила, засуетились. Давным-давно не знала Москва осады. В смятении боярские воеводы принялись жечь посад и даже монастыри подмосковные — не достались чтоб Литве, не кормили бы ее воинов, не подставляли плечи для осады. А великокняжеское ли, скажите, дело — жечь собственный посад? Явно, что бесцеремонная боярская рука. Или спесивая чужая кровь заговорила в князе-отроке. Ох, права была девочка-княгиня! Ей теперь то и дело придется уличать в великом князе заурядного боярина. То восторгаться мужем, то презирать отчаянно.

Пожегши все вокруг Кремля, затворилась Москва, молясь и полагаясь на крепость своих новых каменных стен, кое-где, как утверждают историки, тогда еще недовозведенных и уязвимых. Но не было еще навыка брать каменные крепости. Они еще в диковинку были на Руси. Только вечевые Новгород и Псков обзавелись к тому времени каменной оградой. Да вот теперь Москва, обреченная силой собирать вокруг себя державу.

Три дня погуляли по окрестностям ольгердовы ратники (был между прочим среди них и молодой Витовт, ольгердов племянник, чье время скоро

* Тверской — потому что был сыном великого князя тверского Александра Михайловича и всегда претендовал на великое тверское княжение; а микулинский — по отчине, на коей был отцом посажен. Города Микулина нынче и след простыл, стоял он на Шоше, притоке Волги. Теперь неподалеку — село Степурино в Тверской области.

** Двор бояр Гавшиных.

* Ныне — это Старица, районцентр Тверской области, родина механика-самоучки Л.Ф.Собакина. А еще в окрестностях Старицы — усадьба Борково — находится старый пруд, изображенный на картине Левитана «У омута».

придет на исторической сцене) и по-
дались восвояси, гоня впереди табу-
ны скота и обозы награбленного. Зима
была на носу — не время для осады.

Вот чем обернулась для Руси ве-
ликодержавная спесь Москвы!

И Новый Городок пришлось вер-
нуть Михаилу, набольшему теперь
тверскому князю.

...В сумерках женских покоев те-
рема стоял на коленях Дмитрий и за
что-то молил у Евдокии прощения.
Он-то знал за что — за малодушие не
своих поступков, повлекших униже-
ние Москвы и разорение ее земель; за
то, что дал большую трещину его об-
раз в глазах княгини.

А она ТОГДА еще поняла и про-
стила. Поняла, что с ТАКИМ князем
ей жить и ТАКОГО любить.

Губы, голос Дмитрия были непри-
вычно робки, а руки — горячи и не-
послушны. Сгущались декабрьские су-
мерки в покоях. Кому-то не велено
было затепливать свечей...

Осенью следующего, 1370 года ро-
дился у 17-летней Евдокии младенец
и был наречен Даниилом.

Под знаком Евдокии

Солнечный свет сквозь занавес
слюдяных окон исчертил веселыми
золотыми пиками княгинину опочи-
вальню. Лучи причудливо выхватыва-
ли случайные детали: зеленого са-
фьяна князев сапог, прозрачную све-
чу в затейливом шандале, край сун-
дука с белой казной*, сапфир лазоре-
вый на поясе Дмитрия, брошенном на
лавку... Царил здесь легкий хаос вче-
рашнего князева прихода.

Дмитрий стоял уже в домашнем
облачении. Будто и не засыпала в нем
тревога от срочной надобности дать от-
вет мамаеву послу. До ночи вчера гла-
голили в ответной палате нарочитые
бояре и престарелый митрополит. Да
так и не пришли ни к чему: утро, ре-
шили, вечера мудренее.

...Михаил тверской в очередной
раз побывал в Сарая-Берке у хана и

* Белая казна — белье и постельные
вещи.

всемогущего темника Мамаю. Порас-
кошелился там и вот возвратился с
послом Сарыхожей и ярлыком на ве-
ликое княжение владимирское. Даже
войска, предложенного Мамаем, не
взял и сына в Орде оставил — 13-лет-
него Ивана. Так уверен был в неоспо-
римости ханской воли.

Оставалась теперь пустая формаль-
ность: собрать во Владимире наболь-
ших князей, прочитать ханскую гра-
моту и принародно перепоясать Ми-
хаила мечом великого княжения. И
начинай Москва с начала.

Что было делать теперь? Отдать
Михаилу великое княжение? Или
воспротивиться? Собирать войско
московское — силу теперь немалую.
Сам Ольгерд литовский минувшей
зимой повернул от него восвояси.
Многие в боярской думе, воеводы
бывалые, такие как Тимофей Вель-
яминов, настаивали на том, чтобы
оцетиниться супротив Орды, дать
бой открытый: не та, мол, уж Моск-
ва, чтобы потакать каждому ханс-
кому капризу.

...Дмитрию так не хотелось поки-
дать теплую солнечную комнату, так
и подмывало вернуться под мягкие и
ласковые руки Евдокии. А если этого
никак нельзя...

Он вскочил с красной лавки, в од-
ном сапоге подбежал к княгининой
постели и теплой, визжащую выхва-
тил ее под пыльные пики лучей —
утро для всех одно.

За дверями в черед палат, пред-
шествующих опочивальне, уже нара-
стали негромкие звуки. В крестовой
слышался приглушенный голос бли-
жайшей теремной боярыни. Далеко,
в передних сенях глухо гомонила
гридня из охраны княжеской.

Дмитрий взял с лавки пояс, хотел
уже было перепоясаться и вдруг в не-
ожиданном порыве нежности опять по-
дошел к Евдокии и обвил, словно об-
нял ее своим поясом поверх красной
шелковой рубы.

Евдокия готовно подняла руки, ус-
тупая игре. Пояс был широк и дли-
нен для ее тонкого стана, не назре-
вшего еще очередным плодом.

Дмитрий отступил на шаг и захо-
тотал, представив на поясе еще и меч,
который стоял бы торчком, упершись
в ковер.

Он уже потянулся снять пояс, но
Евдокия, вдруг посерьезнев, отвела
руку князя.

— Пообещай, Митя, что во всем
будешь слушать меня этот год. Ни в
чем не перечеши. Ладно? Не ты будешь
великий князь, а я — великая княги-
ня московская.

Она выпростала нательный крест
и протянула:

— Целуй!

Он безудержно ткнулся губами в
ладони, потом в шею Евдокии, потом
подхватил ее и закружил. Но вдруг
замер, посмотрел на жену близко-
близко, глаза в глаза, поставил ее.
Ногой распахнул дверь опочивальни.

— Михайло! — заорал. — Бренок!
— знал, что мечник где-то рядом
ждет, караулит князево появление.
Тот и впрямь вывернулся мигом. Стал
в дверях, выпялился на Евдокию.

— Поедешь нынче к Сарыхоже.
Отвезешь ему ответ мой.

— Исполню, княже. А какой от-
вет будет? — нетерпеливо запересту-
пал Бренок.

— А вот... какой великая княги-
ня скажет.

Евдокия как полотно стояла.
Длинно и опасливо смотрела на кня-
зя. Будто не обо всем они еще угово-
рились, будто еще можно было все
обратить в шутку.

Князь выдержал взгляд.

— Отпишем Сарыхоже так, — пе-
ревела Евдокия глаза на мечника, —
к ярлыку во Владимир не еду. Миха-
ила в столицу не впускаю. А тебе, по-
слу, путь свободный. Да добавь,
Миша, что ждет, мол, великий князь
и пустым в Орду не отпустит. Да со-
колка из своих любимых с собой при-
хвати. Слышала я, слаб Сарыхожа до
соколиной охоты.

Мог грянуть гром. Чего стоило ки-
licheю оскорбиться отказом князя и
уведомить о том Мамаю. Но грома не
грянуло.

Все исправно исполнил мечник.
Подарком неожиданным, посулами
так обаял Сарыхожу, что то, оставив
Михаила с вожделенным, но теперь
беспользным ханским ярлыком, ри-
нулся в Москву на даровые пиры, охо-
ту и подношения.

Сделав за Дмитрия трудный вы-
бор, Евдокия тотчас отступила в тень

— понимала: тут недолго и уязвить князево молодое самолюбие. Игра ведь — и только. Но год у Дмитрия пошел под знаком Евдокии.

Деятелен и весел был великий князь. Только проводил Сарыхожу с дарами в Орду, как начал и сам туда собираться. Дорогих подношений, сюрпризов и гривен небывало решился собрать. Прижимистые бояре, тиун Никита Свиблов зароптали было, боясь за свои скарбницы и московскую казну. Но князь решил задуманное довести до конца чисто. Такую пыль пустить в глаза золотоордынскому темнику, такую ему покорность изъяснить, коих он и не ждет от московского князя. «Улещающе-тонким» назвал Ю. Лошиц подбор подарков Дмитрия Орде.

Москва, бояре, митрополит в тревоге были, провожая князя. Не повторилась бы памятная история с Кавгадьем. А ну как совсем другое напел Сарыхожа хану, и ждет князя в Сарае такая же предательская смерть, как некогда и Михаила тверского.

Евдокии тоже эти страхи передались. Оставаясь одна или с ближними боярынями, вся отдавалась сомнениям, терзала себя за безумную, как казалось, затею.

Не боялся, пожалуй, один только Дмитрий. Уверенно действовал, вбросе, словно бы ему невидимую кто соломку подстелил. То ли радоваться было Евдокии, то ли в отчаянье впасть. Она-то поняла сейчас натуру дмитриеву: без веры он не может. Любящий мужчина — язычник в сокровенной глубине души. А Дмитрий любил Евдокию. Ее затея для Дмитрия — знак небесной благодати, и князь уверовал, что под этим знаком он неуязвим. Ей суждено отныне отводить громы и молнии.

Да и не судьба ли это каждой любящей женщины — быть живым обетом?

И ведь как все ладно обошлось в Орде! Никакого подвоха не уловил хитрый и коварный темник в поведении своего московского вассала. Велики чисто сыграл Дмитрий покорность и преданность ему, а даров таких давно уже не видывала хиреющая Орда.

Когда дошли о том до Кремля слухи, отлегло у Москвы и у Евдокии —

тоже. Радости однако не показывала. Наоборот, нарвелась со своими компаньонами внаглую, чтобы не дай Бог не сглазить дмитриеву удачу.

Да и новые заботы нагрянули. Венчание затеялось на Москве. Ольгерд литовский прислал дочь свою Елену за братанича* великого князя — Владимира Андреевича серпуховского.

Это тоже добрый был знак. Небось, прослышал хитрющий литвин об успехах Дмитрия в Орде. Что и говорить, русско-литовская свадьба Москве ничуть не помешает. Да ведь и любила столица князя серпуховского ничуть не меньше, чем своего — Дмитрия.

Вот так, с весны пахнуло на московлян медвяным духом мирного, бескровного везения — как некогда при Калите, Симеоне и Иване Красном. Свадьбами бы все споры решать да петишиным боем!

Короткое пребывание Дмитрия в Орде закончилось еще одним эффектным поступком. Мы поминали уже о 13-летнем князе-отроке Иване, коего оставил в Орде его отец, не имея тогда возможности расплатиться за что-то с коварным Мамаем. Залогом оставил. А Дмитрий за своего извечного тверского соперника расплатился и увез мальчика с собой на Москву. Легко сказать: выложил десять тысяч рублей**. Как утверждают, это было намного больше годового объема дани Орде всех русских княжеств! Но зато какой теперь у Дмитрия был козырь против тверского князя!

Все у него нынче получалось.

Не напоминала Евдокия князю об их игре в опочивальне, и пояс мужнин больше не трогала. А год под знаком Евдокии все длился и длился. Поздней осенью родила она Дмитрию второго сына — Василия, коему суждено будет перенять у Дмитрия великое княжение.

А под самый занавес 1371 года одержал Дмитрий полную победу над войском Олега рязанского.

Впрочем, еще однажды припомнилось обоим то весеннее утро в княгининых покоях.

* Братанич — двоюродный брат.

** Московский рубль во второй пол. XIV в. по весу равнялся гривне — слитку серебра (48 золотников), золотник — 4,266 г серебра.

Опять было утро короткого декабряского дня. Утро, после счастливой супружеской ночи. В тиши едва брезжившего рассвета Дмитрий услышал голос Евдокии.

— А ты отдай Ивана, Митя. За так отдай, — сказала, будто оба думали об этом. А об Иване у них разговора не было. Жил мальчик на дворе у митрополита, особых стеснений ему не делали, но и воли княжескому отпрыску и наследнику тверского княжения не давали.

Видно, Евдокия частенько думала об Иване.

Тут надо сказать, что приходился ей Иван двоюродным братом, ибо, повторимся, матерью его была тетка Евдокии. Они потому и не говорили о юном пленнике, что оба понимали щекотливость положения. Евдокия надеялась на благоразумие Дмитрия, а тот щадил ее родственные чувства.

И вот теперь эта тихая просьба жены. Она напомнила ему о Евдокии, перепоясанной его великокняжеским поясом. «Давно готова была сказать, только ждала момента».

И на этот раз не перечил ей Дмитрий. Хотя большим козырем Ивана держал. Но не пожалел, что уступил. И никогда не упрекнул Евдокию. Ни зла не помнил Дмитрий, ни добротой не кичился — русским был.

Тем же декабрем тихо отправили Ивана в Тверь. Потому ни одна летопись и не отметила «низачтойного» подарка Дмитрия тверскому супостату. Седой митрополит только головой покачал ни тот каприз князя. А бояре «башенные», так те меж собой недоуменные рожи строили.

Историки и до сих пор в неведении, когда и как отпустили Ивана.

А может, так оно и было, как Евдокия хотела.

Грехопадение

Шел 1379 год — время печально и глубокого грехопадения Москвы.

Как и зачастую на Руси, источником греха стал один человек. И неспособность великого князя московского Дмитрия Ивановича быть самостоятельным по большому счету. Ему всегда потребна была опора. То еще отроком в

митрополичье-боярской — и тогда постыдно жег московские посады, беспричинным пленником держал в Москве князя. Только что зрели мы благие деяния Дмитрия, творимые как бы по воле Евдокии. Ему ли было не верить ей, не любить ее до самозабвения, когда что ни год — дарил ему Евдокия сына. Вот и в 1374-м пированием в Переяславле-Залесском отметил князь рождение третьего — Юрия (между ним и Василием, похоже, была еще Софья). А в 1375-м родился четвертый — Семен. Такое богатство! Это после Симеоновых-то напастей!

Наконец, знает история цену Дмитриевой победы на Куликовом поле, вдохновленной его новым кумиром — игуменом Троицкого монастыря Сергием Радонежским. То был период горжества монашеских риз на Московской Руси и черного княжеско-монашеского стяга.

Теперь же царил в Москве греховная смута попа Митяя.

И июньским утром 1379 года шла трепещущая Евдокия на исповедь к духовнику своему.

Она не могла объяснить себе, что творится в ней с тех пор, как скончался Алексей и взял силу на Москве и в митрополичьих владениях этот непостижимый иерей, даже при пострижении не пожелавший сменить своего вызывающе мирского имени.

У него были подчиняющие себе мягкие, кошачьи и непрекословные манеры. Как мог он держать руку Евдокии, едва касаясь длинными белыми пальцами и словно примагничивая к себе; как умел коснуться губами ее лба, мимолетно оставляя пылающую печать, с которой всю седмицу ходила она по терему, боясь поднять глаза; как ухитрялся обволакивать ее своим влажным взглядом-покрывалом, словно бы отстраняя все и оставаясь с ней вдвоем на бесконечно длежащее время... Как мог...

Не чуя тела, стояла Евдокия, касаясь холодными пальцами спасительного полога, отделяющего ее, кающуюся грешницу, от духовного отца-владыки.

Сколько уже было вопросов и что говорила она?.. Что за стенами храма — утро или день уже?.. И кто она, Евдокия: девочка, привезенная в Коло-

ну на венчание, или великая княгиня московская, мать пятерых детей?..

— Чем еще грешна ты, дочь моя? — услышала за пологом.

— Непротивлением, отче.

— Поясни, не прячь грех за словами.

— Не могу, отче, противиться наваждению, отринуть длань греховную.

— Почему греховной мнишь ту длань, дочь моя?

Евдокия закрыла лицо руками и ощутила, как пылают щеки.

— Не ведаю, отче, — сказала сквозь ладони. Голос еле слышно прозвучал. — Но... греховная та длань.

— А не ты ли только мнишь ее таковой?

— Я, отче?.. — задохнулась вопросом Евдокия и больше ничего не могла произнести. Она вдруг потеряла пальцами ткань полога. Что-то слегка опахнуло ее, и горячая рука Митяя нашла ее руку.

И боялась этого Евдокия, и ждала. Как ждут неминуемого, за которым должно же прийти облегчение.

— Может, было слово или деяние, ту греховность подтверждающее?

— Не было, отче.

Рука Митяя, едва касаясь пясти, обнимала-обволакивала всю Евдокию, и тело ее дрожало под этой рукой, ей не сопротивляясь.

— Значит, грех лишь в тебе обретается? — звучало за пологом, совсем близко.

— Во мне, отче...

— И ты приняла бы ту длань, что желанна тебе? Ты отдалась бы, если...

Евдокия молчала.

— Я тебя не слышу, дочь моя.

— Нет, — одними губами произнесла Евдокия. — Но не могла бы и отринуть.

— Ведает ли о том богоданный супруг твой?

— Не ведает, отче.

— Молись, дочь моя, ибо нету незамолимого греха.

Митяй отнял руку, и освободил Евдокию. Лицо ее было в слезах, тело — обессиленным и вялым.

— Епитимью налагаю до возвращения моего из Царьграда.

А какой июнь стоял над островерхой деревянной Москвой, над золотыми ее куполами! Какое высокое было

небо и как густо зеленел и желтел вездущей мать-и-мачехой прибрежный посад за ее белокаменными стенами!

Митяй собирался в Константинополь.

Москва, великая Русь и великий князь Дмитрий обретались теперь в его, Митяевых, руках. Обаянию, начитанности, манерам коломенского попа не умели противостоять.

Вот как описывает Митяя Никоновская летопись: «Сей убо поп Митяй бысть возрастом велик зело и широк, высок и напруг, плечи велики и толсты, брада плоска и долга, и лицом красен... речь легка и чиста, глас же его красен зело; грамоте добро горазд... и книгами премудр... и в делах и в судех и в рассуждениях изыщен...»

Ни великий князь, ни бояре его, ни белое духовенство, обретавшееся вокруг опустевшего митрополичьего двора, не могли противиться этим явным достоинствам. Тем более, что крепкой духовной традиции не оставил Москве и почивший митрополит Алексей, что посвятил свой церковный сан всецело службе московскому великодержавию.

Этакой-то Москве Митяй ой как ладно пришелся!

Еще при жизни Алексея прочил его Дмитрий в митрополиты, убедив постричься. Ой, как противился Митяй черным ризам! «До обеда, — улыбается историк С.М.Соловьев, — постригли его в монахи, а после обеда назначили архимандритом». Соблюди, что называется, формальность. Потому-то черное духовенство никогда Митяя выше попа не держало.

Но Дмитрию это было ничем. Он слепо верил и во всем подчинялся новому своему идолу. «Князь, — читаем в летописи, — зело любяше Митяя и чествовавше его яко отца паче всех».

Стал Митяй архимандритом в придворном Спасском монастыре. Сам Дмитрий и великая княгиня избрали его своим духовником. Нарочитые бояре тоже за честь почитали.

И к придворным делам приблизил князь Митяя — доверил ему великокняжескую серебряную печать, сделал ее хранителем. Никакая теперь бумага и харатья без митяева прочтения силы на Руси не имела.

Только упокоился Алексей в Чудовом своем монастыре, как извлек

Митяй одеяния первопастыря и со всеми регалиями явился на Москве. Облекся то есть в белый клобук и мантию, возложил на себя золотой нагрудный крест с парамандом, железом вооружился и воссесть дерзнул на горнем троне в алтаре.

Сие делалось дерзко, картинно, в угоду лукавому, всегда готовому проснуться в нас и заявить себя. Едва ли не первый придворный спектакль играл на Москве коломенский поплицей.

Получив власть, всевладыка поспешил завести на Москве свои порядки. При нем вошли в обычай затяжные пирования в Переяславле-Залесском, который стал, говоря теперешним языком, загородной великокняжеской дачей для увеселений по всякому поводу и без оногo. Зато, похоже, не возникало в эту пору на Руси ни единого храма, монастыря либо города. Крепко держал Митяй в своих руках дань с митрополии: «сборные, петровские, рождественские доходы, уроки и уроки митрополичьи».

И нет худа без добра: сильно сплотили удельных князей под рукой Москвы те переяславские застолья и потехи, вроде той, когда затеяли князь «розмирье» с татарской тысячей в Нижнем Новгороде, устроив ей второе «шевкалово побоище».

И не эти ли пирования помогли Дмитрию так легко и споро собрать под своими знаменами рати всех, благоволивших Москве, княжеств на последнее усмирение мятежной Твери? Испокоен века на Руси «по пьяни» можно столько доброго и гнусного натворить!

Овладев митрополичьим двором, доходами и ризницей, Митяй вознамерился и само формальное поставление в митрополиты упростить до предела. Писано же, говорил, в правилах апостольских, что два-три епископа облачают четвертого высшим священническим саном. Так почему бы пяти, а хоть и шести таковым не поставить его, Митяя, и в митрополиты? Так ли уж обязательно беспочинить по этому поводу Царьград?

Князь и бояре уже готовы были согласиться со своим любимчиком, собрали даже и епископов. Но нашелся среди них один упрямый да поперечный

— Дионисий суздальский, из черноризцев-подвижников. Не удалось князю с Митяем через него переступить.

Ну что ж, решает Митяй, значит — в Константинополь!

Сия прогулка на поставление, хотя она длинна и небезопасна, не казалась Митяю обременительной. Даже неизбежное пребывание в Орде только перцу добавляло к шикарной трапезе, до коих Митяй был большой охотник.

Обоз собирали всем княжеско-боярско-митрополичьим старанием. Целый полк сопровождающих во главе с нарочитым боярином Кочевиным-Олешинским, три архимандрита, протоп и несколько игуменов. Казна и ризница на скольких-то телегах. А самое главное, что красноречивее всего передает доверие к Митяю великого князя, — несколько белых, то есть чистых хартий с висячей великокняжеской печатью, на коих Митяй мог начертать все, что ему заблагорассудится и занять у купцов-сурожан на княжев счет любое количество серебра. Вот уж поистине Дмитрий «зело любяще Митяя, и чтише и всласть послушаше его»!

Великий князь с дружиной самостоятельно проводил Митяя до Оки.

Триумфален был путь московского ставленника до Константинополя. Уже корабль генуэзский, принявший на борт Митяя и его свиту, миновал Кафское (Черное) море и шел по Босфору. Уже виден был сам Константинополь. Но тут Митяй в одночасье разболелся и умер. Один патриарший документ объяснил происшествие так: «Суд Божий следовал за ним по пятам».

Но весть о смерти князева протеже и любимчика не сразу пришла на Москву. А может пребывал он еще живым, когда тем же летом свершилось событие, коего Митяй был несомненно потаковником.

Едва не забыли мы, однако, что пять лет назад скончался и был со всеми почестями схоронен дядька великого князя — московский «голова» Василий Васильевич Вельяминов. Первый на Москве боярин, княжев воспитатель и родственник, лукавый, мудрый и всесильный. Коему молва приписывает даже бесцеремонный подлог дареного князю пояса.

И еще давайте не забудем настойчивого утверждения ряда историков, что тысяцкий на Москве был не только посаженником великого князя, но и в своем роде «депутатом» в княжеском совете от горожан и посадского люда, «земли» московской. Утверждение отнюдь не голословное. Помните, какого шума наделало таинственное убийство такого же «градоначальника» Алексея Босоволкова? Пришлось князю убрать подозреваемых на время с глаз московского веча. И еще. Достоверен факт, что московский «голова» имел, помимо князя, «земскую» рать, из городской и посадской черни состоящую. И рать эта, кроме тысяцкого, похоже что, ни на кого головы не поворачивала. Особняком ходила.

Словом сказать, за древним саном тысяцких чуялось на Москве легкое дуновение веховой государственности, доносившееся из Новгорода, Пскова, Торжка... Дуновение, противное московскому самодержавию.

Так вот, когда тысяцкого Вельяминова не стало, место его, к удивлению и ропоту всея Москвы, никто не занял. Тихо потолковав меж собой, великий князь с попом-митрополитом (ну, а с кем же еще?) как-то буднично объявили совету «башенных» бояр, что отныне тысяцких на Москве не будет, а их полномочия возьмет обычный княжеский наместник (по-теперешнему, чиновник). И сам великий князь порадует за горожан.

Почему бояре шуметь не стали? А потому, что тон был выбран верный: Вельяминовы большую силу взяли на Москве и в боярском совете сидели особняком («вечевые»!). Василий Васильевич так тот едва ли не 15-летнего сына своего Ивашку рядом с собой садил — так был уверен, что быть Ивашке, братаничу князеву, вслед за ним тысяцким на Москве. Пораспоясались, словом, Вельяминовы: с одной стороны — прямая князева родня, а с другой — «земля» держит.

Вот бояре на сие неслыханное князево самоволие и не возроптали.

К тому же Дмитрий никого из прочих Вельяминовых — ни Тимофея-воеводу, ни Юрью Грунка (от него, кстати, пошел род Аксаковых), ни другого своего братанича Микулу и паль-

цем не задел. Все остались при должностях и при почете.

А вот Иван Васильевич взбрыкнул. И то сказать: с пеленок видел себя тысяцким и первым боярином. И вот тебе на — как снег на голову.

Был Иван десятка не робкого, горяч, молод и, похоже, собой хорош. Сговорившись с неким купцом Некоматом, ховившим с товарами в южные земли и в том числе в Орду (этих южных купцов звали у нас сурожанами — по торговому городу Сурожу, ныне — Судак), Иван Вельяминов бросил великому князю вызов — подался к Михаилу в Тверь, а от него — в Орду этаким тверским килчиеем.

Мало чего там добившись, ибо Тверь была уже окончательно сломлена Москвой (Ольгерд-заступник умер, Мамаю — не до Твери), Иван с сурожанином в разное время вернулись в московские земли. И были здесь взяты. Причем Иван — при отягчающих обстоятельствах. Якобы, поймали еще ранее некоего попа с мешком смертного зелья, а тот прямо указал на Ивана: это он, мол, меня нарядил великого князя извести.

Как и что там было на самом деле — Бог ведает да не скажет. Только схватили Ивана в Серпухове, привезли в Москву и, как первейшего татя, поместили в кремлевскую башню бояр Беклемишевых.

Что творилось в душе этого отпрыска нарочитых бояр-тысяцких, когда сидел он в темном сыром отсеке башни, слушая глухой шум гомонившей Москвы, — не надо и Бога спрашивать. Слезы поди-ка перли из него — то злые, то покаянные, то мстительные. И не мог в той башне не побывать великий князь — у братанича своего.

...Высоко горевшая свеча, а то и лучина скупо освещала влагой покрытые белые камни стен.

Князю не до говорений было. Да еще в такой вот ситуации: очень все густело, напрягалось вокруг него после отъезда попа-митрополита. Недруги митяевы ой как зашевелились. Но не побывать у Ивана — никто ему этого не простит: ни тетка Марья, мать Ивана, ближайшая подруга его матери — Александры, ни остальные бояре Вельяминовы, с коими предстоит

еще много пройти плечо к плечу. И Евдокия ведь не простит, не-ет.

Казнить Ивана еще поди-ка и в мыслях не было у великого князя. Хватит с него за мальчишескую пакость и кнута.

Вот он перед ним, поднялся, солому стряхивает с колен, побрякивая цепями. «Цепи-то на кой...» — с сожалением мелькнуло у Дмитрия. Фигура Ивана полна раскаяния и надежды. Глаза то ищут, то уходят. И руки не знает, куда девать.

— Прости, княже... — может, сказал, может, послышалось Дмитрию.

Князь строжил. Попа вспоминал с зельем, о коем ему докладывали. Распался. Наколенного ждал покаяния, лобызания кафтанной полы. «Извести хотел!..»

— Не пожилось, значит, в Тверях-то, — спросил сквозь зубы.

Иван замер, настороженный явной отчужденностью. Что было говорить? А Дмитрий и не ждал.

— Где байсу-то* мамаеву хоронишь? С крестом рядом? Деревянная, поди? — хлестал и хлестал словами Дмитрий. — А она у нас нынче слыви не имеет, байса-то золотоордынская. Оставь на память. Как и тысяцкой кафтан.

От этих слов Иван напрягся, заискал руками, но сказал тихо:

— Воля твоя...

— А ты думал, чья? Соборной площади? Посада заворотного? Думал, скажут: подставляй-кося Иван свет Васильевич свои плечики да под тысяцкой кафтан?

Иван теперь смотрел на Дмитрия. Белели глаза Ивана, напрягались зрачки, оловячились. «Так вот ты за чем, братанич, пожаловал. Не допрос с меня взять — гордыней потешиться. Ан не все у тебя ладно, княже».

— А ну если придется большое войско звать, княже? Без посада как?

— Не твоя теперь маята. — Дмитрий, выплеснувшись, не хотел больше брани. Невзавраду уже строжил. — Мать-то, гляди, убивается, не просыхает по твоей воле.

А у Ивана все ходили желваки.

— По моей, княже? Так дозволю успокоить матушку.

— Может, и к девке пустить на ночь другую, — уже почти усмехнулся князь. Но что-то такое, похоже, личное задел у Ивана — тот задохнулся аж.

— Ты, — сказал, — за княгиней своей гляди. Не заскучала бы без Митяя.

Придорожной крапивой стеганули Дмитрия эти слова. О, сколько встало перед ним, сколько открылось! И если бы висел у него на поясе не великокняжеский меч, а тесак обиходный или плетка татарская была бы за голенищем, с каким наслаждением хлестал бы он без конца по белым ивановым глазам. По всезнающим и нахальным. Пока мраком застенка не затянуло бы их.

Тут и решилась судьба Ивана Вельяминова.

Измена? Покушение на живот? Наушничество в Орде? Эх, да сколько такого перебивало на Руси до Ивана! А казнь публичная была первой! На том самом Кучковом урочище, где двести с лишним лет назад пролилась кровь кучковичей, замешанных в убиении князя Андрея Боголюбского. Не остановили Дмитрия ни просьбы о помиловании бояр Вельяминовых, ни каждодневные стенания матери Ивана в постельной Евдокии, ни сама Евдокия, и ласками, и слезами пытавшаяся образумить мужа. Князь не смотрел на нее, приходил поздно и спал один в крестовой. Но упрямо гнул свое. Значит, надо было чем-то уж очень уязвить великого князя, чтобы он перешагнул через столько.

Литературную версию казни Ивана и ей предшествующих дней, на мой взгляд, психологически верно дал писатель В.Лебедев в романе «Искушение».

После расправы с Иваном Дмитрием, судя по летописям, даже не вспоминал о Митяе. Где-то там, на берегу Босфора, и закопано тело очередного калифа на час российской истории.

А Дмитрий непостижимо для историков его поры скоро нашел себе другую опору в рядах вчерашней оппозиции — монашествовавшей братии Сергия Радонежского. Но это уже другая — славная! — страница русской истории — время мамаева одоления.

Битву на Куликовом поле мы живописать не станем. Ибо самые страшные брани не на земле затеваются и происходят, а в душах у нас.

* Ханский знак отличия и поощрения.

В прошлом году популярному некогда вокально-инструментальному ансамблю «Самоцветы» под руководством Юрия Маликова исполнилось 25 лет. К этому юбилею писатель Юрий Уральский

подготовил книгу «Не повторяется такое никогда». Мы публикуем несколько глав из рукописи, рассчитывая, что они привлекут внимание бывших и нынешних поклонников ВИА «Самоцветы».

ЮРИЙ УРАЛЬСКИЙ НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ ТАКОЕ НИКОГДА

С первого выступления ВИА «Самоцветы» в августе 1971 года прошло двадцать пять лет. Четверть века, если вдуматься! Что осталось в сердцах и памяти людей? И не только солистов и музыкантов ВИА «Самоцветы», но и почитателей их творчества? Какой след, в конце-концов, оставил этот знаменитый ВИА в душе самого Юрия Маликова, вложившего в него лучшие годы своей жизни?

Юрий Маликов — личность непростая. Закончив в 1970 году Московскую государственную консерваторию имени А.И. Чайковского по классу контрабаса и имея, прямо скажем, блестящие перспективы в жанре классической музыки, бросает все и берется за создание вокально-инструментального ансамбля, о коих в ту пору говорить хорошо считалось правилом плохого тона, а ругать дозволялось всякому. И создал! Не очередную однодневку, а ансамбль, славе, популярности и знаменитости которого могут лишь позавидовать многие из ныне процветающих солистов и музыкальных групп. Он ворвался в нашу жизнь своей знаменитой: «Увезу тебя я в тундру...» А потом были десятки других песен, которые пела вся великая держава и которые доброй памятью остались в сердцах и душах людей. В 1992 году, так уж получилось, ансамбль прекратил свое существование. Ушел в тень и Юра Маликов. Стал все реже и реже появляться на публике. Но сколько звезд, обязанных ему своим рождением, сияет сегодня на небосводе шоу-бизнеса. Вот лишь часть тех имен, которые создавали популярность вокально-инструментальному ансамблю «Самоцветы». Вячеслав Антонов (Добрынин), Лев Оганезов, Алексей Пузырев, Глеб Май, Николай Раппопорт, Валентин Дьяконов, Геннадий Жарков, Лев Пильщик, Юрий Генбачев, Ирина Шачнева, Алексей Шачнев, Юрий Петерсон, Сергей Березин, Эдуард Кролик, Анатолий Могилевский, Роман Востоков, Тигран Асламазян, Валерий Селезнев, Михаил Плоткин... Из последующих составов: Владимир Винокур, Владимир Пресняков-старший, Елена Кобзева-Преснякова, Алексей Глызин, Сергей Беликов, Владимир Кузьмин, Аркадий Харалов, Александр Барыкин, Олег Слепцов, Александр Нефедов, Андрей Сапунов, Александр Слизунов, Евгений Пахомов, Владимир Полонский... Ну и, конечно, — Дима Маликов и Владимир Пресняков-младший... Остальные, надеюсь, простят меня, ведь через ансамбль прошли более пяти десятков человек.

Каждый раз, приезжая в Москву, я обязательно кому-то звонил, договаривался о встрече. Мне хотелось, чтобы каждый участник ВИА «Самоцветы» рассказал о себе сам. Что-то вспомнил, чем-то поделился. Легче и быстрее всего на контакт шли молодые. Не второе, а третье поколение «самоцветовцев». Но и во втором поколении уже не было той непонятной для меня стыд-

ливости за свое прошлое, какую я с удивлением и совершенно неожиданно для себя ощутил в моих ровесниках, бывших солистах-певцах и музыкантах ансамбля. И с ними было труднее всего. Одни убеждали меня, что все это чушь, бред. И никакое это не явление — «Самоцветы», а так... случайность и глупость. Другие, наоборот отказываясь встречаться, часами разговаривали со мной по телефону, изливали свою душу, делились взглядами на прошлое, на пережитое... Третьи, пообещав прийти, так и не приходили.

Первым, кого мне удалось «отловить» был Анатолий Могилевский. Он буквально несколько дней назад приехал в Москву из США. Погода в столице стояла дрянная, слякотная. С холодным ветром и мокрым снегом. Он жутко простудился. Постоянно кашлял, сморкался в бумажную, очень ароматизированную салфеточку и говорил с французским прононсом. Но держался стически, как истинный русский американец. По нашим российским меркам и обычаям стоило бы сводить его в баню, отхлестать березовым веником, а после накачать самогонкой с чесночком, красным перцем и укропом, да напоить Иван-чаем с малиной... Но... Если бы наша встреча состоялась в Екатеринбурге, я так бы и поступил, теперь же ничего иного не оставалось, как посочувствовать.

— В Москву я приехал в 1967 году из Риги, — промокнув в очередной раз нос салфеточкой, вспоминал Могилевский. — И могу с твердой уверенностью утверждать, что в то время я уже был довольно профессиональным певцом. Особенность моей певческой деятельности в Риге заключалась в том, что мы там почти не пели русских песен. А работал я в популярном, во всяком случае в Латвии, ансамбле «Комба». Выступали мы в ресторанах, ночных клубах, а репертуар вылавливали из эфира, в основном, англоязычный. Именно это и создавало нам некую популярность. А в Москву я приехал, чтобы петь в оркестре Юрия Саульского «Джаз-66». Протежировал меня мой очень хороший знакомый

Гарик Гриневич. Гарик был первым человеком, который открыл для меня Москву. И я безгранично ему за это благодарен. В оркестре Юрия Саульского я проработал лет около пяти. Потом получил предложение пойти в оркестр Олега Лундстрема, но отказался. Мне хотелось вернуться в свой первоначальный жанр вокально-инструментальных ансамблей. Они мне были ближе по духу, что-ли... И появился такой — Виктор Векштейн, который пришел однажды ко мне и сказал: «Толя, у меня есть идея организовать ансамбль. И я ему даже придумал название — «Поющие сердца». (Вокально-инструментальный ансамбль «Поющие сердца» под управлением Виктора Векштейна был создан в 1971 году.) Если ты хочешь принять в этом участие, давай!» Я говорю: «О'кей! Мне это близко!» У Вити, естественно, уже были подобраны музыканты, тогда, чаще всего, коллективы собирались из единомышленников, старых знакомых, с которыми уже приходилось играть, а от меня лично требовалось — это какой-то иностранный репертуар. И колесо закрутилось. Начались репетиции, прогоны... Затем худсовет и... мы стали работать от Калужской филармонии. С места в карьер взяли здорово! Все, что я смог там продержаться, может, месяца четыре. Поездки были настолько изнурительные, настолько сложные для меня, что я просто не выдерживал. В каком-то городе меня, Векштейна и нашего администратора поселили в обкомовской гостинице! Витя с администратором куда-то ушли, а я решил принять ванну, почувствовать себя белым человеком. Поплескался, разнежился... Принял душ. И тут кончилась вода. Я, совершенно не обращая внимания на такое нормальное для нас явление, в полусонном состоянии добрался до кровати и тут же уснул сном праведника. Сколько проспал, не знаю, слышу меня будят. Я с трудом просыпаюсь, соскакиваю и... оказываюсь по шиколотки в воде! Смотрю: ковры плавают, башмаки мои плавают... все, что может держаться на поверхности, плавают по трехкомнатному обкомовскому номеру! Я еще толком ничего не понимаю, но меня уже начинает охватывать ужас. Потом вижу выбитую дверь!... Вообще-то, я понял, что пора уходить из ансамбля. Так изнашивать себя я просто не имею права. Не смогу выдержать! Я и так в Москве, и у меня есть возможности работать в каких-то других группах. Тем более, было предложение пойти на хороших условиях в оркестр Олега Лундстрема... И я пошел туда. Попрошался с Витей Векштейном, с ребятами... Именно в оркестре я впервые встретился и познакомился со Славой Антоновым, будущим нашим Вячеславом Добрыниным, и Эдуардом Кроликом. Оба они работали у Лундстрема в самостоятельной группе при оркестре, по-моему, «Лада». Кролик являлся ее руководителем, если мне не изменяет память. Но, к великому моему сожалению, долго мне у Лундстрема задержаться не удалось. И причина тут не во мне. Я, безусловно, понимал, что являюсь своего рода «белой вороной», ибо мой репертуар состоял в большей степени из современных песен, и они худо-бедно у меня получались. Но кто-то смотрел на эти вещи с другой точки зрения. Тогда у нас были... нет, не прослушивания... Тарификация!!! Как-то после моего выступления подходит ко мне Лундстрем и говорит: «Толенька, если ты хочешь работать, как говорится, по маленькой ставке в нашем оркестре, то тебя тарифицируют и ты будешь получать семь рублей. Но если у тебя есть какие-то другие возможности, ты должен их использовать. Потому что эта комиссия, которая тут сидит, мне сразу заявила, этот парень в вашем оркестре работать не должен. Пусть он уходит сам и работает где-то в другом месте. Ему прямая дорога во всякие там ВИА! Ну, ВИА так ВИА! Деваться некуда. Тут Слава Добрынин и предлагает: «Послушай, Толя, сейчас идет прослушивание в новый ансамбль, которым будет руководить Юра Маликов. У него все уже есть. И мы можем туда сходить вмес-

те». Слава привел меня к Маликову. Юра меня прослушал. Я ему подошел. С этого момента и началась моя работа в «Самоцветах». И с самой первой нашей поездки все было очень здорово! Полные залы!.. Принимали нас великолепно! Коллектив состоял из талантливых людей. И сам Юра, безусловно, являлся очень сильным организатором и руководителем. А через четыре года — развал! Почему, как?... Я долго думал впоследствии над этим. И пришел к выводу, что развалились мы потому, что каждый из нас неправильно оценивал обстановку. У каждого возникла своего рода «звездная» болезнь. Каждый считал, что «Самоцветы» созданы, существуют и пользуются такой огромной популярностью лишь благодаря ему, но не Юре Маликову. И никто, никогда не мог понять и поверить в то, что существует одна рука, одна голова, один мозг, который все это создавал и двигал. Мы по своей административной некомпетентности или по нашей необразованности...

— По неопытности, — подсказал я. — Так будет ближе к истине.

— Да, — согласился Анатолий. — По неопытности решили, что можем стать коллективом, не нуждающимся в Юре Маликове. Нам не нравилось, что он за всем смотрит, во все сует свой нос, контролирует каждый наш шаг, выбирает репертуар. Нам казалось, что это все мы уже можем сами. Не нравилось музыкантам, что тот же Юра Маликов стоит и работает с нами. Играет на бас-гитаре. Нашим музыкантам казалось, что с ростом коллектива нам нужен на его месте более сильный музыкант. Но все это было совершенно не верно и ошибочно. Ведь звук, который «выработал» Юра Маликов — это именно тот характер, который «Самоцветы», вообще-то, и имели. Стили! Стили! Как музыка узнается? Почему «Роллинг Стоунз» через много лет собрались по новой, а звучат так же, как и звучали? Потому что люди привыкают к определенному саунду, к определенному звуку коллектива. Измени его, изменится стиль. И будет совершенно другая группа. А у нас пошла дискуссия относительно того, что крайне необходимо поменять басиста. Может быть, с точки зрения музыкального роста, и не плохо было бы сменить басиста, взять нового барабанщика, такая перемена дала бы оркестру возможность стать более сильным, более музыкальным, но стиль, тот неподражаемый, всеми узнаваемый стиль «Самоцветов» сразу бы изменился. Может быть, кто-то из нас и понимал это, а кто-то нет, но получалось так, что коса нашла на камень. Юра уперся, мы уперлись... И то, что должно было произойти, произошло. Мы разошлись. Юра остался один. А мы основали новый коллектив под названием «Пламя». Руководителем стал Сережа Берзин. В «Пламя» перешли все бывшие «самоцветовцы», и ничего не изменилось по сути. Пели тот же репертуар, те же песни. С той же мелодичностью. Может быть, ритм несколько изменился... Не знаю. Но возникли проблемы, о которых мы раньше даже не подозревали. Сложные проблемы. И решать их теперь уже приходилось самим. Ведь в «Самоцветах» мы жили как у Христа за пазухой. Маликов никогда не звялся нам, какие ему приходилось преодолевать препоны, какую работу проводить, чтобы мы могли, скажем, съездить на гастроли за границу. Раньше нас не устраивали концерты, которые приходилось петь за «спасибо», не нравилась тесная, как нам казалось, связь Юры Маликова с комсомольскими функционерами. Не нравились «шаровые» концерты. Мы ведь такие великие и знаменитые, а нас таскают по «шаровым» концертам! Но сейчас-то я прекрасно понимаю, что такие концерты были просто необходимы для выживания! Сейчас-то сам, создавая и раскручивая различные коллективы, то есть занимаясь менеджментом, прекрасно осознаю, что и кто был Юра Маликов. Он — создатель. А поднять махину, раскру-

тить маховик... Сейчас, в Америке, предположим, я беру какие-то коллективы, их очень много, и пусть они попробуют без меня устроиться где-нибудь. Невозможно абсолютно! Без «толкача» никак не обойтись. Роль лидера общеизвестна. Только мы не сразу это осознали. А коллектив в «Самоцветах» у нас был великолепный! Хорошие парни! — и, словно бы спохватившись: — И Ирочка Шачнева!..

Ирина Шачнева тоже простудилась, но твердо и недвусмысленно заявила:

— Самое большое через пару дней я буду на ногах! При любых обстоятельствах!

Я даже не сомневался. Знал, так и будет. Школа «Самоцветов»: при любых обстоятельствах выходить на сцену. При любых! Даже с температурой под сорок, даже — когда круги под глазами, когда едва держишься на ногах.

И она пришла. Боже мой, это была та же Ирина Шачнева! Воистину, время не властно над женщинами!

— Все началось с его величества случая. Я совершенно случайно встретила на улице Славу Добрынина. Поговорили о том, о сем... Тут он мне возьми и скажи, что организуется какой-то новый ансамбль и им нужна девочка. И дал мне адрес, куда нужно пойти прослушаться. Я, в принципе, была уже далеко не новичком в музыке. Училась в это время в музыкальном училище имени Гнесиных, занималась классикой, но, очевидно, по складу характера тянулась больше к эстраде. В то время, в конце шестидесятых — начале семидесятых, это было явление почти массовое. Явление социальное. Молодежь, услышав музыку «Битлз» или «Роллинг Стоунз», пыталась сделать что-то подобное. Всяческие ВИА росли как грибы. Не миновала сия участь и меня. Уже участвую в музыкальном училище, я бегала в Московский Государственный Университет, где пела в студенческом ансамбле «Витязи», одним из многочисленных ансамблей МГУ. И вот — прослушивание у Маликова. Было это где-то в районе Павелецкой... В каком-то клубе... Пришла скромненько так... Я же понимала, что ансамбль этот взял курс на профессиональную сцену. Мне предложили попеть. Я начала с песен... на иностранном языке, что-то там из репертуара «Битлз», и на французском... Спела от души! И тут Юра Маликов спрашивает:

— Ира, а ты умеешь петь на русском?

Я просто выпала в осадок! Я — русская — и не могу петь на русском языке? Он что, ненормальный?! Я была просто поражена! Убита наповал!

— Спой, — спокойно предложил Юра.

С грехом пополам я спела одну песню, которую пела в «Витязях», и Маликов, после некоторого раздумья, сказал:

— Пойдет...

Видимо, что-то во мне взвырвало. Может быть, самолюбие... И Юра понял, что я и на русском петь могу. Но однажды, я несколько забегу вперед, мне предложили впервые записаться на радио. Я записалась. А через некоторое время мне позвонил звукорежиссер и попросил зайти прослушать, что я там напела. Боже мой! Вот когда я вспомнила Юру Маликова. Оказывается, порусски-то я петь совершенно не умела! То, что я много пела на английском и на французском, сказалось со всей очевидностью. Мой распев звучал с непередаваемым акцентом. Я ужаснулась! Ведь я коренная москвичка! Не страдала никаким акцентом или изъятиями в обычной обиходной речи, а выяснилось... Эта запись, первая в моей жизни, выжала из меня все соки... Чтобы правильно спеть слова, я напирала на дикцию, уже совершенно забывая о мелодии, о настроении, о цели, о чем вообще пою! Кошмар! Конец света! Эту запись я запомнила на всю жизнь. Она раз

и навсегда научила меня не задира́ть носа. Так вот, возвращаюсь к прослушиванию. Меня прослушали и велели на следующий день приходить на репетицию. Я сразу включилась в работу. Это был май 1971 года. Музыканты подобрались один к одному. Очень и очень профессиональные, грамотные, чего бы я сейчас многим желала... Мне было легко войти в рабочий ритм, потому что все сразу писалось на нотах. Все аранжировки. А так, как я пела с листа, со мной не надо было даже репетировать. Мы все так увлеклись, что ни о каких там деньгах даже и не думали. Репетировали, наращивали репертуар... И вот первые гастролы! Мы едем в Томск! Не сами, не отдельно, а вместе с популярной тогда программой «Товарищ кино», в которой принимают участие «звезды» кинематографа! И работаем как бы с Марком Фрадкиным. Он сделал для нас очень много. Это великолепный композитор, мелодист... Мы много его песен спели. Многие стали популярными, любимыми в народе. И у меня. Я до сих пор люблю их и, по возможности, пою. Съездили мы в свою первую поездку с большим успехом. Сами не ожидали. Никаких костюмов у нас тогда еще не имелось. Себя мы еще никак не обозначали. И навыков никаких сценических мы еще не отработали, выстроились вот так вот по стоечке смиренно... Но была искренность и величайшее желание играть и петь. Был профессионализм. Знали, что такое ударение в слове, фразе, знали, что такое кресцедо, диминуэндо... А вскоре первая запись на радио! Мы записали две свои первые песни: «Пойду ль, выйду ль я» и «Увезу тебя я в тундру». Их премьера состоялась в передаче «С добрым утром!» По воскресеньям выходила. И название наше, собственно говоря, возникло из слов «Тундры». Есть в ней такая фраза: «...Сколько хочешь самоцветов мы с тобой соберем...» Потом первое выступление в саду «Эрмитаж», на одной из самых престижных площадок Москвы. Иными словами, пошла наша настоящая творческая жизнь. Мы вышли на профессиональную сцену. Нас зачислили в штат Москонцерта! Работали вначале на графике номером, потом отделением, потом сольным концертом. И публика уже приходила именно на нас. Но даже при сольном концерте платили нам как за отделение, потому что для полной оплаты необходимо было пройти сто художественных советов. Сейчас, конечно, смешно и вспоминать эти бесконечные художсоветы, которые, честно говоря, очень мешали и раздражали, но если разобраться, то сегодня они бы не помешали. Но не в том виде. Не дай Бог, в том виде! Приходили люди, которые просто ненавидели один вид гитары, ненавидели молодых людей, стоявших на сцене и излагающих... поющих в нескольких иной фактуре, чем им бы хотелось слышать. Раздражали барабаны (почему не тройничек, а «бабочка?»), которые выбивают непривычный для их уха ритм. Раздражала бас-гитара. Почему именно она мельтешит на сцене, а не привычный глазу контрабас?! А когда вступала гитара-соло, вообще конец света! Она их доводила до белого каления. Такие художсоветы сегодня, без всякого сомнения, не нужны. Но в ином виде, да! Сегодня, и это ни от кого не секрет, девяносто процентов исполнителей поют под фонограмму. За них кто-то записывает гитару, бас, барабаны... Кто-то очень часто пишет и голос за этих, с позволения сказать, певцов. Остается только раскрывать рот и делать вид, что поешь. А на художестве необходимо было петь живьем! И те, кто сегодня толпами мелькают на сцене, не появились бы на ней никогда! Я говорю это не в плане критики и брюзжания, а в плане... профессионализма.

Ирина немного помолчала и, словно спохватившись, спросила:

— Я как-то сумбурно рассказываю...

— Нормально...

— И все же самыми требовательными, самыми взыскательными судьями были наши слушатели, наши зрители. Собирали мы на

концерты целые стадионы! Помню «Динамо»... Двадцать пять тысяч зрителей! Дождь проливной! И никто не уходит! Слушают, поют вместе с нами! И везде, где бы не выступали: в Лужниках, в парке «Сокольники», во Дворцах спорта — всегда аншлаг! А платили нам, независимо ни от чего, гроши. К примеру, на том же стадионе «Динамо» билеты стоили три рубля, а мне лично заплатили пять с половиной! И ребятам не на много больше. Весь ансамбль оценивался на концерт в пределах сорока рублей! Это надо полагать, какую прибыль мы приносили! Дикую! И все шло в Министерство культуры. Правда, некоторое время спустя нам подписали сольный концерт и прибавили жалование аж до... семи рублей! Смех и слезы... Но мы вкалывали, как проклятые. На энтузиазме, на огромном желании работать. Мы были молоды и самозабвенно любили то, чем занимались. И не взирали на разочарования и досаду. А они были постоянно. Не разрешали на гитарах играть сольные куски, не разрешали выходить на сцену с распущенными волосами, в брюках, с бородой, с усами... Маразм! Не разрешали исполнять песни, если композитор не являлся членом Союза и, напротив, обязывали петь песни совершенно бездарных авторов, лишь за одно то, что они сидели в худсовете. Если не споешь, зарубят. И мы пели, но только на художествах, а на концертах выбрасывали. Но ведь надо было репетировать, заниматься не один день, угробить массу времени, чтобы потешить самолюбие какого-то дяденьки. Я и фамилий-то их не знала. Сидят и сидят. Но одна мечта, одно желание владело всеми — скорее вырваться к зрителю! Он — самая большая радость. Его реакция на наши выступления — самая важная. Это сейчас журналистами принято обмусоливать, кто что сделал, и уже все газеты: «Иванов! Петров! Сидоров!» Пять девочек за ним побежали и пуговичку у него оторвали!» Господи! Эка невидаль! Нас поджидали толпы народа. Организаторы концертов выводили нас тайно, черным ходом. Потом, когда стали побогаче, обзавелись машинами. Так мою вместе со мной подняли на руки и понесли! Я думаю: «Боженька, спаси и сохрани рабу грешную! Что же будет со мной, когда им надоест тащить и они ее бросят?!» Но писать об этом было неприято. Просто: концерт прошел с успехом. Нас буквально забрасывали цветами. Мы стояли в них чуть ли не по колено. Море цветов! Мы видели, как нас записывают на свои магнитофончики, видели и слышали, как из всех окон доносятся наши песни, крутятся пластинки, звучат записи. Люди наизусть знали все наши шлягеры. А отличных песен мы записали очень много. Тогда, по молодости, я к этому относилась не очень серьезно, больше тянулась к каким-то более крупным формам и слушала другую музыку. Не только «Битлз» и «Роллинг Стоунз», но «Дип Пепл», «Лед Зеппелин»... Потом джазрок пошел. «Кровь, пот и слезы...», «Чикаго...» Мы обучались на самых лучших образцах. Другое дело, что мы не имели возможности все это донести до зрителя, да и, как впоследствии поняла, не надо было этого. Не дай, Бог! Это было бы совершенно неинтересно. Это их музыка, не наша, и вряд ли бы нас понял наш слушатель. Мы занимались песней, которая имеет свои корни, свои традиции, замешана на русском народном творчестве плюс романс, которая просто генетически вошла в плоть и кровь русского человека. И всегда была на слуху. Только теперь я понимаю, какие были тогда прекрасные песни. Я подросла и поумнела. Осознала, что они никогда не были примитивными. Да, они не были украшены какими-то совершенно дикими аранжировками, но они были просты, искренни, душевны. С прекрасной мелодией и прекрасными стихами. Сколько лет прошло, а я на каждом своем сольном концерте делаю попури из старых песен. И меня невероятно удивляет... Ну, я понимаю, тридцатилетние, сорокалетние, пятидесяти- и шестидесятилетние знают их наизусть!.. Но, когда двадцатилетние!.. Откуда?! А через маму, через бабушку, через кого-то еще. У меня достаточно разный репертуар, есть и чисто дискотечный. И на одной такой дис-

коотеке, проходившей на стадионе, подходит ко мне администратор и просит: «Спой попури». Я аж похолодела — ни за что! Меня же освищут! Под фоно!.. Без барабанов!.. Нет! И не уговаривайте! А администратор: «Ну, сделай для меня, пожалуйста». И вот я сделала. Потрясающе! Я просто не ожидала! Готова была ко всему: к свисту, гвалту, проклятиям... Но случилось невероятное: молодые перестали танцевать и сгрудились вокруг фоно, влезли на сцену. Меня не было видно вообще, потому что я сидела, они стояли. Я немножко так привставала и, уже на последней песне, влезла на стул и одной рукой играла, а второй приветствовала зрителей. И полстадиона пела! Есть такая поговорка: «Время покажет...» И время показало, что многие песни «Самоцветов» живы и до сих пор любимы. Но нам наша популярность давалась совсем не просто...

— Вот так вот! — сказала Ирина и ткнула сигарету в пепельницу. — Слава нам доставалась непросто. Каждый шаг был вымучен. Мы хотели модернизировать фактуру звучания, чтобы бас-гитара и барабаны по-другому играли и чтобы гитара-соло не молчала, потому что она — соло. И шагок за шагком... Крадучись. Тихонечко-легонечко. Что-то добавляем новенькое. В окраске звучания, в манере... К примеру, очень не приветствовалось, когда певица пела открытым тембром. А я сразу перешла на открытый тембр. А училась этому, слушая магнитофонные записи. Естественно, не все получалось, и не из-за того, что были какие-то препоны, а еще и мастерства не хватало. Но профессиональная подготовка с каждым днем росла! И конечно, надо признать, в том огромная заслуга Юрия Маликова. Никаких сомнений на этот счет быть не должно. Я бы даже сказала — великая заслуга. Не побоюсь этого слова. Даже одно то, что побывав в Японии, он вместо тряпок и всякого иного барахла привез, используя все свои деньги, заработанные там, аппаратуру «Ямаха» для будущего своего ансамбля, говорит о многом. Кроме репетиций, аранжировок, он мотался по сотням разных организаций, пропадал на радио, телевидении, во всяких горкомах, обкомах, министерствах и ведомствах. Что-то постоянно выбивал, с кем-то договаривался... Кошмар! Он даже не двуязыльный, не трехязыльный, а десятиязыльный человек. Теперь, по прошествии времени, я понимаю это со всей очевидностью. А то, что произошло в семьдесят пятом... Очень жалко. По молодости... Сейчас смешно об этом вспоминать. Какая ерунда! Мы ушли и организовали ансамбль «Пламя», а Юра набрал прекрасный коллектив «Самоцветов» и... всем места хватило на этой земле...

Разрушенный дом начинают возводить с фундамента, а не с крыши. Срезанную молнией вершину дерево восполняет силой своих корней, еще глубже вгрызаясь ими в землю. Так и человек черпает силы в глубине прошлого. Не бездумно черпает, не наобум, а сверяясь со всем накопленным жизненным опытом. «Самоцветы» — одна из частичек нашего прошлого, и их песни еще долго будут нам нужны. И, может, наступит такой день, когда все бывшие «самоцветовцы», кто из-за кордона, кто из Москвы, а иные из других городов России, съедутся вместе и где-нибудь, не обязательно в столице, а, скажем, в Екатеринбурге, выйдут на концертную площадку и, отбросив все сомнения, всякую ложную стыдливость, глупейшее отчуждение и нелепейшие недоразумения, споют на радость себе и своим поклонникам тот бесконечно далекий шлягер:

...Как в поле роса, как в небе звезда,
Как в море бескрайнем веселый прибор,
Пусть будет с тобой, с тобой навсегда
Большая мечта и большая любовь.
Не надо печалиться, вся жизнь впереди.
Вся жизнь впереди, надейся и жди...

О

ткуда взялись лешие?

Леший в русских народных верованиях сильно отличается от всей остальной нечистой силы. И прежде всего тем, что не боится креста. Порой, он даже сам пользуется словом божьим, когда дерется с чертями. Только произнести это слово непременно должен кто-нибудь другой, а уж леший потом отблагодарит его по царски. Он не вредит людям, а охраняет лесные богатства, его иногда и называли лесничим. Конечно, любит подшутить над людьми, порой — зло, порой — добродушно, но враждебным к людям он не бывает. Нередко люди дружили с лешим, и он помогал им, требуя только, чтобы они не хвалились его дружбой.

Лешие брали дань с крестьян за право пасти скот в их владениях, но за это охраняли стада от диких зверей. Временами похищали детей, но только не крещеных или проклятых. Дети вырастали в лесу и тоже становились лешими.

Вообще леших было очень много. Они делили лес на отдельные владения. Жили в таких же домах, как и люди, и тоже семьями — были у них и жены, и дети. Могли даже жениться на деревенских женщинах и жить в согласии. У лешего было сытно, хотя и скучно. Как самый обычный человек, он иногда нанимал себе работников и всегда честно с ними рассчитывался. И внешний вид у лешего вполне человеческий, только левая пола кафтана запахнута за правую. Словом, лешие напоминают не столько сверхъестественных существ, сколько загадочный лесной народ. Только вот как он там оказался?

Известна история с церковным расколом: люди, не признававшие нововведения, уходили в леса, сохраняя привычный уклад жизни. По-видимому, нечто подобное, только в куда больших масштабах происходило в пору введения христианства на Руси. Тогда ведь недовольными были не отдельные церковники — весь народ оскорбился надругательством над верой их предков. Но больше всех, конечно, пострадали жрецы. Они потеряли все: лишились своих богатств и привилегий, из уважаемого и влиятельного сословия превратились в изгоев на своей земле. Правда, в народе они еще сохраняли авторитет, сельское население долго оставалось языческим. Но позднее церковь добралась и туда. Разрушались капища, вырубались священные рощи. Стали появляться новые святилища, но уже в лесах, подальше от чужих глаз. Там же селились и языческие жрецы — в надежде сохранить древние культы. Тайно вербовали сторонников, копили силы для борьбы с христианством.

Но выбор у них был не велик, по сравнению с возможностями христиан. Позиции церкви усиливались, влияние жрецов падало. К тому же, поселившись в лесу, они перестали участвовать в общественной жизни, их место заняли христианские священники. И люди стали забывать о них, отождествляя лесных жителей с лесными духами.

Отсюда понятно, почему леший не разрешал хвалиться дружбой с ним — если власти узнают про языческую общину в лесу, ей придется плохо. Сведения о дани, которую лешие будто

бы брали с людей, тоже, возможно, основано на реальных фактах. Когда языческие общины еще обладали реальной силой, они могли облагать данью окрестное население. Позднее некоторые из них превратились в обычных разбойников. Летописи отмечают, что после введения христианства разбои на Руси умножились. Похоже, что это была партизанская война, которую начали жрецы, чтобы вернуть свое влияние. Но их возможности были ограничены, а к услугам церкви государство предоставило все свои ресурсы.

Ясно, почему леший не может сам припугнуть чертей крестом и молитвой. Он — язычник и, чтобы получить помощь христианского бога, нуждается в посредничестве христианина. Громкий свист леших — удобное средство общения на большом расстоянии. Так они, видимо, предупреждали друг друга об опасности.

Но жизнь в лесу ведет к деградации. Лесные поселения постепенно исчезали — одни их обитатели возвращались к людям, принимая христианство, другие дичали. В пору татарского нашествия языческие поселения, рассеянные по лесам, были особенно уязвимы. Зато позиция церкви при татарах укрепилась, и она воспользовалась этим, чтобы искоренить влияние волхвов в народе.

Вот так закончилась попытка языческих жрецов противостоять христианизации Руси. А, впрочем, закончилась ли? Может быть, дожили волхвы и до наших дней? Не с ними ли связан нынешний всплеск интереса людей к русскому и славянскому язычеству?

«Так образы

Татьяна БУРУКОВСКАЯ

ИЗМЕНЧИВЫХ ФАНТАЗИЙ...»

ВСЕ ЛУЧШЕЕ приходит к нам из детства. Оттуда и пришло то удивительное чувство, которое, за неимением достойных его слов, назову влюбленностью в книгу. Не так уж их много, этих книг. Время от времени я перечитываю их, переосмысливаю, словно медлительный гранильщик, который с каждым поворотом камня приоткрывает в нем новую грань, видит новые тончайшие оттенки и, следуя законам совершенства, творит — и постигает глубину.

Вот так я много лет храню в своем сознании романтическую поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Сначала, в детстве, она воспринималась сказкой. Правда, не очень понятной. Потом было предчувствие любви, усталость от преодоления... Но только ли они возвращали меня к поэме Руставели? И чем отмечен был тот миг, позади которого остался ее сюжет, а впереди — неиссякаемо, волшебю — манили краски слов и магия стиха, и совершенство формы? Это была дорога к постижению. И я пошла по ней.

И оказалось, что дорога, проложенная Руставели, устлана то нищенским рядом, то изощренными коврами — в зависимости от искусства перевода.

Недостатка в их количестве не было. А качество... Сначала его критерием служила смысловая точность, подчеркнутая сохраненным стихотворным размером оригинала. Но потом оказалось, что все дело... в камнях. Да-да, в рубинах, лалах, жемчугах и прочих драгоценностях, обильно украшающих поэму. Около двухсот раз упоминаются в ней самоцветы и поделочные камни тринадцати видов. Одни — только для сравнения; другие несут двойную нагрузку: они то символы богатства, то поэтические образы; третьи встречаются нечасто, играя единственную роль — драгоценностей.

Впрочем, Руставели, казначею при дворе царицы Тамар, самоцветы были знакомы и доступны. Как часть казны, как украшения одежды и пиров.

И опять приличный сану царь устроил пышный пир,

И таких пиров веселых не видал доселе мир.

Там на кубках красовались бирюза, рубин, сапфир...

(Пер. Н.Заболоцкого).

Совсем иными видел цветные камни Руставели-поэт.

Были губы их, как лалы, зубы — жемчугу под стать

(Пер. Н.Заболоцкого).

Какое яркое сравнение: ведь лалом раньше называли ювелирную шпинель! Особенно ценились алые лалы из Индии, розовые — из копей Кух-и-лал на Памире, в местности Шугнан, район Бадахшана. Вот почему такие лалы назывались бадахшанскими. Знал об этом Руставели:

И на них блестят узоры бирюзы, бадахши-лала.

(Пер. Ш.Нуцубидзе).

Здесь традиционное для восточной, особенно арабской и персидской, поэзии сочетание: красное и голубое, лал и бирюза.

Лал считался издавна камнем любви. А бирюза — «камнем победы» и надежды. У персов сочетание лал-бирюза украшало

свадебный подарок. Но и Руставели в приведенной строфе рассказывает о подношениях молодоженам. А вот еще одно:

Дорогим молодоженам, приглашая их на ужин,

Царь поднес по ожерелью из рубинов и жемчужин.

(Пер. Н.Заболоцкого).

И — новая символика, новая фраза на языке камня.

Пурпурно-красный рубин всегда ценили очень высоко, связывали с Солнцем, дарящим свет и тепло всему живому, преподносили в знак мира и с пожеланием благоденствия. Камень этот служил влюбленным для признаний и означал пылкую страсть.

А жемчуг в легендах и поэзии Востока — извечный символ девственности, чистоты. Две тысячи лет назад в Китае жемчужина служила неперменным украшением свадебного наряда.

И везде на Востоке — в землях тюрков, арабов, персов, индусов — жемчуг был знаком власти, могущества, эквивалентом золота и — талисманом, оберегом.

Еще одним символом чистоты и благородства служил хрусталь. Его грузинское название «броли» восходит к арабскому «буллур» и аккадскому «бураллу», что значит «бесцветный, чистый, как вода». Лишь дважды встречается в тексте поэмы слово «броли», зато оба взятых мною перевода избилуют упоминаниями этого камня.

На сияющие розы сыпал он хрустальный град.

(Пер. Н.Заболоцкого).

Стройный стан дрожал, и розу леденил хрустальный град.

(Пер. Ш.Нуцубидзе).

В русский язык слово хрусталь пришло из греческого, где оно звучало «кристаллюс» и первоначально означало «лед».

Царем камней всегда и везде называли алмаз. На Востоке он был известен под именем адамас — непреодолимый.

Как и в природе, в поэме Руставели алмаз встречается не часто (всего восемь раз), зато — во всей известной к той поре гамме свойств.

Чтоб пробить из камня сердце, нужен дротик из алмаза.

(Пер. Ш.Нуцубидзе).

Таризля лик сияет ослепляющим алмазом.

(Пер. Ш.Нуцубидзе).

Пусть она сияет миру, словно царственный алмаз!

(Пер. Н.Заболоцкого).

Алмаз считался символом победы, знаком сдержанности, целомудрия и талисманом полководцев. Отблеск этих древних поверий лежит на каждом «алмазном» сравнении в поэме.

Современное имя изумруда восходит к арабскому «зумурруд», грузинскому «зурмухти», греческому «смагродос», санскритскому «мараката» и принадлежит прозрачному драгоценному камню того чистого зеленого цвета, какой имеет свежая трава. Этот оттенок зелени привычен и радостен человеку. Быть может, поэтому мы обретаем спокойствие, глядя на изумруд. Его называли камнем хладнокровия и мудрости, символом жизни. Четыре раза

обращается Руставели к сравнению с изумрудом — то платья прекрасной Нестан-Дареджан,

В изумрудном одеянье, средь ковров, любимых ею,
Мне напомнила царевна станом стройную лилею.

(Пер. Н.Заболоцкого),

то зелени сада:

За оградой изумрудной, в окруженьи тополей.

Царь сошел с коня у башни безоаровой своей.

(Пер. Н.Заболоцкого).

Как насыщена эта строка зеленым цветом: тут и живая изгородь, и башня из камня безоар. Слово это персидское и означает «противоядие». Как и другим зеленым камням, ему приписывали целебные свойства и потому верили, будто налитый в безоаровую чашу яд теряет силу. Камень, «спасавший от гибели», ныне известен под именем офит или змеевик. Во времена Руставели безоар как поделочный камень ценился невысоко и находил применение, в основном, как лекарственное средство, сырье для излечения сопутствующего минерала асбеста, огнеупорной каменной кудели, а также использовался как материал для дешевых поделок и оберегов. Да, что-то не верится, чтобы из такого «плебейского» камня

Безоаровую башню царь воздвиг для черноокой

(Пер. Н.Заболоцкого),

заметим: царевны, наследницы престола. Значит, безоар (груз. — фазари), в поэме — не змеевик. И это вполне вероятно: ведь некоторые его сорта внешне почти не отличимы по меньшей мере от двух драгоценных зеленых камней — жадеита и нефрита.

«Камень камней» — так называли нефрит и делали из него знаки отличия императоров и придворных. А наследник китайского престола спал на нефритовой кровати, украшенной искусной резьбой и самоцветами.

А поэтическими сравнениями — и только ими — предназначено быть трем удивительным минералам. Каждый из них причисляли к «живым камням», как только постигали тайну его происхождения. В XII веке, когда и был написан «Витязь в тигровой шкуре», представление о «живых камнях» выглядело примерно так: «...коралл и подобные ему вещества телом походят на минералы, а душою — на растения». (Ал-Бируни. Минералогия. М. 1963, стр. 178.)

Украшения из коралла носили еще 10 000 лет назад. Сначала это были просто изящные кусочки очень редких видов — белого и благородного красного, веточки которого дарили друг другу цари.

А еще «живой камень» был принадлежностью восточных поэтов. Не украшением, не амулетом — образом, краской, эпитетом.

Губ кораллы шевелились, сердце верило в победу.

(Пер. Н.Заболоцкого).

Как идет к его одежде цвет коралловый тюрбана.

(Пер. Н.Заболоцкого).

Цвет, всего лишь цвет... Но будь он просто назван красным, как ощутить очарование и благородство?! Как разгадать иной, потайной смысл, просвечивающий сквозь слово?! Быть может, вновь прислушаться и попытаться понять затейливый язык камней?

Говорил он: «О, светило! Поражен судьбой коварной,

Я — кристалл, рубин и роза, — принимаю цвет янтарный...

(Пер. Н.Заболоцкого).

С кристаллом (хрусталем) — символом чистоты, белизны, а в данном случае — изысканной бледности, и рубином, с цветом которого поэты Востока сравнивали то багрянец губ, то смуглый румя-

нец щек, все, кажется, ясно. А что значит «цвет янтарный»? Ведь на Кавказе янтарь известен под названием «базмагуни» — многоцветный. Какой из почти 250 оттенков янтаря имел в виду автор?

Возможно, здесь упомянут один из оттенков самого обычного желтого янтаря? Ведь на Востоке именно такой цвет означал и разлуку, и печаль.

И все же не только цвет, не только образ грусти являет здесь янтарь. Четырежды упомянул его поэт, и каждый раз — в соседстве с иными самоцветами. Поставил рядом — и противопоставил. Как, собственно, случилось и в природе.

В отличие от хрустала, рубина и шпинели, соседствующих с ним в стихах, янтарь изначально не был минералом. «Кровью растений», «живицей», смолой был этот самоцвет в момент возникновения. Должны были пройти десятки миллионов лет, чтобы текучее, живое, хранящее лесные ароматы, вещество превратилось в камень.

На Востоке, куда по древним торговым путям попадал янтарь, из него делали четки. Особенно в чести там был камень, который называли черным янтарем или черной амброй.

Правда, в поэме Руставели ни разу не упомянуто название «черная амбра» или «черный янтарь», зато тридцать раз вещество, которое так называли, обозначено словом «гипер», то есть «черный, как ночь». Только речь здесь идет не о янтаре, а о разновидности углей — гагате.

Его имя произошло то ли от Гаге — города и реки на юге Малой Азии, в Ликии, то ли от греческого «гагатес», что переводится как «черный янтарь». Ведь древние думали, будто янтарь и гагат различаются лишь цветом, а роднятся и мягкостью, податливостью в обработке, и способностью гореть, издавая приятный, терпкий аромат. Знаменитый врач и минералог Ибн-Сина (Авиценна) советовал окуривать дымом горящего гагата людей, страдающих падучей болезнью (эпилепсией). А поскольку считалось, что недуг этот возникает у тех, кого сглазили в детстве, гагатовые обереги носили от сглаза. И надевали даже на шеи ослам. И это говорит о дешевизне камня.

Он до сих пор весьма популярен на Востоке. Как и много веков назад, там делают из него четки, крестики, декоративные фигурки. Обработанный гагат отлично держит форму, надолго сохраняет лоск и благородство бархатистой черноты глубокой южной ночи. Удивительно ли, что поэты — и Руставели в их числе — избрали для сравнения с цветом глаз, ресниц, бровей и кос восточных красавиц именно гипер, гагат?!

Мне иных ресниц гиперных губит душу черный бор.

(Пер. Ш.Нуцубидзе).

Но почему же в переводе Н.Заболоцкого эта строка «окрашена» совсем иначе?

Лес агатовых деревьев, лес ресниц владеет мною.

Ведь однородно-черных агатов не бывает: по определению агат — полосчатая разновидность халцедона. Об агатовой окраске Ал-Бируни писал: «Жилки его тонки, как волос; они смешанных цветов — черного, красного и белого; иногда на них встречаются рисунки деревьев и животных».

Правда, попадаются черно-белые агаты. Их называют глазчатыми благодаря сходству окраски и рисунка с глазом. Есть у агата черно-белый параллельно-полосчатый родственник — оникс. Поэтам он служил для сравнения с глазами.

Однако ни оникса, ни агата нет в оригинале «Витязя в тигровой шкуре». Зато избилуют агатом оба перевода: двадцать де-

вать раз — Н.Заболоцкого, пятнадцать раз — Ш.Нуцубидзе. Что это — ошибка переводчиков?

Быть может, всему причиной и виной — изменчивость живого языка, народное словотворчество? Уж очень созвучны «агат» и «гагат». Известны примеры отторжения одних элементов слова такой пары и слияния других, в результате чего появлялась новая форма. Лингвисты такое явление называют контаминацией.

Обращаюсь к «Словарю русского языка» С.И.Ожегова, М., «Русский язык», 1985.

«Агат... прил. агатовый, -ая, -ое. Агатовые глаза (перен.: черные и блестящие; контаминация с гагатовый от «гагат» — черный блестящий камень, употр. для ювелирных изделий).

Вот, кажется, все стало на свои места. Но, жаль, не в переводах: агат и ныне там, на месте гагата, «ночного бархата» восточной, особенно персидской поэзии. А ведь именно ее мотивы и сюжеты легли в основу «Витязя в тигровой шкуре».

Эта повесть, из Ирана занесенная давно,

По рукам людей катилась, как жемчужное зерно.

Спеть ее грузинским складом мне лишь было суждено.

(Пер. Н.Заболоцкого).

Почти все краски самоцветной палитры персидской и арабской поэзии соединил, «воспев грузинским складом», Руставели. Так почему же он обошел своим вниманием традиционный в стихах предшественников и современников агат? Быть может, здесь сказало знание арабских (эфиопских) и китайских народных сказаний и поверий, в которых черно-белый агат и оникс означал скорбь и печаль, считался «камнем дурного предзнаменования». Но... совсем иначе относились к ним жители Закавказья. Они говорили, что найти и понять агат может лишь безгрешный, чистый душой человек.

Спокойная, чуть сумрачная красота кавказских агатов никогда не оставляла равнодушным ни камнереза, ни поэта. Что же заставило «забыть» об агате кавказца Руставели? Быть может, что-то очень личное? Вот это, например:

Страсть любви меня, миджнура, к этой повести склонила:

Та, кому подвластны рати, для меня светлей светила.

(Пер. Н.Заболоцкого).

Для автора «Витязя в тигровой шкуре» той, «кому подвластны рати», была прославленная своим умом и красотой царица Тамар (1184-1213). Она и стала предметом безответной любви придворного казначея. Эту должность (она соответствует чину министра) Шота Руставели занял после того, как получил образование в одной из грузинских академий (Гелатской или Икалтойской), продолжил занятия в Греции. Свободное владение греческим, арабским, персидским языками позволило ему изучить литературу и философские труды Греции, Арабского Востока, Малой и Средней Азии.

Много путешествуя, поэт узнавал обычаи, культуру, природу разных стран. Каких? Об этом тоже сказано в «Витязе...»! Ведь иранская поэма на грузинский лад во многом автобиографична. Но как же найти в затейливых узорах мыслей ее автора тот знак сугубо личного, который подскажет причину исчезновения агата из традиционного самоцветного метафорического ряда поэмы? Кстати, в этот ряд вошли только самые драгоценные или самые почитаемые, благодаря своей «целебной» силе, камни. Уж кто-кто, а высокообразованный придворный казначей знал в них толк! И все же пренебрег агатом, заведомо лишив свою поэму

дивной краски. Непостижим этот влюбленный поэт Шота из Рустави! Из того древнего маленького села на юге Грузии, у границы с Турцией, в местности, испокон века называемой Месхетией, о чем Руставели тоже упомянул в поэме:

Месх безвестный из Рустави, кончил я свое творенье.

(Пер. Н.Заболоцкого).

Но какое отношение все это — и любовь к царице Тамар, и высокий придворный пост — имеют к моему поиску? «Витязя в тигровой шкуре» писал именно влюбленный, именно министр, и вовсе не безвестный уже в ту пору человек. Да к тому же не растерявший в придворных церемониях и блеске память о родной Месхетии, земле детства.

В Месхетии агаты находили издревле и носили как талисманы или украшения. Агатовыми гирьками купцы и ювелиры пользовались, взвешивая золото. Неподалеку от Рустави, близ Ахалцихе, ведется промышленная разработка месторождений агата. А вообще в Закавказье известно около ста месторождений и крупных проявлений этого полудрагоценного камня.

Конечно, агат с детства был знаком Руставели. Но в ту пору мальчик не понимал цену агата: кто ценит булыжник под ногами...

Конечно, был знаком с агатом высокообразованный министр Шота из Рустави. Но как же в нас сильны оставшиеся с детства ощущения. И казначей не покорил агат: кто ценит булыжник под ногами...

Поэт, влюбленный в царицу, воспел и нрав ее, и ум, и красоту, осыпав милый образ лучшими из самоцветов. Но не было и не могло быть среди них агата: кто станет сравнивать любимую и все вокруг нее с булыжником, лежащим под ногами...

Казалось, найден знак того сугубо личного, что заставило поэта изъять из палитры «агатовую» краску. Но — воистину «раздумьям нет предела» — не позволило успокоиться признание:

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!

Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.

(Пер. Н.Заболоцкого).

Значит, «Витязь в тигровой шкуре» — не единственное произведение Руставели. Где же остальные? Может быть, их рукописи превратились в пепел, когда войска Джалал-ад-Дина в 1225 году сожгли Тбилиси? Или это случилось позже, когда горели на площадях поруганного монголами Тбилиси костры из христианских рукописных книг? И как знать, не руставелиевские ли строки были на тех листах, которые нещадно, в клочья рвали персидские кизилбашы, турецкие аскеры во времена своих набегов на земли Грузии.

Но сохранились же иные, не менее древние, рукописи. Вдруг среди них — то не прочитанных еще, то не распознанных — таятся неведомые строки Руставели? Как же понять, расшифровать их автора? Ведь почерк Руставели неизвестен: оригинал его единственной дошедшей до нас поэмы «Витязь в тигровой шкуре» утерян.

И мне подумалось о тех то явных, то подернутых туманами догадок знаках, которые лишь в сочетании могли бы указать на принадлежность перу Шота Руставели.

Когда бы к явным знакам отнести искуснейшее построение строки, озвученной аллитерациями, *потайным* знаком я считала бы агат. Вернее, отсутствие агата, упоминание о нем.

Или это — знак лучшего, которое приходит к нам из детства?

К очерку Т. Буруковской «ТАК ОБРАЗЫ ИЗМЕНЧИВЫХ ФАНТАЗИЙ».

Фото Н. Ф. Маркова

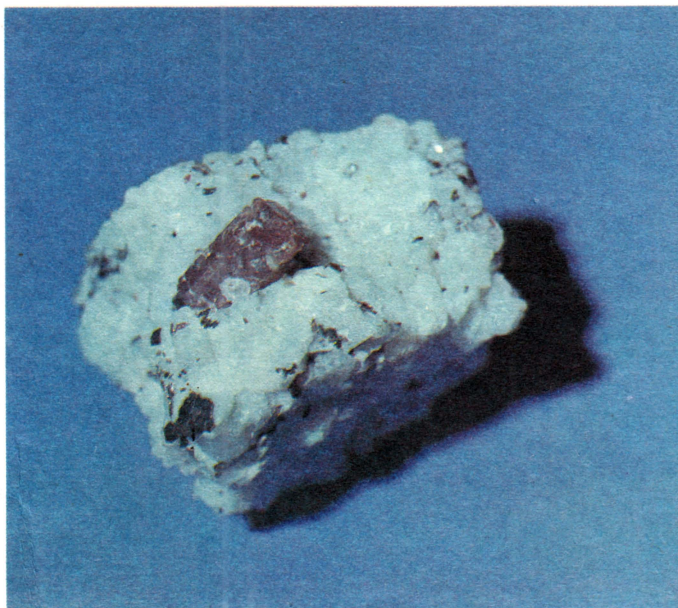
ИЗУМРУД

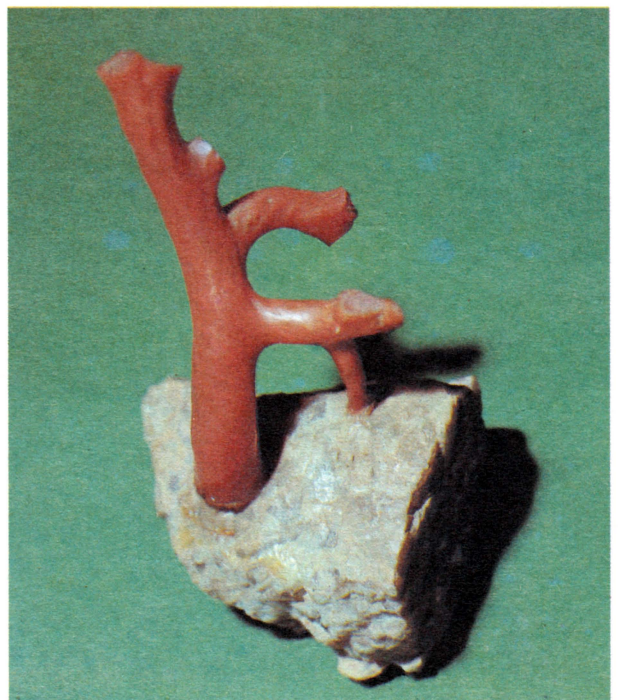
БИРЮЗА ЖИЛЬНАЯ И СЕТЧАТАЯ

КРИСТАЛЛ РУБИНА В ПОРОДЕ

КРАСНЫЙ БЛАГОРОДНЫЙ КОРАЛЛ

Бид 16

АГАТ